

Перевод группы vk.com/bambbook_clubs

Эдди Кливленд

Я потерял своих людей. Потерял свою ногу. Потерял карьеру. И все, о чем я мог думать, была Лорен. Я покинул Вест Поинт с двумя вещами: разбитым сердцем и обещанием, что никогда не допущу этого снова. Теперь я снова в Колорадо, как военный герой. Нахер это, я - знаменитость. И каждая девушка желает раздвинуть ноги перед Капитаном Америка. Так почему же я хочу только ее? *** Даже с одной ногой Мак Форестер не потерял своей самонадеянности. Прошло десять лет с того момента, как он ушел. Но под его татуировками я все равно вижу парня, который разбил мне сердце, выбрав страну вместо меня. Я говорила себе, что с меня хватит. С ним покончено. Один взгляд в его кристально-голубые глаза, и я знала, что все это - ложь. Теперь он хочет меня вернуть, но десять лет - долгое время. Есть столько всего, о чем он не знает. Например, о своем ребенке.

Глава 1

Лорен

2004

— Эй!

— Потряси её, как фотку из полароида, — кричим мы в унисон. Я окружена своими самыми близкими толкающимися подругами в платьях, которые ещё пригодятся нам на роль подружек невесты. Не могу поверить, насколько мне весело. Оглядываюсь на Беки, а она трясёт своей попкой, словно ищет на неё приключения. Она сейчас в самом расцвете. Спустя месяцы наших попыток заставить её по-другому посмотреть на тему нашего выпускного бала, всё наконец-то срослось. И, должна признать, выглядит это эффектно.

Когда она впервые на собрании совета выдвинула идею «Сказочной» темы, я закатила глаза больше, чем кто-либо. Справедливости ради, её первая вечеринка была не самой лучшей. Слава Богу, нам, и вправду, удалось развить её идею Диснеевской принцессы вместо той, от которой у меня жуткие детские воспоминания из-за страха перед Микки Маусом. Мы переделали её в потрясную постановку, в центре которой мы сейчас и танцуем. Белые, серебристые и бирюзовые шарiki по несколько штук привязаны под потолком, что создаёт видимость магических облаков. По крайней мере, так они выглядят при таком освещении. И мили шёлковой ткани, драпирующей стены комнаты по периметру, превратили Гольф Клуб Колорадо в танцпол мечты для выпускников 2004 года, на котором можно танцевать всю ночь напролёт.

Такое чувство, будто бы сегодня все идёт идеально, и вечер с уверенностью можно назвать сказкой. Всего лишь неделю назад я плакала в кабинете своего врача из-за ушной инфекции, от которой голова кружилась так, что я думала, не то что не потанцую на выпускном балу, а никогда не попаду на него. Я ревела, как четырёхлетний потерянный в универмаге ребёнок, когда доктор Клебес подтвердил, что мне на один день нужно пропустить школу, и пропить курс антибиотиков, пока все не будет в порядке.

— Но... но мой бал! Моё платье! Мне нельзя болеть. Я не могу пропустить его!

Я не горжусь тем, что плакала навзрыд. Он сказал мне, что сегодня же я буду в порядке, если хорошенько отдохну, буду пить много воды и принимать таблетки. Оказалось, он знал, о чем говорил, и моё временное помешательство было понапрасну.

Думаю в итоге все степени на его стене что-то да значили.

Когда песня «OutKast» заканчивается, я и мои девочки стоим в кружке, и просто пьем друг на друга, ожидая следующего трека, который скажет нам, что делать. Это будет ещё одна быстрая песня? Стоит ли нам оставаться в нашей маленькой банде из кружек и блесток? Или изменение ритма отправит нас на поиски парней, с которыми мы сюда пришли?

Королева выбирается лишь в восемнадцать...

Она немного не ладит сама с собой...

Мы быстро разбегаемся в разных направлениях, как только Адам Левин начинает свою серенаду. Не нужно слишком много времени, чтобы заметить Мака. Он именно там, где я его и оставила три песни назад. К счастью для меня, он выглядит так же сексуально, как и три песни назад.

Я пробираюсь через преграды в виде столов и стульев, пока не достигаю задней стены, к которой он прислонился. Если бы я не знала его настолько хорошо, подумала бы, что он прячется.

К сожалению для него, его нелегко не заметить. Высокий, ростом выше ста восьмидесяти сантиметров, с мощными плечами, которые не может скрыть даже пиджак, ему сложно будет укрыться за растением в углу или чем-то ещё. Лицо Мака способно заставить растаять каждую девушку в комнате, а тело — это все, чего они могут пожелать рядом с собой в постели. Это, и все внимание, которым он постоянно окружен, заставляет меня ревновать, но ему всегда плевать на всех, кроме меня. Так было с тех времён, когда мы были детьми, и будет, пока мы не состаримся. Кроме этого, все знают, что Мак — занят. Пусть попробуют свои шансы с Камероном Армстронгом.

Будучи квотербеком футбольной команды высшей школы, у Камерона никогда не было проблем с повышенным к его персоне, вниманием девушек. С волосами песочного цвета и глазами глубокого синего оттенка, и тот факт, что он второй по красоте парень в школе также не причиняет боли. Я бы рассмотрела его в качестве альтернативы, если бы уже не была с самым красивым парнем школы. И если бы он не был неисправимым бабником.

Глаза Мака загораются, когда он видит меня, будто я только что разбудила его ото сна. Я люблю, когда он смотрит на меня вот так. Вы бы не узнали, что в зале есть другие девушки потому как он улыбается мне. Будто я единственная женщина в мире, не говоря уже про танцевальный зал.

— Давай. Твоя очередь потанцевать со мной, — я тяну его за обе руки и пытаюсь оттащить от стены. — Просто потанцуй одну медленную песню со мной, и я больше не буду к тебе приставать, — молю я.

— Неё, эту я пересажу, — он не сдвигается ни на миллиметр. Я могла бы приложить максимум своих усилий, чтобы его сдвинуть, и все было бы коту под хвост. Его телосложение напоминает кирпичную стену. Твёрдый, точёный, сильный камень, который с тех пор как мы начали встречаться заставляет каждую девушку ревновать.

— Только одна песня, — настаиваю я, слабо потягивая его за руки. Он не сдастся. Я знаю, что не сдастся. — Зачем ты пригласил меня на бал, если не собираешься танцевать? — я выпячиваю нижнюю губу, которая, я надеюсь, пошатнёт его. — Я потратила недели на выбор платья, и больше никогда не буду выглядеть такой красивой. Я не хочу тратить эту единственную ночь на то, чтобы простоять у стены.

Ему не нужно знать, что на самом деле это были месяцы. Или, например то, что я

планировала, что надену на выпускной, с начала этого учебного года. Я разгладила руками своё королевское фиолетовое платье в пол. Посмотрев на каждое платье неоновом цвета, я отбросила идею скрытой элегантности. Я действительно чувствую себя принцессой в замысловато вышитом бисером лифе, и юбке в пол из шифона. Все, чего не хватает, это хрустальных туфель.

Туфель и моего принца.

Мак Форестер является воплощением многих вещей. Обычно, слова «горячий» или «упрямый» используются, для его описания. Но он не принц, и единственная вещь, в которой он умел, это снимать с меня одежду.

И её любят...

— Песня почти закончилась. Потанцуй со мной всего лишь минуту. Только конец песни, — пытаюсь я снова. Мак просто улыбается и склоняет голову набок.

— Ты и правда выглядишь красиво, — грохочет его голос. — Но я пришёл сюда не танцевать. Я привёл тебя, потому что знал, что для тебя это важно. — Он оттолкнулся от стены, и выпрямился, поднимая мою руку над головой и поворачивая меня в танце. Я прищуриваюсь, и комната вращается вокруг меня. Платье кружится, открывая ноги, а потом снова собирается вокруг лодыжек. Чувствую себя маленькой балериной из музыкальной шкатулки моей матери, на которую я обычно смотрела.

С ней тоже никто не потанцует.

Мак резко дёргает меня к своей груди, и пришивает меня к полу своими голубыми глазами.

— Кроме того, на выпускном балу можно сделать гораздо больше, чем это, — он кивает головой на кружащиеся пары позади нас. — Я и правда планирую потанцевать с тобой, — он ухмыляется своей хитрой полуулыбкой, и моё сердце трепещет. Я уверена, что он слышит моё сердцебиение. — Не переживай, я тоже тебя покружу, но для *моего* танца это милое маленькое платьице придётся снять.

Я не собиралась вжиматься в него грудями. Это не для того, чтоб подстрекнуть его. Я просто не могу сдержаться. Мак знает, как обворожить меня одним взглядом. Песня сменяется на ещё одну медленную, и мне удаётся вырваться из своего похотливого транса.

— Ладно. Если ты не собираешься танцевать со мной, я найду того, кто это сделает, — я смотрю ему в глаза, и борюсь с желанием впитаться в его губы.

— Кого? Почему ты тратишь своё время здесь? Давай выбираться отсюда, Лорен, — его голос пропитан таким желанием. Я почти чувствую, как он им гипнотизирует меня. Но я отказываюсь так легко сдаться.

Каким-то образом я нахожу силы отойти от его тёплого тела и осмотреть зал. Мой взгляд останавливается на Джоеле Брикмене. Не идеал для долгих отношений, но я знаю, что мой бывший партнёр по химии не откажет в танце. Я ухмыляюсь Маку, и отхожу от него, убеждаясь, что моя походка напоминает походку Шакиры, пока я пересекаю танцпол. Я знаю, что он наблюдает за каждым моим шагом, так что отличное шоу мне гарантировано.

Я шагаю к Джоелу и хватаю его руку.

— Давай потанцуем.

Это не вопрос. Но он, кажется, не против. Он следует за мной по пятам, как послушный щеночек.

Мы быстро растворяемся на танцполе, усыпанном шариками и другими кружащимися парами. Я смотрю на Джоела, и он отвечает мне знакомой улыбкой, которую я видела

последние восемь месяцев в научном классе. Его взгляд говорит, что я сделала его ночь. Черт, я, наверное, сделала его год. Проверяю через плечо, и вижу, как наблюдает Мак, и чувствую себя удовлетворённой, когда самодовольная ухмылка моего парня превращается в нечто другое. В ревность.

Некоторое хотят кольцо с брильянтом...

Некоторые просто хотят все...

Но все, ничего не означает...

Если ты не со мной...

Джоел скользит со мной по танцполу, и мой обзор на Мака закрывается медленно двигающимися парами. Я, наконец, прекращаю вертеть головой, будто сова, и просто фокусируюсь на парне, с которым танцую. Его огромные карие глаза ищут моё лицо в отчаянии увидеть значимость нашего танца. Я сидела рядом с ним весь прошлый учебный год, но так и не увидела его по-настоящему. Его песочные пряди спадают на лоб и обрамляют его большие глаза. Глаза, которые не прекращали на меня пялиться.

Заглядывать внутрь меня.

Мне нужно, чтоб он прекратил это.

— Я, эм, хотела сказать спасибо, за то, что ты был моим партнёром по лабораторным работам весь этот год. С тобой было потрясающе работать, — я перебиваю его мысли в попытке вытащить его назад в реальность. Не могу больше смотреть в эти глаза. Вместо этого, фокусируюсь на своей руке на его плече. Моя загорелая кожа на фоне его белоснежной кажется поразительной.

— Я честно могу ответить, что мне лишь в удовольствие, Лорен. У тебя получилось с медициной? — у него в глазах такая надежда, будто для него это и вправду важно.

— Получилось, — расцветаю я. Не могу ничего с этим поделать: я чертовски горжусь собой. — Я получила полную стипендию в университете Колорадо. Ты можешь в это поверить?

— Конечно.

Я внезапно понимаю, что мои знания о планах Джоела после выпуска равны нулю. Я разговаривала с ним практически каждый день в течение учебного года, но сейчас, когда я думаю об этом, я не могу вспомнить ничего, что он рассказывал мне о своей жизни. Вообще. Меня омывает волной вины.

— А ты собираешься в университет? — стесняясь, спрашиваю я. Не могу поверить, насколько эгоистичной я была. Мой мозг пытается вспомнить хоть что-то, что я о нем знаю, помимо того, что он хорош в науке и запал на меня. И ничего не приходит на ум.

Если он и обижен, то не показывает этого.

— Да. Я тоже буду в университете Колорадо. Поступил на инженерный.

— Оу, поздравляю, — отвечаю я, и зная это, чувствую себя уродом. Но не настолько уродом, чтобы прекратить искать своего парня, заглядывая через его плечо. Когда я оборачиваюсь достаточно, чтобы спина Мака попала в поле моего зрения, я вижу, что он не выглядит впечатлённым.

Хорошо. Пусть знает, как отказывать мне в танце. Я улыбаюсь сама себе.

Некоторые просто хотят все...

Но все, ничего не означает...

Если тебя нет со мной...

Я вижу, как Мак пробирается через столы и стулья, и теряю его из виду. Песня почти

заканчивается, и в этот раз я замечаю Мака на краю танцпола. Поётся последняя нота, когда он подскакивает ко мне, словно тигр из кустов.

— Спасибо за танец, Джоел, — я улыбаюсь, делаю шаг назад, и упираюсь просто в стену из человека позади себя. Чувствую, как его руки обнимают меня и властно притягивают к себе.

— Хорошо, ты своё доказала. Давай убираться отсюда, — шипит он мне на ухо.

Джоел смотрит на меня, после чего, вежливо улыбаясь за моё плечо.

— Спасибо за танец, Лорен. Увидимся в кампусе в следующем году, — он пожимает мою руку прежде, чем отпустить её. И прежде чем я успеваю ответить, меня уже ведут к выходу с таким напором, будто где-то пожар.

Я не переживаю о том, чтобы оглянуться через плечо, когда мы уходим. В этом нет смысла. Моё будущее с Маком.

К черту это.

Моё будущее — это и *есть* Мак. И ностальгия не входит в его планы.

Глава 2

Лорен

2004

— Куда мы идём? — я позволяю ему вывести себя через центральный вход на ночной воздух. Вместо того чтобы пойти к парковке, он усиливает хватку на моей руке и ведёт меня вниз по склону за забор возле здания.

Мак останавливается и быстро разворачивается, почти сбивая меня с ног. К счастью, его руки подхватывают меня прежде, чем у меня есть шанс подвернуть лодыжку на этих каблуках. Я даже не знаю, почему я вообще позволила своей сестре Челси уговорить меня их надеть. Я из тех девушек, у которых голова кружится уже от сантиметровой подошвы на балетках.

Я отбросила восемнадцатисантиметровые шпильки, которые она выбрала вначале. «*Я не стриптизёрша! В них я сломаю свою гребаную шею!*» Я сунула убийственные туфли ей обратно. Она сморщила нос, посмотрев на меня так, как всегда смотрела, когда думала, что я веду себя как ребёнок. Я ненавижу этот взгляд. Я ненавижу его настолько, что теперь семеню в двенадцати сантиметровых шпильках по полю для гольфа, пытаюсь не вывихнуть лодыжку.

Мысли от «помощи» модного выбора Челси ускользают, как только я смотрю в кристально-голубые глаза Мака. Даже сейчас, спустя двенадцать лет, я не в силах отвести взгляд. Этот цвет... Он нервирует в то же время и успокаивает меня. Он как волны, которые набегают на Гавайский пляж. Если вы останетесь на песке и попытаетесь послушать их, вы будете очарованы ими. Вам захочется пойти и окунуться в них, вы будете поглощены идеей укротить их, зная всю опасность, которая кроется под ними.

Мак наклоняется ко мне. Крепко прижимая меня к своему твёрдому телу, и я издаю слабый вздох. Когда его мягкие губы находят мои, мои веки дрожат, и опускаются. Грохочущий ритм танцпола больше не слышен из-за биения моего сердца. Когда Мак отступает, мне нужна секунда, чтобы прекратить вытягивать свои губы в ночной воздух, пытаюсь поцеловать призрака.

Мои глаза распахиваются, и на этот раз я могу видеть похоть в глазах Мака. Я

оглядываюсь через плечо — мы едва ли отошли на три метра от центрального входа. Эти кедровые ограждения непохожи на хорошее укрытие, которое может спрятать нас от взрослых.

— Мак, если ты думаешь, что мы собираемся шалить прямо здесь... этому не бывать, — мой голос напоминает натянутый шёпот.

— Оу, да, ладно, Лорен. Ты думаешь, я собираюсь сделать нечто такое прямо здесь? — он притворяется обиженным.

Вообще-то, *думаю*.

Если я и знаю что-то о Маке, а знаю я немало, так это то, что он попробует заняться со мной сексом везде.

В любом месте.

В любое время.

Боже, я думала, что помогаю ему достичь зрелости и сдержанности, когда настояла на том, чтобы мы подождали до моего восемнадцатилетия. Если уж на то пошло, я думаю, что все это ожидание превратило его в животное. Не то, чтобы я жаловалась.

— Я просто хотел тебя поцеловать. Ничего смешного, — он поднимает руки а-ля «я сдаюсь». — Господи, каким извращенцем ты меня считаешь? Думаешь, как оказаться голой в кустах? Я всегда знал, что ты дикая штучка, — ухмыляется он.

Жар поднимается по щекам, и я отворачиваюсь от него. Не хочу, чтоб он увидел то, что и так написано у меня на лице: эта идея и правда меня возбуждает.

— Ну, чем мы тогда займёмся?

— Увидишь, — его глаза загораются ярче, чем звезды над нами, всего на мгновение, и мне интересно, не вернуться ли мне назад к политике в стиле «никакого секса на заборе». Он переплетает наши пальцы, и поддерживает другой рукой под локоть, пока мы направляемся за загородный клуб. Огней становится меньше, когда мы пробираемся вокруг здания к задней стене, и натываемся на тьму вокруг гаража.

Какого... ?

— Ладно, подожди здесь секунду. Я вернусь меньше чем через минуту. Обещаю, — он заглушает мои вопросы быстрым поцелуем и быстро убегает по траве в тень.

Я морщусь, когда вижу, что он приближается к гаражу. Из двери показывается парень, которого Мак едва ли знает. Они выглядят, как старые друзья, обнимая друг друга за плечи и смеясь. Я наблюдаю, как Мак выуживает кошелек и даёт пару купюр парню, который исчезает внутри гаража. Он покупает наркотики? Нет, это не похоже на Мака. Какой-то косяк? Более вероятно, но неуверенно, зачем ему тогда возвращаться сюда. На вечеринке после бала будет море выпивки.

Я наблюдаю, как Мак ждёт у двери, и слушаю кузнечиков где-то далеко, кожей ощущая ночной воздух. Безмятежность — краткосрочна, когда потрескивающий звук доносится до моих ушей. Ворота гаража открываются, скользят вверх, и белый свет пронзает темноту. Внутри находятся ряды гольф-каров, выстроенных в линию будто солдаты.

Парень запрыгивает в один из стоящих перед воротами, заводит его и останавливается перед моим мальчиком. Я наблюдаю, как они пожимают руки, и теперь Мак запрыгивает в гольф-кар, и выезжает на траву ко мне, пока дверь гаража скользит назад, скрывая секрет. Его самодовольная улыбка снова на месте, когда он останавливается возле меня. Я не могу не улыбнуться ему в ответ.

— Запрыгивай, — он обыденно хлопает по пустому сидению рядом с собой. Будто мы

сейчас не нарушаем несколько законов одновременно. Будто мы собираемся провести несколько раундов игры в гольф, и позабывать мячи в лунки.

Я уверена, что несколько раундов мне обеспечено, и мне даже придётся прибегнуть к тактике кратковременных и длительных ударов.

Какая девушка сможет сказать «нет»?

Глава 3

Лорен

2004

Я забираюсь в гольф-кар. Как только мне удаётся заправить платье вокруг ног, Мак мчится по зелёной траве.

— Ого, притормози. Я не хочу, чтобы эта штукавина перевернулась! — для баланса я хватаюсь за стойку над головой.

— Расслабься. Ты же знаешь, что я тебя поймаю.

Я и правда знаю.

Я знаю, что он приглядывает за мной с тех пор, как мне исполнилось шесть, и я упала с велосипеда «Rainbow Brite». Он смахнул мелкие камешки с моих коленей и вытер слезы с моих глаз. Не могу даже сосчитать количество раз, когда он успокаивал меня с того самого дня. Не могу представить, сколько ещё будет таких раз в будущем. Мак опускает руку на моё плечо, и я кладу голову на его, вдыхая его запах. Куда бы мы ни ехали, я знаю, что с ним безопасно.

Он ведёт гольф-кар вверх по некрутому склону, и я слушаю ночь, пока потоки воздуха пролетают мимо нас. Если я прислушаюсь, я почти услышу историю ветра. Нашу историю, которая проигрывается, а наша судьба — разворачивается. Я почти могу слышать песни и смех нашего детства, уже стёртое любовным шёпотом прожитых лет.

Мак достигает верха склона и останавливает гольф-кар. Он спрыгивает на траву, и достаёт покрывало из-за заднего сидения. Он, вздёрнув запястьями, ловко расстилает его на траве и подходит ко мне, чтобы помочь выбраться из гольф-кара.

Сбросив шпильки, я ступаю на прохладную траву. Как только мы достигаем покрывала, я замечаю отражение луны и звёзд в небольшом озере внизу.

— Оно такое красивое!

— Это озеро выглядит болотом по сравнению с тобой, — отвечает он низким голосом. Мак становится за мной, и скользит по мне руками. Его губы быстро находят свой путь к нежному местечку на моей шее, что как он знает, заводит меня. Помню, когда в седьмом классе Мак оставил засос на этом месте, мама даже не была удивлена. Я улыбаюсь от воспоминания и закрываю глаза, когда язычки желания покалывают кожу.

Он берет моё лицо в свои руки, и разворачивает мою голову к себе, чтоб найти мои губы. Наши языки танцуют друг с другом под песню, которую можем слышать лишь мы одни. Мак прижимается своим твёрдым телом к моему, и я выгибаюсь, инстинктивно выставляя попку перед его членом. Бабочки просыпаются от бешеного желания внутри меня, которое возникает лишь от одного ощущения его возбуждения сквозь ткань. Мы занимаемся сексом всего пару месяцев, но каждый раз это по-новому и грязно. Надеюсь, этот трепет никогда никуда не исчезнет.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. Видеть его глаза, пока он раздевает меня.

Его губы в миллиметре от моей щеки, его дыхание жаром обдаёт мою ёе, превращая тёплую ночь в морозную. Мак, едва касаясь, пальцами пробегает вниз по моему лицу, пока смотрит на меня, будто растворяется в нас. Растворяется больше, чем в этом моменте. Больше, чем просто в сексе. В нас во всех смыслах.

Его взгляд проясняется, и он прижимается ко мне губами в грубом поцелуе.

Его руки находят молнию, и он быстро стягивает с меня платье, чтобы моя грудь, наконец, встретилась с ночным воздухом. Мак осыпает мою шею мягкими поцелуями, спускаясь к ключице. Внутренности скручивает в ожидании его влажного рта на моем соске. Когда он, наконец, смыкает на нем губы, я откидываю голову назад и смотрю на яркую луну, пока волны удовольствия пробегают по мне. Обняв его за шею, я практически вишу на нем, растекаясь от его ласкающего языка. Воздух, словно лёд, когда он отпускает мой левый сосок, и переходит к правому, и я выгибаю спину, надеясь, что он никогда не остановится.

Бешеное желание расцветает между ног и увлажняет трусики. Пока его язык кружит вокруг моего соска и дразнит его, я кричу звёздам, удивлённая своим, собственным голосом. Мак останавливается, и смотрит на меня. Его ухмылка уже тут как тут.

— Прости... Это было немного громко, — я уставилась вниз.

— Мммм, мне это нравится, — дразнит он. — Давай посмотрим, смогу ли я заставить тебя кричать *по-настоящему* громко.

Он тянет меня вниз на покрывало и вниз по моему телу стягивает платье, пока я в нетерпении избавиться от него ёрзаю. Как только платье достигает лодыжек, он отбрасывает его на траву рядом с нами, словно ненужную мысль. Обычно, лежать под ним лишь в одном кружевном белье, когда он ещё полностью одет, заставило бы меня чувствовать себя застенчивой. Но сегодня, когда всё наше освещение луна и звезды, в сочетании с его взглядом на меня, заставляет меня приподняться на локтях, и склонив голову набок, упиваться счастьем оттого, что он смотрит.

— Боже, Лорен, ты такая красивая, — его голос слегка охрип.

— Спасибо, — шепчу я в ответ. — Как насчёт того, чтобы позволить мне увидеть тебя? — я пробегаюсь взглядом по его смокингу, и чувствую, как бабочки трепещут своими крылышками от самой мысли, что он будет раздеваться.

— Тебе не придётся просить дважды, — он сбрасывает свой пиджак, и тот оказывается на траве. Остальная одежда быстро следует туда же, и превращается в гору возле нас. Его точёные мышцы бросают вызов моим глазам, потому что я не могу сфокусироваться на одном месте.

Он склоняется надо мной, и его тёплые пальцы скользят под краями моих трусиков, поддевая и натягивая, пока он их не стягивает с меня. Я усаживаюсь, и запускаю пальцы под резинку его боксёров. Мне до сих пор неловко раздевать его. Я медленно стягиваю их вниз, пока его член не выскакивает полностью, подпрыгивая перед моим лицом. Я не могу не втянуть воздух. В отчаянии почувствовать, пытаюсь пальцами обхватить его, но Мак мягко толкает меня на спину.

— Я хочу тебя, Лорен. Хочу быть в тебе, — он опускается на меня, обнимая с обеих сторон сильными руками. Мои глаза прикованы к его внушительному бицепсу, а потом к лазурному цвету его глаз.

— Ты готова? — мурчит он.

Я киваю и прикусываю губу, пока он прижимается головкой к моей скользкой щёлке. Он толкается в меня, и я чувствую, как моё тело открывается для его толстого члена. Даже

если это наш не первый раз, мне все ещё немного больно, когда он толкается бёдрами и полностью хоронит себя во мне. Я обнимаю его за шею. И осознаю всепоглощающую потребность почувствовать соприкосновение его кожи к своей. То, как его тело накрывает моё, успокаивает, будто тёплое одеяло в грозовую ночь.

Мак входит в меня миллиметр за миллиметром, пока его бедра не касаются моих. Я шире раздвигаю ноги, обхватывая ими его ноги, позволяя ему наполнить меня ещё больше. Когда он выходит и снова вколачивается в меня, я от боли, которая приходит вместе с удовольствием, хватаю ртом воздух. Мак врезается в меня, и я подаю бедра ему навстречу, пытаясь почувствовать его настолько глубоко внутри, насколько это возможно.

Он опускает голову вниз, и втягивает мой сосок в рот, жёстко посасывая его. Клянусь, я вижу звезды, и не те, что в небе над головой. Тепло нарастает в моем животе, пока его член скользит во мне. Маленькие волны экстаза проносятся сквозь меня, ведь наши тела идеально подходят друг другу. Его дыхание ускоряется, а движения становятся рьяными, когда волна удовольствия и блаженства накрывает меня, заставляя меня выкрикивать имя Мака во тьму. Я чувствую, как его сперма наполняет меня внутри, пока он рычит мне в шею, а его прижатые к моим бедра содрогаются.

Мы не двигаемся. Просто лежим здесь, слушаем ночь и наше дыхание. Кузнечики застрекотали вновь. Думаю, они никуда и не девались, но я снова могу их слышать. Они поют для нас. Мне хочется думать, что это аплодисменты. Мак выходит из меня, и немного его спермы капает на покрывало. Мне плевать. Он не какой-то бабник. Мы первые и последние друг для друга.

— Я говорил тебе, что смогу заставить тебя кричать по-настоящему, — он гордо выдыхает. Он был прав. Впервые мне даже не стыдно.

— Это было невероятно, — я не говорю ему, что это был первый раз, когда я получила оргазм от секса. Не хочу обидеть его это.

— Ты невероятная, — он, лежа на спине, на покрывале подтягивает меня к себе, и держит в своих объятиях. Мы вместе смотрим в ночное небо, и никто из нас не спешит одеваться. Я чувствую, что могла бы пролежать в его руках вечность. По крайней мере, до восхода солнца. Ранние игроки в гольф не согласятся на вечность.

— Не могу поверить, что это конец. Конец и начало. Знаешь, я и правда чувствую, что мы вместе начинаем новую главу, — бурчу я, вдыхая сладкий запах свежескошенной травы и его одеколону. Он не отвечает мне. Я надеюсь, что он не спит.

— Хотя, знаешь что? Не могу дождаться всех последующих глав, — продолжаю я. — Не могу дождаться, когда мы впервые купим футоновый матрас и отправимся в бакалею загружать тележку лапшой. Не могу дождаться, когда мы поженимся. Ну, знаешь, после колледжа, я имею в виду. И когда у нас появятся дети. Думаю, двоих детей будет достаточно, как думаешь? Я даже с нетерпением жду, когда мы состаримся, и сгорбленные будем держаться друг за друга, — улыбаюсь я в небо.

Ничего. Только дыхание Мака. О, боже, он заснул.

— Мак?

— Ага.

Или нет.

— Почему ты ничего не говоришь?

Стрекот кузнечиков становится ещё громче. Они не то, что аплодируют, они насмеются надо мной.

— Мак?

Дерьмо. Я, наверное, напугала его своим шестидесятилетним прогнозом нашего будущего.

— Эй, ты ведь знаешь, что я просто болтаю, да? У меня нет каких-то грандиозных планов так далеко...

— Лорен, мне нужно тебе кое-что сказать.

Двойное дерьмо.

Он садится рядом со мной и выпрямляется. Его брови сошлись на переносице, а губы кривятся в ухмылке.

— Что происходит? Я напугала тебя нашим будущим?

— Нет, дело не в этом.

— Тогда в чем?

— Лорен, я поступаю в Вест Поинт.

— Вест Поинт? Военную академию? Почему ты мне хотя бы не сказал, что подаёшь туда документы? В Нью-Йорке? А как же моя стипендия? Наши планы? Когда ты собираешься туда ехать? — вопросы слетаю с моего языка быстрее, чем мозг успевает их формулировать.

Мак смотрит вниз на свои руки, а потом мне в глаза.

— Я уезжаю через три дня.

Глава 4

Лорен

2004

— Три дня? — кричу я.

Я ищу на его лице признаки того, что это какая-то запоздалая шутка. Вокруг его глаз нет даже морщинок, будто он смешал горчицу с глазурью, и выдал мне рецепт блинчиков, от которых меня будет воротить до конца жизни. На его губах нет даже намёка на ухмылку, как и тогда, когда он рассказал мне, что его бабуля с дедом — нудисты просто перед тем, как припарковаться перед их домом, чтобы поужинать с ними. Вместо этого, я встретила с самым честным взглядом, который говорил мне, что он меня любит.

— Мак, о чём ты говоришь? У нас уроки в понедельник. Зачем ты трахаешься со мной? — его взгляд не дрогнул. Он не взорвался смехом, и не прервал момент смешным «Попалась!».

— Я знаю, что уроки. Просто я еду в кампус. Как только тебя отмечают, можно на неделю пропустить школу, и прочувствовать тамошнюю атмосферу. Я не уеду до июля, — он проводит рукой по своим тёмно-каштановым волосам, которые слегка спадают на его шею.

Мой мозг бесконтрольно функционирует. Я могу отключиться. *Я пьяна? Это сон?*

— Ты серьёзно? Ты просто решил меня бросить? В вечер выпускного? Как долго ты это планировал? Ты хотя бы когда заявление подал? — меня бросает в море злости и отчаяния.

— Я не хотел просто взять и сбросить это на тебя. Заявление я подал прошлым летом, и почти год проходил всё их подготовки. Это огромный процесс. Мне нужно одобрение от нашего конгрессмена. Данные по моим атлетическим способностям, балы по Стэнфордскому экзамену, навыки лидера, как и любая мелочь, которую они могут взять и проанализировать. Я не хотел всё это делать, прикладывая максимум усилий, и потом видеть жалость от тебя и всех остальных, если бы меня не приняли.

– Это безумие! – я вскакиваю, и хватаю свою одежду. – Не могу поверить, что ты принял такое серьёзное решение, – я скачу на одной ноге, пытаюсь попасть другой в свои скрученные трусики, – и даже не упомянул о нём ни разу. – Я ступила в своё платье, и натянула его до плеч. – А что с моей стипендией здесь? Ты знаешь, что я не могу просто всё оставить и уехать на восток. Чёрт возьми, я даже не подавала документы ни в одну из школ Нью-Йорка! Застегнёшь или нет? – я указываю большим пальцем через плечо, и Мак подчиняется. Его пальцы посылают слабое покалывание вниз по моей спине, но я моргаю и прогоняю это ощущение, позволяя недоверию и смятению управлять мною сейчас. – Ты обо мне хоть секунду думал? Каким придурком нужно быть, чтоб сделать такое?

Если он хотел заставить меня кричать, он своего добился.

– Итак, уймись. Конечно, я думал о тебе. Ну а ты думала обо мне? Господи, я думал, ты будешь мной гордиться. Думал, люди поймут насколько это важно для меня. Ты знала, что я хотел служить в армии с тех самых пор, когда Бен... – его голос дрогнул.

Я помню, когда умер его брат. Этот день помнит вся нация и скорбит. Нам было пятнадцать, и Мак был так горд своим старшим братом, который после окончания колледжа отправился в Нью-Йорк на финансовую должность низшего уровня. Мы с ужасом наблюдали, как пали башни-близнецы. Они в замедленной съёмке рушились снова и снова, на каждом новостном канале.

Мак и его родители до последнего надеялись, что Бен позвонил на работу и сказался больным, или собирался показаться на работе позже. Они оставляли одно голосовое сообщение за другим, которые так и остались без ответа. Я видела, как надежда таяла.

Когда мы увидели группу посетителей и сотрудников, стоящих в окнах, держащихся за руки, и выпрыгивающих из горящих зданий, мы плакали. Я держала Мака в своих объятьях, пока его тело сотрясалось от рыданий. Он кричал на телевизор и давился от слёз.

– Зачем вы прыгаете? Вы всё ещё можете спастись! Зачем они прыгают?

Он так отчаянно хотел поверить в то, что их всё ещё можно было как-то вызволить. Будто была какая-то служебная лестница, до которой ещё не добрался огонь и дым. Будто существовала настолько высокая лестница, чтобы до них добраться.

Это был единственный раз в моей жизни, когда я видела его слёзы.

Позже, когда было подтверждено, что в тот день Бен пропал без вести, Мак признался мне: он надеялся на то, что его брат был среди прыгнувших. Ему нравилась идея того, что он встретился с Господом на его условиях, и не страдал.

С того дня я знала, что Мак хотел пойти в армию. С того дня, как он потерял Бена, с того дня, как у нашей нации вырвали сердце, он поклялся, что если ему выпадет шанс бороться против террористов, он его использует. Тем не менее я всегда думала, он присоединится к местному отделению, и мы вместе сможем строить нашу жизнь здесь, в Колорадо. Я понятия не имела о том, что он присоединится к самой элитной военной академии в стране. Но снова-таки, Мак никогда не делает ничего вполсилы.

– Ты хоть имеешь малейшее понятие, как тяжело попасть в Вест Поинт? Они принимают только десять процентов из всех, кто туда подаёт заявление, – продолжает он. – Тебе не должно быть больше двадцати трёх, ты не должен быть женат, не должен иметь детей, должен пройти собеседование, тестирование, – он перечисляет каждый пункт на пальцах.

Десяти пальцев недостаточно для всего перечня. Я на мгновение закрываю глаза, и делаю глубокий вдох.

Чувство такое, будто каждый камешек фундамента для нашего совместного будущего исчезает с каждым пунктом, который он буквально рычит.

– Общественный деятель, – произносит мак.

Пуф! Исчезает даже картина нас, стареньких, прогуливающих вдвоём в воскресенье.

– Медицинское обследование, – теперь его голос звенит отдалённо.

Пуф! Секс на футоновом матрасе и пикники в лесу растворяются и исчезают в облаке пыли.

– Ты хоть слушаешь меня? – я открываю глаза, а Мак стоит передо мной. Дюймы между нами ощущаются милями. Только сейчас я понимаю, что так и не оделась, а его мышцы и голый член выставлены напоказ, как и его душа, а я не смею посмотреть на них.

– Да. Просто думала. *Яна самом деле* горжусь тобой, Мак. Правда, – мой голос срывается. – Но что насчёт нас? Я думала, мы останемся вместе навсегда, ты и я. – Крупные слёзы собираются в уголках моих глаз, и я быстро моргаю.

– Лорен, мы всё ещё можем быть вместе. Есть множество пар, которые поддерживают отношения на расстоянии во время колледжа, – он нежно сжимает мою руку, и на краткое мгновение, я ему верю. То есть, конечно, я не слышала, чтоб отношения на расстоянии когда-нибудь сработали. Эй, я могу ошибаться. *Правильно?*

– А потом что? – реальность заползает обратно, заковывая меня в кандалы на задворках моего мозга. – Что будет, когда мы окончим колледж? Тебе не нужно будет уезжать в командировку? Или писать письма? Непохоже, что это на четыре года, Мак. Это похоже на вечность. Я... я просто не могу этого сделать.

– О чём ты сейчас говоришь? Ты рвёшь со мной? – его лицо искажается, а глаза прищуриваются так, словно понимание ослепляет его. Конечно, он, наверное, подумал о такой возможности.

– Нет, я не хочу тебя бросать. Я хочу, чтоб ты остался здесь со мной в университете Колорадо, во что ты и заставил меня поверить. Я хочу, чтобы ты вырос со мной, и в один прекрасный день я хочу от тебя детей. Это ты сбегашь на восточное побережье, чтобы облегчить свои страдания из-за прошлых воспоминаний, – я прикусываю язык, но слова уже сказаны. Я не могу забрать их. Мак отступает назад из-за моей тупой ошибки, которая физически выбивает из него весь воздух.

– Мой брат, – шипит он сквозь зубы, – непросто воспоминание. И если ты не можешь поддержать меня и мою мечту, если ты не можешь быть счастлива за меня в том, что я заслужил нечто, за что боролся, значит, это и правда лучшее решение в моей жизни. Потому что на следующие десять лет оно спасёт меня от разочарования в том, что я просто потеряю время на отношения, которых уже нет.

Взмах моей руки перед лицом, словно взмах крыла колибри, и обжигающая боль расплзается по ладони, когда я отвечаю ему пощёчину. К счастью, шлепок от удара не слышен из-за моего колотящегося сердца. Мы оба пялимся друг на друга. Слёзы жгут глаза и скатываются по щекам.

– Я хочу пойти домой, – мой голос холоден, словно лёд. Мак не хватает меня и не притягивает к себе. Не запускает руку мне в волосы, и не говорит мне, что всё будет в порядке. Вместо этого, он натягивает свою одежду, подходит к гольф-кару, и стиснув челюсти, пялится вперёд.

Я сажусь на сидение рядом с ним, и мы, пока едем назад к загородному клубу, не произносим ни слова. Воздух замерзает, когда хлещет меня по ушам, и я слышу, как история

нашей любви развеивается по ветру. Но в этот раз, её стоит рассказывать в прошедшем времени.

И ничего никогда не будет, как прежде.

Глава 5

Мак

2012

– Я буду счастлив, когда мы навечно склоним на свою сторону сердца и умы, сэр, – бурчит капрал Томпсон, пока съёмочная группа занята снимками ландшафта.

Ландшафт. Вот умора. Под ландшафтом я подразумеваю бескрайнее море песка. Мы недостаточно высоко, чтобы в полной мере насладиться горами Афганистана, вместо этого мы сидим в его недрах. Песчаные, грязные, коричневые просторы тянутся настолько далеко, насколько может охватить взгляд.

– Не опускай голову, капрал. Эта разведывательная операция последняя и продлится не более сорока пяти минут, а после мы сможем вернуться на базу и перекусить, – уверяю я его.

Правда в том, что я понятия не имею, сколько времени понадобится на эту экспедицию. Каждый раз мы проходим адские пол-акра, чтобы встретиться со старейшинами села, и переговорить с ними о том, что собираемся помочь, а не навредить им или их детям. Я не могу перестать думать о том, что всё это какая-то национальная шутка.

Люди – не идиоты, они понимают цели пропаганды, когда её видят. Тяжело захватить страну в войне, а также попытаться убедить её жителей в том, что ты не враг. Это настоящая битва, и я даже неуверен, сможем ли мы победить в ней.

– Скажу тебе, что не могу дождаться, когда вернусь назад. Надеюсь, с учётом временных поясов, ещё не поздно, для звонка Надин, – прищурившись, Томпсон поворачивает голову, пытаясь в голове решить уравнение с временными зонами. – Три недели.

– Они пролетят незаметно, капрал, – уверяю я.

И я знаю, что это ложь. Дети, ждущие нас на Рождество, нас не увидят. Патока покажется Олимпийским бегуном по сравнению с тремя последними неделями после четырнадцатимесячной службы. Сейчас мне почему-то показалось, что ещё только вчера я обживался в кампусе. Но вместо этого чувство такое, будто этот отрезок времени растянулся длиной в мою собственную жизнь. Будто я родился на этой войне. Будто и умру на ней.

– Не переживай, скоро вернёшься к ней.

Я наблюдаю, как съёмочная группа канала CNB собирается вокруг седовласого ведущего новостей, который приехал сюда, чтобы заснять кусочек нашей жизни здесь. Они следовали за нами всю грёбаную неделю, прерывая нашу обычную рутину и оттаскивая ребят, чтобы те дали интервью. Хотя, это дикая природа. Без выпуска новостей мы бы не получали помощь из дома. Люди слишком напуганы моралью войны, и забывают, что *настоящие* люди оторваны от *настоящей* жизни, чтобы за неё бороться.

Парень из новостей, Купер Сандерс, был потрясающим настолько, насколько эти ребята вообще могут быть. Он всей душой берётся за дело, чтобы самому испытать что-то. Когда я впервые его встретил, я занёс его в ряды типичных голливудских парней. Полон ботокса и бравады, но он быстро с нами поладил. Шутки ради, в полном обмундировании он даже вместе с нами преодолевал препятствия, которые возникали на нашем пути. Мне кажется, он

хороший. Даже если он и в гриме.

Я провожу взглядом по его личному помощнику Тиффани. Она явно наблюдает за мной уже продолжительное время, и её лицо, когда она замечает, что я на неё смотрю, начинает светиться, как стоваттная лампочка.

Мне не стоило её трахать.

– Я надеюсь, ты прав, капитан, – продолжает Томпсон. – Просто знаешь, у меня просто плохое предчувствие? Я знаю, что осталось несколько недель, но я не перестаю думать о том, что именно в это время мы попадём в дерьмо. Если бы я мог обрезать всё концы, и поехать домой сегодня, я бы прыгнул на первый попавшийся самолёт. Я просто хочу вернуться к своей женщине и увидеть своего сына.

– Мы знаем, Томпсон. Мы знаем, – перебивает капрал Армстронг. – Чувак, большинство парней просто хотят попасть домой, и заполучить какую-нибудь вагину. Но ты... Всё, о чем ты трещишь, это о встрече с младенцем. Я... Ну а я собираюсь вернуться в штаты, и попытаться заделать ребёнка с каждой девушкой, которая даст мне в любое время дня. Просто попытаться заделать их, если ты не против. Не то, что я полноценно хочу их иметь, как этот гормональный парень, – Армстронг закинул руку на шею капрала Томпсона, и зажал его голову под мышкой.

– Отвали на хрен, Армстронг, – он выворачивает свою голову и отступает назад. – Я не гормональный. У меня дома родился ребёнок, и я даже никогда его не видел. Тебе этого не понять. Пока не найдёшь кого-то, кто полюбит тебя больше, чем на одну ночь, или более, чем твои пятьдесят баксов, не поймёшь.

– Ну, твоя мамочка не против пятидесяти баксов, которые я ей иногда подкидываю. Я просто говорю, – дразнит его Армстронг.

– Мужик, моя мама – хорошая женщина. Я тебе говорю, она милая, религиозная женщина. Она не имела бы ничего общего с твоей низкопробной задницей, – улыбается Томпсон. Будучи рядом больше, чем год, парни часто ржут над дерьмом друг друга, и высмеивают друг друга на меньшее. Они говорят, что морская пехота – это братство, но я говорю, что это нечто больше. Я всегда ладил со своим, собственным братом, но существующая между мной и ребятами связь, гораздо глубже той.

– Что насчёт тебя, капитан? Собираешься домой, чтобы найти себе хорошую женщину и осесть с ней? Или подкинешь пятьдесят баксов мамочке Томпсона? – спрашивает Армстронг подмигивая.

Томпсон берёт его локтем по рёбрам, но на этот раз ничего не говорит в защиту своей бедолашной мамы.

– Не-а. Ребята, вы знаете, что я женат на морской пехоте. Она даёт мне крышу над головой, и кормит меня три раза в день с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать, – отвечаю я.

– Глядя на щенячьи глазки той загримированной чики, могу сказать, что ты уже нашёл себе киску здесь, не так ли? – слишком громко заявляет Армстронг.

Он так и остался хером, которым был ещё в старшей школе. Когда я окончил первые курсы подготовки командного состава, и был назначен командиром этого взвода, я был шокирован, увидев его в своих рядах. Камерон Армстронг был многообещающим квотербеком нашей школы. Он должен был окончить университет и играть в футбол в колледже за «Быков Колорадо».

Вместо этого, он за своей интуицией последовал в армию. Как-то я спросил его, жалеет

ли он об этом. Он ответил, что единственная вещь, которую бы он изменил, это присоединился бы раньше. Кстати говоря, когда контракт Армстронга закончится, он чётко дал это понять, что после этого собирается побросать мяч в колледже. Нам нравится подкалывать его задницу и говорить ему, что «Быки» не возьмут такого старика, как он, но он только отмахивается. По правде говоря, если у кого-то и есть уверенность, умение и смелость, чтобы выбраться из армии и вернуться в школу, чтобы играть в футбол, то это будет Армстронг. Я с нетерпением жду дня, когда увижу его игру.

– Придержи лошадей, Армстронг! – шиплю я, вертя головой, как суслик, чтобы понять, слышала ли Тиффани. По дружелюбной улыбке на её лице могу сказать, что, кажется, нет. Или, если и слышала, ей было плевать. Вместо этого, она глядя на меня хлопает своими накладными ресницами, и слишком очевидно строит мне глазки.

Говорят, не макайте свою ручку в общую чернильницу. Даже если она не входит в состав взвода, она здесь под нашей защитой. Мне стоило это лучше знать прежде, чем трахать её до потери рассудка при первой же возможности. И при второй. Ну а третий раз был просто из жадности. Чёрт возьми, четырнадцать месяцев – долгое время со старой знакомой, правой рукой. Здесь нельзя просто выбраться в город, и снять себе цыпочку. Это верный путь к тому, что тебе просто оторвут член.

– Я знал это, ты, кобель, – засветились глаза Армстронга. Он поймал меня, и он это знал. – Хорошо для тебя, капитан. Я бы и сам забрался в эти трусики, но ты, наверное, уже ждал её по стойке смирно, да?

– Что-то типа того, – отмахиваюсь я от него. Последнее, что я хочу делать, это вести грязные разговоры и том, как я трахнул большие сиськи Тиффани на заднем сидении служебной военной машины США. Мне не нужны подобного рода сплетни о себе.

– Какая разница. Вы двое понятия не имеете, что теряете, преследуя всё эти киски. Когда-то, если вам повезёт, вы найдёте кого-то, ребята. Я вам говорю, когда вы встретите такую девушку, как моя Надин, вы поставите её на первое место. Я никогда не думал о том, что это будет самым важным для меня в армии, но сейчас я знаю, что это моя женщина и мой сын. Это просто меняет мужика, вот увидите. Вы встретите кого-то, кто выбьет вас из вашей игры, и заставит забыть обо всем этом, – Томпсон взмахивает рукой, указывая на весь простор пустыни.

– Ха! Хочешь поставить на это деньги? – я мотнул головой: не могу даже представить мир, где что-то значит для меня больше, чем морская пехота. Просто я так устроен. – Неё, можешь оставить себе своё домашнее блаженство, Томпсон. Всё, что мне нужно, здесь, в армии.

– Эй, капитан! – к нам подбегает Купер Сандерс, и пыль с каждым его шагом клубится под ногами. – У нас уже есть все снимки, которые нам нужны. Спасибо за то, что были такими терпеливым с нами, – он улыбается, и возле его глаз собираются морщинки, похожие на паутинку. Хотя, никаких других морщин на его лице не наблюдается. Для полностью поседевшего человека, возраст, казалось, не тронул его лицо.

– Хорошо. Построиться! – я выпрямляю спину, и созываю свой взвод. В нашей группе сорок дюжих мужчин, плюс ещё восемь из команды CNB. Парни вокруг прекращают хохотать, и строятся. Они знают, что наш перерыв окончен.

– У нас осталась одна разведывательная операция, и потом можно будет назвать это победой. Я знаю, что прошло немало времени. Знаю, что вы устали и проголодались, а тело буквально готово превратиться в лужу, но давайте закончим на хорошей ноте, ребята! –

выкрикиваю я, и наблюдаю, как парни равняются, и стряхивают с себя жару, чтобы сосредоточиться на работе. Солдат всегда ставит своё задание превыше всего. Я бы доверил свою жизнь всем и каждому из своих ребят.

Не задумываясь.

Глава 6

Мак

2012

Купер и его команда построились в первом ряду вместе со мной, и мы нога в ногу маршируем к нашей последней на сегодня остановке. Маленькая деревушка Гамбад всего лишь в пятнадцати минутах вверх по дороге. Пятнадцать минут могут вполне походить на пять часов, если ты на ногах с рассвета, но я знаю, что мой взвод смирится с этим и не сломается. Как и всегда.

– Знаете, капитан, я постоянно слышу, что ваши ребята собираются делать через три недели. Но не знаю, чем вы планируете заняться, когда вернётесь в Соединённые Штаты. – Позади Купера нас снимает оператор. Нет никакого оффлайна, когда, словно тень, за тобой следует ведущий новостей. Каждая мысль, каждое движение, каждое выражение лица будет записано, отредактировано и использовано в шоу.

Пыль облаками поднимается вокруг наших ботинок, доходя до колен. Такие засушливые дни, как сегодняшний, напоминают мне свинарник Чарли Брауна (прим пёр. – Чарльз «Чарли» Браун – один из главных персонажей серии комиксов *Peanuts*, созданный Чарльзом Шульцем. Является хозяином Снупи. Чарли Брауна описывают, как милого неудачника, обладающего бесконечной решимостью и надеждой, но который постоянно страдает от своего невезения). Тот ребёнок, наверное, что-то сделал со здешней пылью. Потому что я вполне уверен, что когда возвращаешься после прыжка с парашютом, грязь вокруг вас клубится, словно живая. Ваше собственное облако несчастья и грязи, которое следует за вами по пустыне до самой могилы.

– Когда я вернусь? Ну, когда я отмокну так, что вся грязь выйдет из моих пор, я планирую пересечь страну на своём байке. – Моё сердце замедлилось, и кожа почти остыла, когда я вспомнил, как ветер гуляет в волосах, пока я на скорости рассекаю шоссе.

– Байке? – Купер вытягивает меня из ментальной экскурсии назад в реальность. – Каком байке? – он смотрит на меня сблизи. Слишком близко. Его голубые глаза сканируют моё лицо почти так же, как и мёртвый глаз камеры.

– «Харлей Дэвидсон Фэт Боу Ло», – просто отвечаю я. Я моргаю, и на долю секунд представляю, что рюкзак, который у меня за плечами, это защитные металлические пластины в моей кожаной куртке. Эта грязная тропа у нас под ногами – хруст асфальта под шинами. Я сканирую пустую дорогу, по которой мы идём, и блестящая бежевая песочница, растянувшаяся перед нами, переносит меня назад в настоящее.

– «Харлей»? Вы хотите закончить свой пятнадцатимесячный тур, пересекая штаты на своём мотоцикле? – Купер склоняет голову, а его губы выгибаются в кривой ухмылке. Неуверен – он поражён или насмехается надо мной. Хотя, мне всё равно плевать.

– Да, сэр. Я уже десять лет езжу на мотоцикле. Я выезжал в небольшие путешествия время от времени, но я никогда не пересекал страну от границы до границы. Это изменится, когда я вернусь.

– Вы не хотите провести свой промежуточный отпуск где-то на пляже или что-то в этом роде? Может, остаться на несколько недель на эксклюзивном курорте? И, знаете, расслабится немного? – Он продолжает идти рядом со мной, даже не отрывая своего пронзительного взгляда от моего лица. Не то, чтобы я был тактичным по отношению к нему, но всю эту неделю Купер вёл себя с нами, как профи. Парень, загружающий камеру на своё плечо и ловящий наш «интимный момент», поражает меня больше.

– Без обид, сэр. Но какой идиот захочет провести ещё больше времени на песочном пляже после года, проведённого здесь? Если я больше никогда не увижу пляж, я буду считать, что умру счастливым человеком.

Купер смеётся, и его щёки становятся более розовыми, пока он качает головой из стороны в сторону.

– Точно, думаю, это был не лучший пример, – он глуповато смотрит через плечо на своего оператора. Он всего лишь на мгновение обезоружен прежде, чем снова надевает свою каменную маску и пялится мне в душу.

– Весьма справедливо. Могу понять, почему вы не захотите провести время на пляже, – продолжает он, – но я не это имею в виду, вы что не хотите просто расслабиться? Разве вам не нужно немного времени, чтоб справиться со стрессом после всего этого? – Купер снова возвращается в игру.

Ветер внезапно поднимает и вертит маленький песчаный смерч прямо перед моим лицом. Я прищуриваю глаза и опускаю голову, наблюдая, как мои ноги передвигаются по пыли, пока я жду, когда он стихнет. Помню, когда впервые попал сюда, эти песчаные смерчи ощущались, словно лезвия на моих щеках, но теперь моя кожа превратилась в кожу черепахи, а мой панцирь очень сложно разбить.

Как только смерч рассеивается, я сканирую горизонт. Деревня Гамбад уже появляется в поле зрения. Маленькие глиняные домики очерчивают большое пространство из ничего. День почти окончен. Ещё один «X» на календаре. На ещё один день ближе к дому.

– Ну, сэр думаю, расслабление и избавление от стресса для каждого выглядят по-разному. Большинство из моих ребят после этого собираются домой, провести время с родными, или отдохнуть, смотря ТВ-шоу, которые они пропустили за год отсутствия, и это то, что им нужно. Это то, что они заслужили после всего этого.

Пока мы продолжаем устало тащиться вперёд, я вижу кучку ребятшек, которые босиком играют в футбол. Один из парней указывает на мой взвод, и поднимает мяч, сунув его под мышку. Его друзья останавливаются, и прикрывая глаза ладонями, словно солнцезащитными козырьками, наблюдают за тем, как мы приближаемся.

– Как по мне, нет ничего более мирного, чем закат, пока я веду свой байк. Спокойствие, которое накатывает на меня при этом ну... ни один Нетфликс не может дать мне такого. Думаю, я просто тот, кто есть, – я пожимаю плечами.

Купер выглядит довольным самим собой. Не знаю, может, я дал ему материал для записи. Он смотрит в сторону деревни в нескольких метрах от нас, и его оператор перефокусирует камеру.

Ребята внезапно разбегаются назад к домам в деревне, а старейшины, едва поднимая ноги, выходят поприветствовать нас.

– Уиллоуби! Шевелись! – кричу я через плечо. – Взвод, стой! – сорок пар ботинок замирают в один миг со звуком, напоминающий раскат грома. Уиллоуби становится рядом со мной, готовый переводить для меня, пока я отхожу от взвода, чтобы представиться.

Ступая вперёд с вытянутыми в стороны руками, я пытаюсь расслабить лицо и выглядеть дружелюбно, пока сканирую взглядом деревушку за их спинами. Большая группа детей бежит вокруг, возбуждённая нашим присутствием. Женщины толпятся вместе возле ёмкости для стирки, перешёптываясь друг с другом и глядя на меня с подозрением.

Я машу рукой мужчине впереди, замечая его длинную белую бороду и глубокие морщины под глазами. Уиллоуби представляет меня, и старейшина приветствует нас в Гамбаде. Такая же рутина происходит каждый день. Каждая разведывательная операция напоминает предыдущую. Прямо как в учебниках и презентациях PowerPoint, по которым мы учились. Как и все в военном деле. Для всего есть протокол.

Я даю команду двигаться вперёд, и мы приближаемся к хижинкам. Дети бегают вокруг моих парней, словно пытаюсь загнать их в стадо, возбуждённо наматывая круги вокруг них. Разместив четырёх парней на вахте, мы вместе садимся на землю. Мы снимаем шлемы, кладём их перед нашими скрещёнными ногами и складываем оружие в знак мирных побуждений. Опять-таки, протокол. Указания. Приказы. В армии для каждого действия есть дисциплина и план.

Купер садится в пыль рядом со мной, и молчит, пока Уиллоуби разговаривает со старейшинами. Команда его операторов сосредоточена на съёмке разговора, и я понятия не имею, какая им польза от этой записи. Не сильно-то и интересно смотреть, как переводчик и старик болтают на непонятном языке.

Мой взгляд направляется к женщинам и детям, стоящим слева от нас. Женщины шепчутся между собой, нервно поглядывая на нас. Это не ново. Группа вооружённых мужчин вблизи их и их детей, это и мою мать заставило бы понервничать.

– Вы можете спросить его, сколько ему лет? И как много войн он уже пережил? – спрашивает Купер переводчика.

Он задаёт вопросы, и я замечаю, как женщины начинают собирать детей в группу, и отводить подальше от нас. Дёрнув головой я озираюсь вокруг. Внезапно деревня остаётся пустой за исключением мужчин, сидящих перед нами. Проверяю группу женщин, но они продолжают увеличивать расстояние между нами, спеша отойти от нас и друг от друга.

Мальчик, который держал мяч под мышкой, через плечо оглядывается на нас, но женщина дёргает его за руку. Мои внутренности скручивает, а кровь мчит к ушам, когда я вскакиваю на ноги.

– Отряд! Взять оружие!

Слова едва ли слетают с моих губ, когда один из жителей деревни подхватывается, вытаскивая из-под халата топор, и направляется к капралу Томпсону. Я хватаю автомат, и в спешке набрасываю шлем на голову, когда вижу, как мужчина поднимает руку и с глухим звуком раскалывает голову Томпсона. Звук, когда топор проламывает юный череп капрала, кажется слишком глухим, чтобы быть реальным. Слишком отдалённым, и слишком тихим, если не считать того количества крови, которое вытекает из него в грязь.

– Дерьмо! – я подтягиваю автомат на плечо и нажимаю на курок, попадая в мужчину.

БАМ! Грязь взрывается в грибообразное облако рядом с нами.

Блядь! Кто-то подорвал бомбу! Это была самодельная? Господи.

Я едва ли могу разобрать силуэты своих ребят, которые рассредотачиваются на позиции. В пыльном тумане слышатся выстрелы.

Мои глаза наконец-то приспособляются к грязи, которая падает с неба, и я фокусируюсь на Купере Сандерсе. Он просто стоит и пялится на происходящий хаос, будто

выстрелы его не касаются. *Чёрт возьми! Он даже не надел свой сраный шлем! Какого хера он творит?*

Внезапно зелёное яйцо падает возле его ног, а он не двигается, и просто продолжает пялиться. Будто примёрз к месту и ждёт, что из него вот-вот появится маленькая птичка, когда на самом деле граната вот-вот взорвётся у его ног.

Я смотрю правее его, и вижу Армстронга, лежащего на животе, отчаянно пытающегося справиться с заклинившим автоматом. Это означает невозможность вести бой. А не можешь отстреливаться – ты покойник.

Мне нужно что-то сделать!

Бегу к Куперу, отпихивая его в сторону и бью по гранате, словно по футбольному мячу, который мальчишки пинали чуть ранее. Когда край моего ботинка касается её корпуса, я чувствую, как она отлетает. Потом, когда граната взрывается, поток горячего воздуха окутывает мою ногу. Меня подбрасывает в воздух и швыряет на землю, будто подушку, которую девчонки бросают на пижамных вечеринках. Я падаю спиной на песок, и качусь ещё несколько метров. В ушах пронзительно свистит от ужасающей контузии. Барабанные перепонки, скорее всего, повреждены.

Мне удаётся приподняться на локти и осмотреть разворачивающуюся передо мной сцену, напоминающую влажную мечту Скорсезе (прим. пёр. – Мартин Скорсезе – американский кинорежиссёр, сценарист. Его фильмам присущи выразительная жестокость и насилие, а в кинематографе он известен как мастер гангстерских лент).

Кровь, куски костей и кожи окрашивают бежевую пустыню насыщенно-красным цветом, пока мои парни продолжают отбиваться от засады. Я чувствую, будто на мою ногу кто-то продолжает лить кипяток, когда опускаю глаза, удостовериться в том, что мой разум и тело уже и так знают: *её нет.*

Сейчас на это нет времени!

Ещё один взрыв заставляет грязь лететь отовсюду, и я перекатываюсь на живот, используя уцелевшую ногу и локти, чтобы доползти до Купера. Он не сдвинулся с того места, куда я его оттолкнул. Я неуверен, мёртв ли он, но знаю, что у него нет оружия. Песок скребёт там, где моя кожа вскрыта, а чувство льющегося кипятка продолжается. Каким-то образом я добираюсь до Купера. Он жив. Может, ранен. Явно в шоке. Но не убит.

– Блядь! Какого хера происходит?! – кричит он.

Думаю, что в конце концов, могу слышать. Взрыв, наверное, просто оглушил меня.

Я ложусь на него, словно мешок с песком, и поднимаю автомат. Хлоп! Хлоп! Хлоп! Я жму на курок, целясь в центр заварушки, или в сердце, как говорят, гражданские. Ещё один мужчина из деревни падает на землю.

Я слышу вращающиеся лопасти «Чёрного ястреба» над головой. (прим. пёр. – спасательный военный вертолёт).

Спасибо, Господи!

Удерживая Купера под собой, я поднимаю автомат, сканируя горизонт на приближение кого-либо. Хоть ничего и не вижу из-за пылевого тумана.

– Капитан! Капитан! Мы вытащим вас! – я оглядываюсь через плечо и вижу троих медиков с носилками, которые подбегают ко мне сзади.

– Я никуда не собираюсь без своих ребят!

– Капитан, вы истекаете кровью. Если вас не увезти отсюда, вы умрёте, – кричит молодой медик мне на ухо, пока оттягивает меня за плечи. Я чувствую на себе несколько пар

рук, которые поднимают меня с Купера. Отрывают от земли и кладут на носилки.

— Скольких мы потеряли? Вы всех их нашли? — кричу я.

— Сейчас об этом не переживайте. Отчёт вы предоставите позже. Прямо сейчас нам нужно доставить вас на базу.

Я морщусь, когда меня фиксируют на носилках. Глядя вниз на своё тело, я вижу, как кожа длинными лоскутами свисает под коленом. Кровь растекается на носилках там, где должна быть моя конечность. Моей ноги нет. *Её нет*. Впервые у моего мозга есть возможность осознать это.

Меня выносят к «Чёрному ястребу» и размещают внутри вертолёта. Я закрываю глаза, когда один из медиков начинает привязывать турникет, чтоб замедлить кровотоечение.

Её нет.

Я не знаю, сколько из моих ребят мертвы, но я знаю, что кого-то потерял. Моих ребят нет. Мои друзья. Мои братья. Мертвы.

Когда ремни вокруг моей ноги крепко привязаны, я чувствую, как вертолёт нас поднимает. Тревога парит в воздухе, и подкидывает нечто волнительное и новое. Я, чтобы замедлить своё дыхание, закрываю глаза. Мне нужно успокоиться.

Мне нужна...

Лорен!

Её нежные карие глаза и сияющая миндальная кожа проносятся в моём мозгу. Я слышу свежий запах сирени — её духов. Могу почувствовать на своих губах её блеск для губ. Клянусь, я чувствую, как она держит мою руку, пока меня поднимают, чтобы доставить в медицинский центр.

Она нужна мне.

Глава 7

Мак

2014

— Так, куда вы пропали, капитан Америка? — капрал Лопез на своём пассажирском сидении поворачивается, чтобы бросить мне понимающую улыбку. — Вы верите этому парню? — Он тычет в меня, заднем сидении, большим пальцем, пока его внимание приковано к водителю, специалисту Парсонсу. — Киски всю ночь ходили за ним строем, тёрлись об него как кошки во время течки, а потом он просто берет двух самых красивых из толпы и сваливает.

В зеркало заднего вида я вижу, как Парсонс вздёргивает бровью вверх. Его усы ползут вверх, когда он это делает, отчего его лицо выглядит как лицо человека-стрелы.

— О, да? Значит, двоих?

Я не отвечаю, но прошлая ночь вспыхивает у меня в голове. Я вижу, как их красные губы трутся друг о друга, пока языки одновременно скользят от основания моего члена до самого конца. Мой член дёргается под ширинкой, и это напоминает мне, как блондинка и брюнетка прошлой ночью скользили своими языками вверх и вокруг моего члена, словно стриптизёрши по шесту.

— Это была хорошая мысль, — признаю я своему отражению в стекле, пока наблюдаю знакомые пейзажами Колорадо, которые проплывают мимо. Я не был здесь с тех пор, как ушёл в Вест Поинт десять лет назад. Меня поражают незаметные вещи, которые изменились

так же, как и я, тем, чего я никогда не делал.

— Хорошая ночь, — фыркает мне Лопез взглянув на меня через плечо, закатывая при этом глаза. — Нужно было видеть этого жадного засранца там. Те девушки вешались на него, как вовремя римской оргии каждый раз, когда он заказывал выпить в баре. Мужик, это имя «Капитан Америка» тот ещё кладёзь. Ты свыкся с ним, или как?

Я не свыкся.

Просто новостная съёмка перестрелки в Афганистане попала на экраны в то же самое время, когда на экраны вышел блокбастер. Как только Купер Сандерс попал в эфир, он сделал выпуск о «настоящем Капитане Америка», который спас его жизнь. Ну, так оно и было. Каналы Fox, CNB и все, кто подхватил его и использовал.

Я не любил это имя. Мне становилось не по себе из-за парней, которых я потерял, когда меня сравнивали с героем комиксов. Например, видеть, как голову Томпсона раскалывают пополам, словно грецкий орех, то же самое, что увидеть сцену на сцене театра. Или как мои ребята, которые этого не видели, являются лишь дополнением для кадра. Или как вспышки и кошмары становятся основой сюжета мелких триллеров, из-за которых в этом году в Голливуде становится жарко.

Смешное прозвище «Капитан Америка» кажется приуменьшением того, что там случилось. Такое впечатление, будто мы сострадание передаём звуковыми байтами. Но я не могу изменить это, и от этого девушки кончают практически сразу, как положили на меня глаз. Но Лопез прав. Легче, когда можно указать на одну, вторую, блядь, даже третью из них, и просто уйти.

— Не-а, я подобрал его на одном из новых шоу. Кто, вообще, даёт прозвище сам себе? — я тряхнул головой.

— Ага, Парсонс, кто бы такое сделал? Это было бы просто *странно*, разве не так, капитан Форрестер? — Лопез крутится на своём сидении, и снова разворачивается лицом к водителю, который немного покраснел.

— Заткнись, чувак, — Парсонс сжимает челюсти и его плечи напрягаются. Я не могу сдерживать смех.

— Серьёзно? Я хочу его услышать. Что за прозвище? — я наблюдаю, как Парсонс одним лишь взглядом, молча, молит Лопеза. На секунду, я думаю, что капрал перестанет бросаться дерьмом и просто оставит меня в неведенье. Потом он поворачивается на месте, его глаза блестят, как у кота, который поймал птичку себе на обед.

— Ага, старик, как ты хотел, чтоб все тебя называли? — он подталкивает Парсонса, но единственным ответом является краска, которая поднимается по его затылку, пока он, не моргая, пялится вперёд.

— Сперминатор, — отвечает Лопез и смотрит прямо мне в лицо. Лицо Парсонса приобретает фиолетовый оттенок, который обычно можно увидеть на баклажане или на побитых жертвах.

— Ты — настоящий хер, чувак, — ему удаётся выдавить эти слова сквозь свои сжатые челюсти.

Лопез начинает ржать, словно гиена, и я тоже не могу удержаться от смеха.

— Что? Почему ты, вообще, *захотел*, чтобы к тебе прицепилось такое прозвище? — мелкие слёзы собрались в уголках моих глаз, пока я пытался вдохнуть сквозь приступы смеха.

— Не знаю. Думал, для цыпочек это будет звучать круто. Блядь, мне было семнадцать,

как вы думаете, от него избавиться реально? — прошипел Парсонс, пока мы с Лопезом продолжаем ржать. — Членоголовые.

Пейзаж за моим окном, появляется будто обрывки сна. По крайней мере, это не мои настоящие кошмары. Вместо песка, который забивается в каждую щель, и пустынных полей полных трупов, по которым я рыскаю каждую ночь, я вижу поле, на котором я играл в лиге. Вместо села, в которое я продолжаю входить в своём сне, я вижу свою старую среднюю школу.

Воспоминания складываются вместе, и напоминают мне о моих кистях. Я не возвращался сюда с тех пор, как закончил Вест Поинт. Я был в первой своей командировке, когда мои родители собрали вещи и переехали в залитый солнцем штат, чтобы там провести свою старость, так что у меня никогда не было причин возвращаться. Десятилетие позади, и я пытаюсь отвлечься теми вещами, которые изменились. Этого торгового центра здесь никогда не было. Те подразделения новые. Это всё очень хорошо отвлекает от той единственной вещи, которую я оставил в Колорадо и которая мне небезразлична.

Лорен.

Помотав головой, я отметаю эту мысль. Если я что-то и выучил за эти годы, так это то, что кисок всегда хватает. В конце концов, мне оторвало ногу, а не член. Хотя также было достаточное количество женщин, чуть было не оторвавших его во время минета. Кто я такой, чтобы противиться им?

Спустя почти год интенсивной терапии в Уолтер Ред, армия предоставила мне выбор: я мог продолжить активно исполнять свой долг или вернуться на улицы гражданским. И ежу было понятно: я жил, чтобы служить. Потом я выяснил, что «активная служба» подразумевала под собой бумажную возню. Нет уж. Никогда в жизни я не буду просиживать над кучей файлов по восемь часов в день на протяжении следующих пятнадцати лет. Я ничего не имею против таких ребят, но мне нужно нечто, что сможет качать адреналин по моим венам. Что-то более опасное, чем просто переключивание бумажек.

Когда мне сказали, что я мог уйти на реабилитацию и закончить своё лечение в центре Сплэндинг недалеко от моего дома, я согласился. То есть, что ещё мне было делать? Отправиться в оранжевый лесок с моими родителями во Флориде? Помимо армии, Колорадо был единственным домом, который я знал.

Я безучастно пялюсь на город, который пронесется мимо. Внезапно мой взгляд падает на одно место, и я вижу красный, белый и синий цвета, уверенно развивающиеся на весеннем ветру. Ряд флагов тянется по всей улице. Парсонс сворачивает за угол, и дорога с двух сторон уставлена байками, пожарными, полицейскими и кучей ликующего народа.

Некоторые из них держат плакаты со словами «Добро пожаловать домой» или «Американский герой!»

Я не ожидал этого. Машина тормозит, и мы минуем сотни улыбающихся и машущих людей. Я опускаю окно и машу в ответ. Вижу симпатичную малышку на обочине, стоящую с парочкой малышей, которые доходят ей до колен. Один из мальчиков подносит руку к виску и салютует. Я не мягкотелый, но моё сердце сжимается, когда я поднимаю руку и салютую в ответ.

Толпа кажется бесконечной. Чёрт, я видел парады на день Ветерана с меньшим количеством народа. Я знаю, что после выхода шоу о том, что я отфутболил гранату от Купера, на меня посыпалось всевозможное внимание. Двадцатиминутные, часовые интервью. Рядом со мной даже сидела Опра. Спустя месяцы восстановления, суматоха в

прессе утихла.

К сожалению, как и все имэйлы от женщин, которые предлагали свои руку, сердце, и свою матку, чтобы выносить моих детей. Предложения о свадьбе ничего для меня не значили, но некоторые из ужасных описаний того, что они хотели со мной сделать, чтобы показать свою благодарность, помогли мне пережить тёмные времена. К счастью, когда мне разрешили покинуть госпиталь и вернуться в общество, ещё большее количество женщин было готово показать мне свою благодарность. И гибкость. Если и есть что-то лучше, чем глубокая глотка и горячий кусок задницы, который течёт по патриотам, я не хочу знать.

Нет, подождите, я как раз хочу знать. Пришлите мне её.

— Ну, чёрт возьми, капитан. Кажется, весь штат прибыл, чтобы увидеть вас, — в изумлении бурчит Лопез.

Он прав. Улица, ведущая к больнице, усыпана людьми, которые приветствуя меня, размахивают плакатами над головами, и людьми, которые мне салютуют.

Громоподобный грохот позади нас заставляет меня подпрыгнуть и обернуться, поджаривая мои нервы. На секунду мой мозг уверен, что я снова в пустыне, и я ожидаю увидеть, как строй «Хаммеров» грохочет по песчаным барханам. Вместо этого, я вижу группу байкеров, которые завели двигатели, и конвоем следуют за машиной. Моё сердце прекращает бешено колотиться в груди, и я чувствую, как борюсь с возникшим в горле комком, когда вижу, что группа, с нашей машиной во главе, следует за нами в форме клина, будто стая канадских гусей, которые направляются зимой на юг.

— Чувствую, будто везу Президента, — наконец-то, Парсонс снова отзывается. Думаю, толпа настолько его впечатлила, что заставила забыть о Сперминаторе. Хотя бы на данный момент.

Он замедляет авто до черепашьего хода, пока мы проезжаем мимо улыбающихся лиц. Я мог бы выбраться и даже с одной ногой пойти быстрее, чем мы едем. У него не такой уж и большой выбор, со всеми этими детьми, которые прыгают вокруг машины и пытаются бежать рядом. Нам стоит быть осторожными.

Наконец-то, мы останавливаемся возле реабилитационного центра, и я впервые вижу кучку репортёров, которые ждут нас перед главным входом. Стоянка забита машинами, заняты все парковочные места. На фургонах с опущенными окнами местных и национальных новостей написаны слоганы, а по сторонам приклеены постеры.

— Поговаривают о возвращении героя, — Лопез улыбается мне, но уголки его рта быстро опускаются вниз, когда он смотрит мне в лицо. — Эй, вы в порядке, капитан? Вы выглядите немного отрешённым, — его глаза пробегают по моему лицу, когда я проглатываю свои эмоции, и трясую головой.

— Ага, я в порядке. Я просто не ожидал всего этого, — правдиво отвечаю я. Я просто не буду его парить деталями того, как шум возвращает меня на войну, которую я оставил год назад. Ему не нужно знать, что эти простые звуки могут заставить меня выпрыгнуть из собственной кожи. Никому не нужно этого знать.

— А чего вы ожидали? — перебивает Парсонс. — Он, наверное, перевозбуждён от мысли, сколько кисок он сможет здесь найти. Да, Форрестер? — Его глаза поблескивают в зеркале заднего вида, когда я от его шутки громко смеюсь.

— Да, мужик, и ты это знаешь. Просто оцениваю свои первые шаги здесь, — киваю я, пока Лопез слишком тщательно наблюдает за мной, а потом кивает в ответ и разворачивается на сидении.

— Ладно, мы приехали, — говорит Парсонс паркуясь у тротуара госпиталя. Я вижу, что персонал больницы оградил вход от толпы, так что я смогу пробраться внутрь и меня никто не собьёт. Или, может, они сделали это, чтобы репортёры могли сделать лучшие снимки моего прибытия. Люди с камерами стоят по обе стороны от ограждения, которое ведёт к главному входу в здание, ожидая моего великого появления.

Когда машина при остановке дёргается, ребята выскакивают, чтобы достать моё кресло из багажника, и я проклиная тупую процедуру, которая требует того, чтобы в здание я въехал в инвалидном кресле, а не шёл так, как практиковался последние семь месяцев.

Как только я опускаюсь в кресло, я чувствую, как Лопез собирается ухватиться за ручки позади, чтоб вкатить меня в здание, но я хватаю колёса обеими руками и дёргаю их всей со всей силы, ясно давая понять, что мне не нужна помощь. Он отпускает ручки, и двое мужчин тащатся рядом со мной, составляя мне компанию.

— Мы любим тебя, Капитан Америка! — я слышу крик каких-то женщин, и сканирую толпу на предмет того, стоят ли они внимания. Мои глаза останавливаются на группе маленьких упругих блондинок, которые прыгают с блестящим плакатом над головой. Сам плакат на мгновение заставляет меня застыть, когда я понимаю, что они вырезали героя из фильма «Капитан Америка» в его голубом спандексе, и наклеили моё лицо поверх его. Когда ты видишь себя в голубом, обтягивающем костюме, хочется заскрипеть зубами, но я быстро справляюсь с этим, глядя, как они в маленьких футболках потряхивают своими симпатичными сиськами. Я представляю, как четверо из них подпрыгивают вверх и вниз на моём члене, и я прощаю им то, что на их плакате я выгляжу, как красно-бело-голубая балерина.

Я толкаю своё кресло вверх по дорожке и утопаю в бесконечных вспышках камер. Даже если снаружи льётся яркий свет, маленькие вспышки света отвлекают. Воспоминания о вспышках во время взрыва, когда на нас сыплются куски смертоносного металла, накрывают меня. Моя хватка на колёсах кресла усиливается, и я глубоко дышу, пытаюсь собраться. Прежде чем мне удаётся снова взять контроль над своим разумом, я вижу, как мужчина перескакивает через металлическое ограждение, которое сдерживает толпу, и бежит к нам, держа руку в кармане.

— Дерьмо.

В мгновение толпа испаряется, и передо мной появляется деревня. Кожу покалывает от пота, и я вижу, как мужчина из-под свободного халата достаёт топор, за секунды до того, как он вонзится в череп Томпсона. Я вскакиваю из кресла с кулаками наготове, и хватаю мужчину за руку.

Лопез втискивается между нами, и я отпускаю парня, когда Лопез увеличивает между нами расстояние. Я моргаю, и деревня исчезает, а одежда мужчины на моих глазах трансформируется в ветровку джинсы.

Толпа завизжала и захлопала в ладоши, когда я подскочил на ногу, как будто перед ними на сцену только что выпрыгнула рок-звезда. Наше маленькое недоразумение на тротуаре накрывает звук восторга и аплодисменты сотни рук.

Мужчина смотрит на Лопеза, и вытаскивает блокнот и ручку из кармана, и кивает мне.

— Эй, чувак, я просто хочу взять автограф. Можешь подписать его для меня?

Я смотрю вниз на свёрнутую бумагу с улыбающимся лицом Капитана Америки, а камеры вокруг нас сверкают, как стробоскопы. Голова кружится, а желудок превращается в жидкость, но мне удаётся всё это отпустить, и заставить себя улыбаться. Надеюсь, когда я

хватая его бумажку и пишу своё имя, моя улыбка на самом деле выглядит как улыбка, а не оскал. Толпа кажется удовлетворённой, когда ещё одна волна ликования прокатывается рядом с нами. Я успокаиваюсь и рассматриваю незнакомые лица. Сколько людей пришло сегодня, чтоб пожелать мне здоровья? Невероятно, что столько людей, которых я никогда не встречал, заботятся обо мне.

Мои глаза бродят по молодым и старым лицам. Ни одного знакомого, но все они друзья. Стоп, это Лорен? Я прищуриваюсь, глядя в конец толпы, которая находится ближе всех ко входу в здание. Она вышла, чтобы увидеть, вернулся ли я после всех этих лет? Её загорелая кожа светится теплом, и я могу почти почувствовать эмоции в её глазах. Она рада видеть меня? Или разочарована?

— Сэр? — маленькая ручка тянет меня за рукав, крадя моё внимание. Я смотрю вниз на лицо маленькой девочки. Её круглые щёчки усыпаны веснушками, и она светится широкой улыбкой, показывая, что у неё не хватает некоторых зубов.

— Сэр? — повторяет она.

— Да?

— Можно сделать с вами селфи? — она моргает, глядя на меня вверх, и я не могу не улыбнуться.

— Конечно, малыш. Как тебя зовут?

— Бетани, — она сияет, и протягивает мне телефон. В толпе появляется больше смелых душ, которые перелезают через ограждение. Мне некогда подписывать сотни бумажек, но у меня всегда найдётся время на детей. Я быстро вытягиваю телефон вперёд, и мы оба улыбаемся в камеру, когда я делаю фото. Бетани с восторгом сжимает мою руку, и я отдаю ей телефон.

— Спасибо, сэр. Не могу поверить, что у меня будет фото с вами. Спасибо! — она улыбается и напоминает мне о свече в фонаре, который мы вешаем над порогом в октябре.

— Никаких проблем, — я отвечаю ей улыбкой, снова глядя на море людей, в поисках единственного человека, которого узнал.

Я ищу среди лиц, рьяно пытаюсь увидеть её, но Лорен нигде нет. Я подумал, что мне, наверное, нужно поспать. Эти бессонные ночи берут своё.

Что бы это ни было, я трясую головой. Ты здесь не для неё. Кроме того, по взгляду Лопеза, которым он меня окидывает, я знаю, что у меня есть рыбка покрупнее той, которая когда-то была моей девушкой.

Только если бы я мог перестать высматривать её в толпе, и заставить своё сердце заткнуться.

Но, да, это в сторону. Полностью в сторону.

Глава 8

Лорен

2014

Почему я здесь стою? Я пообещала себе, что я всё это переживу в комнате для персонала, пока кто-нибудь не вытащит меня из моей хилой попытки спрятаться. Вместо этого, я здесь со всеми остальными поклонниками «Капитана Америки».

Будто Мак — обычный парень, которого я знаю из репортажа о том, как он отфутболил гранату в пустыне. Будто я просто ещё одна девушка в толпе дешёвок, которые пытаются

быть замеченными. Будто у нас нет настоящей истории. Будто у нас нет настоящей любви.

То есть, не было. Конечно, у нас нет настоящей любви. Когда он оставил меня в пользу Вест Поинта десять лет назад, мне было интересно, была ли у нас любовь вообще.

Я смотрю на дамочек в толпе, и тут же жалею о своём тупом решении не краситься сегодня. Я хотела выглядеть профессионально, а не пытаться найти пару для свидания. Рядом с этими девушками я выгляжу как труп со своей блёклой кожей и волосами, заплетёнными в простую косу. Я руками разглаживаю форму, и скрещиваю их на груди, пока наблюдаю за тем, как Мак проталкивает своё кресло сквозь толпу к главному входу.

Внезапно какой-то идиот перепрыгивает через ограждение и направляется к Маку. Когда он встаёт поприветствовать парня, все вокруг взрываются бешеным ликованием. Будто он какая-то рок-звезда.

Скорее, звезда здесь — его член. Если чушь, которую я нашла в интернет о нём хотя бы наполовину, правда, он переспит с каждой женщиной в этой толпе по два или три раза. Не то чтобы я преследовала его, или что-то в этом роде. Просто проверяю и всё. Кроме того, по взгляду других женщин, я не думаю, что они будут против перспективы стать для Мака игрушкой на ночь. Перед ним выставлено столько декольте, что я удивлена, что они не просят его фломастером подписать их сиськи.

Не поймите меня неправильно, мне всё равно, но если вы меня спросите, я отвечу, что это мерзко.

Теперь Мак стоит, и я вижу, каждый дюйм его рук покрывают татуировки. По его шее плетутся неизвестные цветы, выглядывая из-под горловины футболки. Он не тот молодой парень, покинувший Колорадо после выпускного.

Только Мак Форрестер мог потерять свою ногу и всё равно ворваться в мою жизнь и заставить моё сердце остановиться.

Есть татуировки, или нет, я помню, как выглядит каждый дюйм его обнажённого тела. Пульс грохочет в ушах, и жар поднимается по мне, словно ртуть в термометре. Я не планировала взглядом бродить по его точёным бицепсам, вниз по буграм его выпирающих мышц под футболкой, которые кричат о самых невероятных в мире кубиках пресса. Не то, чтобы я хотела заметить изгиб его подтянутой задницы и бугор на его...

Я резко перевожу взгляд назад к его лицу, и он пялится прямо в мои глаза.

Я. Не. Могу. Вздохнуть.

Воздух с шипением выходит из моих лёгких, пока его голубые глаза удерживают меня в трансе. Так что, я думаю, в конце концов, изменилось не так уж и много. Былые бабочки поднимаются в моей груди, и хоть даже их крылья, наверное, покрыты пылью после такой долгой спячки, они рьяно спешат оживить моё сердце.

Я уверена, проходит лишь секунда. Чёрт, даже, наверное, меньше того, но клянусь, в его кристальных глазах я могу увидеть вечность. Момент признания, который превращается в похоть, а после, во что-то более глубокое и более настоящее. Будто все наши дороги прошлого пересеклись в одном взгляде. Когда он наконец-то отрывает взгляд, я вспоминаю, как наполнить лёгкие воздухом, и понимаю, что всё же, надеюсь, что это дороги и в наше будущее.

Часть меня, вся я. Хотя кто считает, правильно?

Жёсткая хватка на моём плече заставляет меня подпрыгнуть от испуга. Я подавляю крик, когда оборачиваюсь к Шеннон. Мне как-то удаётся не закатить глаза, и как-то удержать уголки рта, чтоб те не поползли вниз. Не то, чтобы Шеннон была самой

раздражительной и самой некомпетентной медсестрой, с которой я когда-либо имела дело.

Или стойте как раз такой, она и была.

— Мне жаль отрывать тебя, Лорен, — её лицо противоречит всему тому, что она говорит, и сочувствия там нет и в помине. — Ты на секунду нужна мне внутри, — её безрадостный роботоподобный голос прорезает шум и высасывает из него всё ликование за мгновенье.

Шеннон. Со своими ровными короткими волосами, которые рассыпались на её голове, и с большими грустными глазами, она всегда заставляет меня думать о том, как бы мог выглядеть ослик Иа в халате медсестры.

— Это может подождать? — мне удаётся улыбнуться, но я практически чувствую, как моё притворное счастье из-за неё улетучивается в чёрную дыру. — Мне нужно устроить экскурсию через десять минут, — я указываю большим пальцем позади себя, и она поднимает голову вверх, будто только что впервые увидела сотни людей и камеры.

— Нет, прости. Ты нужна мне, чтобы подписать бумаги для выписки мистера Брукфилда, иначе он не сможет выехать вовремя, чтобы добраться до аэропорта. Его жена очень расстроится. Это займёт не больше десяти минут. — Она бросает мне косточку надежды, но я знаю, что это ложь. Ничего из медсестринства не занимает меньше десяти минут. Хотя, я ничего не могу поделать. Я знала, что мне нужно закончить эту бумажную работу этим утром. Думаю, я просто отвлеклась.

Я в последний раз бросила через плечо взгляд на своё отвлечение. Я всегда усердно и старательно заканчиваю всю работу, но думаю, учитывая обстоятельства, можно понять, почему бумаги мистера Брукфилда остались не заполненными. Группа молодых девушек начинает визжать, как подростки, и это подтверждает мою теорию.

Я смотрю в мёртвые глаза Шеннон, и отвечаю:

— Пойдём.

Глава 9

Мак

2014

— Если вы посмотрите в окно, то увидите беговую дорожку. Сейчас весна, и я уверен, вы по максимуму воспользуетесь возможностями своей программы, — доктор Гэлт бросает мне скорую улыбку, и болезненно удерживает её на лице, пока вокруг нас мелькают вспышки камер. — Но так, как это Колорадо, у вас всегда есть возможность воспользоваться внутренней беговой дорожкой, если в июне, или вообще, на нас свалится шальной шторм, — он давится смешком на свою, собственную шутку. Ту же самую шутку, которую я слышал от него об этой же дорожке двадцать минут назад вовремя экскурсии внутри центра.

Я вежливо улыбаюсь и пытаюсь уделять внимание, но, чёрт возьми, медсестры абсолютно ничего не облегчают. Я вижу, что доктор Гэлт, будучи главой учреждения, очень им гордится. И есть чем. Центр — первоклассный. Внутри есть бассейн олимпийского размера, а состояние оборудования для физиотерапии просто заставляет его показать всё это. Нет ни единой поверхности или лица здесь, которое бы не сияло. Моим глазам пришлось нелегко из-за необходимости уделять внимание каждой лоснящейся поверхности, когда вокруг было столько сладострастных улыбок.

Каждый раз, когда я останавливал своё кресло, какой-нибудь кусок задницы в халате

медсестры подмигивал мне, пока она сама проводила языком по губам, наталкивая меня на идеи о том, что ещё она может сделать этим языком и где она может поработать губами.

Со всей этой толпой репортёров неудивительно, что женщины выглядят сногшибательно. С идеальными причёсками и макияжем настолько красочным, что их можно принять за стриптизёрш, в медицинской униформе, а не за профессионалов.

Хотя, я знаю, что все это исключительно для меня.

И будто в подтверждение этого, когда бы камера ни появилась рядом со мной, женщины тут же на свои лица надевают маски профессионализма.

Не то, что бы я был против. Мне нужно убедиться, что я не прогадаю с тем, кого здесь трахать.

За мой прошедший год в реабилитационном центре в Мерилэнде, медсёстры практически выцарапывали друг другу глаза, когда я ими разбрасывался. В этот раз я попробую избежать драмы и быть чуть-чуть внимательнее. Кроме того, я проживу здесь всего пару недель, а после буду заниматься амбулаторной программой в течение дня, и на ночь уезжать к себе домой.

Парсонс выглядит зачарованным экскурсией, игнорируя каждую легкодоступную киску вокруг нас и развесив уши на каждое слово доктора. Я удивлён, как это он не откопал блокнот, чтобы записать самые интересные моменты. Лопез, с другой стороны, проводит разведку помещения, глядя на меня и кивая каждый раз, когда мы поворачиваем за новый угол и наталкиваемся на сиськи и задницы.

— Если вы последуете за мной, сюда вниз и налево, — доктор Гэлт перебивает немую беседу между Лопезом и мной, показывая нам ещё один холл, — здесь вы найдёте свою комнату.

Наконец-то! Моё внимание полностью сосредоточено, когда я проезжаю позади Гэлта, чтобы увидеть своё новое жилище. Блестящий реабилитационный центр — хороший и приятный, но если вас селят в кладовку с вениками, всё это не имеет значения. У меня не возникнет проблемы, чтобы найти применение кровати, даже если она и в кладовке.

Мои страхи быстро испаряются, когда я следую за доктором в просторную комнату. Кровать в огромном пространстве выглядит комически маленькой. С кожаным диваном у одной стены и с огромным телевизором у противоположной, очевидно, что эта комната — неармейское помещение. С видом на покатые склоны за окном, и огромной ванной комнатой с ванной, в которой вы отмокали бы часами и просторным душем, я чувствую, что заселяюсь в Хилтон, а не в больничную палату.

Оператор и команда новостей легко проникают внутрь, осторожно снимая мою реакцию и детали декора для пятичасовых новостей.

Милая маленькая брюнетка в юбке-карандаш на каблуках, цокая, проходит через комнату, и наклоняется к окну, выставляя бёдра напоказ. Кажется, будто она наслаждается пейзажем, но потому, что как она выставляет свою сердцеобразную попку, она хочет чтобы именно я наслаждался видом. *Дай девушке то, что она хочет*, говорю я себе. *Я здесь, чтобы угождать.*

— Капитан, вы не против, если Фил сделает несколько снимков того, как вы осматриваете комнату? Думаю, зрителям понравится то, что вы рассматриваете, куда. — Она отворачивается от окна и тепло улыбается. Её оператор шаркает ногами по комнате, и наставляет немигающий объектив на моё лицо, ожидая, что я буду «вести себя естественно».

Я отталкиваюсь руками от кресла, и шагаю через комнату, сокращая дистанцию между

ней и мной. Её пульс чётко виден на её горле, когда я прохожу мимо неё и быстро осматриваю горы и буйную траву газона снаружи. Я слышу, как часто она дышит, когда я разворачиваюсь на пятке и шагаю к кровати, осторожно присаживаясь на край.

— Выглядит... удобной, — брюнетка сосредотачивает свой взгляд на мне, и я не могу не улыбнуться, пока румянец ползёт по её щекам.

Доктор Гэлт громко откашливается, и оператор подскакивает, как ребёнок, который после полуночного побега пытается обратно пролезть обратно в родительский дом. Я не поворачиваюсь к нему, пока он пытается вытолкнуть толпу из моей комнаты. Зачем мне смотреть на лысеющего мужчину средних лет, когда я могу поглазеть на сиськи и бёдра?

— Если съёмочная команда последует за мной, я проведу вас в конференц-зал, где смогу ответить на любые ваши вопросы об учреждении, — настаивает он.

Брюнетка смотрит на меня, потом на доктора, не вполне уверенная, стоит ей идти или нет. Хотя, она выходит из своего транса и возвращается к двери с остальными.

— А я думал, когда ты появишься? — Я слышу, как доктор Гэлт тихо обращается к кому-то. — Капитан Форрестер, я прошу прощения. Я знаю, что вы наверняка после долгого дня готовы заселиться, но я хотел бы вам представить медсестру, которая будет вести наблюдение по вашей программе восстановления.

Я встаю с кровати и тут же примерзаю к полу.

Теперь комната кажется пустой, помимо моих армейских друзей и оставшегося медицинского персонала. Больше ни одна вспышка камеры или медсестры, похожие на стриптизёрш, меня не отвлекают.

Да, я до сих пор чувствую себя, словно в каком-то сне, потому что в двери стоит идеальная мечта из моего прошлого. Пришиливая меня к полу своими красновато-карими глазами, передо мной стоит самая прекрасная женщина из тех, которых я когда-либо видел или увижу.

Голос застревает в горле, когда я впитываю весь свет, который исходит от её лица. Подчёркивая её скулы, вызывая желание поцеловать её идеальные губы. Мне хочется пробежать через комнату и подхватить её на руки. Я хочу поцеловать её, обнять её и никогда не тот себя отпускать снова. Мне хочется бросить её на кровать и трахать, пока мы оба не забудем наши имена и время, которое прошло между нами.

Вместо этого, я стою, приросший к полу, и пялюсь. Кое-как мне удаётся открыть рот, и кое-как произнеси слова:

— Привет, Лорен.

Глава 10

Лорен

2014

— Привет, Мак.

В этой комнате есть баллон с кислородом? Кто-нибудь наденьте на меня кислородную маску. Вторая мысль была о том, есть ли в этой комнате дефибриллятор? Нужно послать доктора Гэлта, чтобы достал его для меня.

Говоря о боссе, он из-за того, что я опоздала, смотрит на меня хмурясь. Его взгляд смягчается как масло, когда он через моё плечо смотрит в коридор, где толпятся журналисты. Потому, с каким желанием он на них смотрит, могу сказать, что он прямо

сейчас не собирается терять время, чтобы отчитать меня.

Даже если сегодня все журналисты и пресса появились здесь ради Мака, тяжело не наблюдать, как доктор Гэлт, словно губка впитывает этот момент. Подождите минуту. Я хмурюсь, глядя на его бледное лицо. Оно, что, потемнело? Шеф своей ослепительно-бледной кожей, запросто может в небе сбивать самолеты, но теперь он выглядит, будто немного загорел. Я вижу линию бежевого цвета с оранжевым оттенком, которая исчезает в его волосах, и понимаю, что он либо использовал спрей для имитации загара ради этого великого момента под вспышками камер, или делал макияж.

Лучше я поверю в то, что это спрей. Ведь его руки сейчас кажутся практически прозрачными.

— Вы друг друга знаете? — он быстрым внимательным взглядом изучает мое лицо, а потом снова резко переводит его за меня в холл, где ожидает толпа.

Мак открывает рот, но я одним взглядом останавливаю его попытку заговорить. *Нет.* Сейчас не время для исповеди.

— Ага, мы вместе ходили в старшую школу, — быстро отвечаю я, обезглавливая любой ответ в мыслях Мака.

— О, хорошо. Хорошо. Ладно. Ну, эм, сестра Брикман согласует с вами ваше расписание. Если у вас появятся какие-то проблемы или вопросы, вы можете найти меня в любое время, — он быстро выплёвывает слова, пока как ребёнок, который отчаянно требует внимания родителей, смотрит на журналистов.

— Ладно, спасибо. Спасибо за экскурсию, доктор Гэлт, — Мак проходит по комнате и качает головой. Мой босс едва ли находит энтузиазм пожать Маку руку, слегка поднимая и опуская её прежде, чем отпустить. Это едва ли напоминает рукопожатие.

Военный друг Мака хлопает его по плечу, а потом оставляет нас наедине.

Внезапно самая большая комната в госпитале ощущается картонной коробкой, которая складывается и сокращает пространство между нами.

Пространство, время, расстояние. Смешно, как быстро твоё сердце может забыть каждую вещь, расколотую пополам.

Не уверена, хочу ли я поцеловать его или ударить, или может, и то и другое. Всё равно, мне нужно хоть как-то к нему прикоснуться.

— Что? — спрашиваю я. Я знаю эту высокомерную ухмылку, будто он только что услышал шутку, которой не собирался делиться.

— Брикман? Серьёзно? — он прикрывает свою улыбку ладонью, и я понимаю, что лучше всё-таки его ударить.

— Да, Брикман.

— Ты вышла замуж?

— Да.

— За Джоела Брикмана?

— Именно за него.

— У вас есть дети?

— Один.

— Ты вышла замуж и завела детей с Джоелем Брикманом? *Даладно!* То есть, я знаю, что когда я ушёл, мало из кого можно было выбирать, но твой партнёр по научному кружку? — он закатывает глаза.

— По крайней мере, Джоел был здесь для меня. В отличие от некоторых, —

выплёвываю я ему. — Кроме того, о мёртвых либо хорошо, либо ничего.

Я потираю пустое место, где раньше носила кольцо, сожалея о своём решении несколько месяцев назад, оставить его в депозитной ячейке. Я сказал себе, что пришло время прекратить носить его, потому что приближалась годовщина его смерти.

— Он умер?

— Да, слово «мёртвый» как раз это и подразумевает, — мои слова пропитаны морозом. Блеск исчезает из голубых глаз Мака, и его усмешка превращается в линию.

— Как? То есть, мне жаль это слышать. Он был так молод! — я вижу, как он пытается сопоставить факты.

— Да. Лобовое столкновение. Он умер мгновенно, — мой голос звучит бесцветно и тихо, но слова кажутся таким громкими.

— Мне жаль, — Мак подступает ко мне, и я ненавижу осознание того факта, как сильно мне хочется обнять его за шею, и прижаться головой к его груди. Как сильно я хочу почувствовать, как он пробегает своим пальцем по моей спине. Хочу услышать его голос, который скажет мне, что всё позади. Что все тяжести, вся головная боль, смятение, всё это остаётся в прошлом, и что он здесь, чтобы унять всю эту боль.

Вместо этого, я отступаю от него, и подхожу к окну, увеличивая между нами расстояние, которое мне нужно, для здравомыслия.

— Я следила за твоей историей. Ну, знаешь, видела новости и всё такое, — признаюсь я стеклу, делая глубокий вдох. Я поворачиваюсь и позволяю себе утонуть в его глазах ещё раз. — Мне жаль людей, которых ты потерял, Мак. И то, через что ты прошёл.

Его глаза на мгновение загораются, и он мысленно куда-то переносится. Куда-то далеко от Колорадо. От меня.

Он медленно трясёт головой, и когда он откашливается, его глаза остаются сфокусированными на одной точке.

— Спасибо. Я просто рад, что теперь я дома.

— Я тоже рада, что ты дома, — говорю я охрипшим голосом. Чёрт. — Я, эм, у меня для тебя подготовлена обширная программа, — я копаюсь в кармане и достаю телефон, чтоб можно было сверить его график. — Я знаю, что ты усердно работаешь над ходьбой, и потому как хорошо ты справляешься, я вижу, что ты работал немало часов.

Мой разум переключается в режим медсестры, и я свои эмоции в горле, заставляю утихомириться, хороня их глубоко внутри себя.

— Но я заставлю тебя снова бегать. К тому времени, когда ты здесь закончишь, ты будешь таким же, как и был до... — я не хочу называть это несчастным случаем. Я видела видео, как и вся страна, и ногу Мака оторвал не какой-то переворот.

— До того как я принял гранату за мяч для футбола? Я всегда их путаю. Всему виной эта овальная форма. Почти то же самое, — шутит он, и я улыбаюсь, радуясь, что мы смогли опустить этот неловкий момент.

Я смотрю вниз на экран своего телефона, и вижу звонок и смс из школы своего сына.

Какого...?

Я пролистываю сообщения, оцениваю ситуацию. Идеально. Просто идеально.

— Всё в порядке, Лорен? — Мак нависает надо мной, и я могу почувствовать его запах. Волосы на затылке становятся дыбом, когда я вдыхаю рядом с ним.

— Нет, прости, но мне нужно идти. Дерьмо.

— Что происходит?

— Крис, мой сын, был только что исключён из школы. Мне нужно поехать и забрать его. Ты не будешь против, если я ознакомлю тебя с курсом программы позже?

— Да, конечно. Естественно, — Мак машет мне руками. — Иди, разберись со своим несовершеннолетним нарушителем, — я знаю, что он шутит, но этот комментарий попадает практически в цель. Он понятия не имеет, как Крис ведёт себя после смерти Джоела. Как он тянется за теми, кто подрывает меня посреди ночи переживанием и тревогой. Как я молюсь Богу о том, чтобы суметь показать ему правильный путь из этой темноты, пока он не разрушил свою жизнь.

— Спасибо. Ладно, я вернусь через пару часов, и мы сможем во всём разобраться, — я начинаю отступать к двери.

— Нет проблем. Эй, если тебе нужен Капитан Америка, чтобы провести воспитательную беседу с твоим сыном, приводи его как-нибудь. Я исправлю его для тебя, — улыбается он.

Я вежливо киваю, и прикусываю язык. Пока иду к двери, я не говорю Маку, что тет-а-тет с моим сыном может быть самым лучшим для него. В конце концов, душевный разговор между мальчиком и его отцом может принести больше добра, чем я могу ему дать.

Особенно если его отец, знаменитый американский герой войны.

Глава 11

Лорен

2014

Я останавливаюсь на школьной парковке, моя голова гудит, словно шершень, а желудок скручивает от страха. Это та самая начальная школа, в которую я ходила, когда была в возрасте Криса. Это та самая школа, где я встретила Мака Форрестера. Теперь его сын ходит по тем же коридорам, очаровывая тех же учителей и вороша то же самое дерьмо, что его папочка.

Несмотря на смерть Джоела в прошлом году, Крис всё равно был бы ещё тем наказанием. Это в его ДНК, как и миндальная кожа, которую он получил от меня, или шаловливая улыбка, которая досталась ему от Мака.

С того дня, как он родился, Крис всегда был непослушным. Природа наградила меня ребёнком, который выкарабкивался из колыбельки, и срывал шторы, если его оставляли одного. Ребёнком, который решил, что ванная была идеальным местом, чтобы собрать там садовых змей, когда ему было четыре. Ребёнком, который воровал картон и всякую утварь из гаража, чтобы построить подобие байка Ивела Нивела спускаясь на нем посередине главной улицы нашего района. Я провела два дня в больнице, вправляя его ногу и накладывая гипс. И конечно же, когда через неделю его сняли, на этом спуске появился новый мотоцикл. В этот раз он оказался проворнее, и выпрыгнул. Он, гордясь этим, целый месяц провёл в комнате.

Ещё до того как Мака стали крутить в новостях, мне никогда не выпадало шанса забыть его. Теперь его сын держит меня в тонусе, не давая мне покоя, и плавая моё сердце коронной улыбкой своего отца.

Когда Джоел умер, Крис вышел из-под контроля. Простые выходки и приключения приняли темнейший оборот в направлении разрушения. Он бросил почти все свои кружки, оставил всё, кроме футбола и группы ребят, которые на тренировке выглядели как шайка. Им только ярлычков с именами не хватало. «Привет, меня зовут Головорез».

Когда Джоел погиб в автокатастрофе, я первым делом повела Криса к психологу, который сказал, что он перестанет вести себя так через полгода или около того. Скоро годовщина смерти Джоела, и чтобы вы знали, Крис только на пороге расцвета своих шалостей. Мне кажется, что он как грузовик: выбирает направление, и несётся, а я просто стою на пути, раскинув руки в стороны, в попытке его остановить. Но мы оба знаем, что он попросту переедет меня.

Я подхожу к офису директора. Дорога, по которой я желала больше никогда не ходить. Мой сын сидит на маленьком пластиковом стуле у стены напротив школьного секретаря, мисс Уилмот. Я смотрю на него, когда он, склонив голову набок, поглядывает на меня из-под козырька своей бейсболки. Прекрасно понимая, что он в дерьме. От меня не ускользает вспышка страха в его глазах.

Хотя, чем старше он становится, тем больше мы оба понимаем, что только у матери есть такая сила. Я могу кричать, пока не сорву голос, могу отнять у него каждую вещь, которой он наслаждается, и посадить его под замок, но я не могу узреть возможность, как изменить тот путь, по которому он идёт. Он не будет счастлив, пока видит, как весь его мир катится по наклонной, и горит синим пламенем. Он ещё не знает, как тяжело воссоздать свою жизнь из пепла.

Мисс Уилмот смотрит на меня поверх очков взглядом, который тут же переходит на десятилетнего мальчика. Мои внутренности скручиваются в узел, когда я достигаю края стола. Я удивляюсь, что не нужно стоять на носочках, чтобы посмотреть за неё. Странно, как место или момент может снова превратить нас в детей. Будто на нас не сказались десятилетия взросления. Будто наши линии жизни сжимаются, уменьшая годы опыта под одним только взглядом.

— Миссис Брикман, как приятно снова вас видеть. Жаль, что мы никогда не встречаемся при других обстоятельствах, — она смотрит поверх своих очков в оправе, а я пялюсь на свои ладони. Как она это делает? Мне стоит привести её к себе домой, чтоб она посмотрела на Криса, когда он начинает капризничать. Мой сын явно станет другим.

— Мистер Вон ожидает вас в своём кабинете. Вы можете пройти прямо сейчас, — продолжает она.

— Спасибо, — запинаясь я. Уши горят, а кожа на спине покрывается мурашками, когда я, шаркая ногами, иду к двери в его кабинет. Накрутите мне волосы, и обуйте меня в «Мери Джейнс» потому что последние восемнадцать лет моей жизни канули в лету. Я бабочка, которая потеряла крылья, и теперь ползёт в офис.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дверь открыта, но мистер Вон не отрывает глаз от папки под носом, которую он изучает, пока машет мне, чтобы я входила.

— Входите, входите. Присаживайтесь, присаживайтесь, — повторяет он.

Я сажусь напротив него, и складываю руки на коленях, ожидая, что он прекратит читать. Это толстая папка с загнутыми углами. Внизу на корешке написано «Крис Брикман». Я тяжело сглатываю, пока пытаюсь представить, сколько же нарушений было внесено в эту папку, что она распухла до таких размеров.

— Миссис Брикман, — я подпрыгиваю в потёртом офисном кресле, когда директор вырывает меня из моих мыслей. — Как вы видите, благодаря вашему сыну произошёл ещё один инцидент, и нам нужно это обсудить. — Мистер Вон осторожно размещает папку на своём столе, и кладёт несколько листов бумаги поверх неё.

— Что случилось? — мой мозг закипает от предположений. Что уже случилось за год? Срыв уроков, драки, прогул школы — список прокручивался в моей голове, будто я ждала ещё одного шага в его криминальной истории.

— Миссис Брикман, сегодня Кристофер, со взрывоопасными веществами был обнаружен в туалете для мальчиков. Я боюсь, что с политикой нашей школы, по которой мы не допускаем наличия оружия в школе, и ущербом, который он и его друзья нанесли в туалете, в этот раз его ждёт исключение. — Мистер Вон уже уставился своими глазками-пуговками на меня, ожидая, что я закрою рот, который зиял на моём лице, словно чёрная дыра.

— Взрывоопасными? Вы уверены? То есть, конечно, вы уверены, — я поднимаю руки, будто пытаюсь выдрать эти слова из воздуха, пока они не достигли его больших плоских ушей. — То есть, я понятия не имею, где он их достал. Они засунули самодельную бомбу в трубу? Или сделали коктейль Молотова? Или... — я пытаюсь заставить свой мозг работать.

— «Вишневая бомба», — констатирует мистер Вон. (прим. перев. – красный рассыпной фейерверк)

— «Вишневая бомба»? — я, словно попугай, повторяю его слова, но они не сходятся с картинками у меня в голове. — Это взрывоопасное вещество?

— Да, миссис Брикман. Кристофер и пара других учеников бросили пригоршню таких фейерверков в мужском туалете, и они начали врываться.

— Взрываться? Это взрывается? — я пытаюсь представить эту сцену. Неужели «Вишневые бомбы» такие опасные?

— Ну, да. Она оторвала крышку от унитаза. А также наделала жуткий беспорядок. Повсюду была вода, — его лицо приобретает тёмно-бардовый оттенок, когда он вспоминает этот ужас.

— «Вишневая бомба», — я в своём кресле сажусь ровнее, чувствуя, как бабочки снова возвращаются в жизни, и я снова превращаюсь в двадцати восьми летнюю девушку.

— Да, — строго кивает мистер Вон.

— Это были взрывоопасные вещества? Так Крис и его друзья бросили рассыпные фейерверки, и они повсюду разбрызгали воду? — видения шрапнели и тлеющих кусочков кафеля уборной для мальчиков заменяется образами невинной шалости, которую часто делают мальчики. Даже Барт Симпсон делал это в мультике на «Нетворк».

— Верно, — шипит на меня директор. Он указывает на множество бланков, который он вытащил из папки. — Как видите, у меня множество заявлений свидетелей, включая и признание вашего сына, в котором он пишет, что был одним из двоих принесших сегодня в школу взрывоопасные вещества, и принимавших участие в уничтожении школьного имущества, — он постукивает пальцем по бумаге, будто пытается азбукой Морзе передать сообщение.

— Ладно. Так. Крис и его друзья провернули шалость с рассыпным фейерверком и теперь его исключают? Это не слишком? Я имею в виду, мальчики делают такого рода вещи всё время, разве нет?

— Нет, миссис Брикман, мальчики этого не делают. По факту, осталось лишь три месяца до окончания учебного года, и подобный случай со взрывоопасными веществами произошёл лишь единожды ...

— С рассыпными фейерверками, вы имеете в виду?

— Да, со взрывоопасными веществами. И Крис был его инициатором. Если вы

посмотрите на его послужной список, миссис Брикман, вы увидите, что Крис очень часто становится лидером в таких случаях. Как я уже сказал, в нашей школе не будут теперь оружие.

— «Вишневая бомба», — повторяю я.

— Любое оружие, — твёрдо отвечает он. — К сожалению, я больше не могу давать Крису шансов. Если бы его поведение с каждой его выходкой не прогрессировало в худшую сторону, в таком случае, я бы мог подумать о том, чтобы его оставить, а не исключать. Хотя и так понятно, что за стенами этой школы, чтобы поправить его поведение, за ним не приглядывают надлежащим образом.

Ну всё. С меня хватит.

— Послушайте, мистер Вон. Одна вещь — сорвать меня с работы, приволочь сюда и выставить моего сына убийцей за то, что он подбросил в унитаз фейерверк. Но совершенно другая, когда вы решаете намекнуть мне на то, что я не справляюсь со своими материнскими обязанностями. Если бы вы потрудились заглянуть в этот файл, то увидели бы, что не прошло и года, как умер мой муж, и я стала матерью-одиночкой. Я не ожидаю, что вы используете это как оправдание для Криса, но это помогло бы вам хотя бы чуточку объяснить его поведение. Может быть, если бы вы вообще потрудились отправить его к школьному психологу, вы бы это знали. Так что, вместо того, что бы сидеть здесь и судить о моих родительских способностях, может вам хоть немного стоит проанализировать свою директорскую деятельность?

Я встаю, набирая побольше воздуха в лёгкие. Моё превращение во взрослую закончилось, и я готова забрать своего ребёнка и уйти. Хватит этого бреда. Я поворачиваюсь на пятках, и направляюсь к двери кабинета, когда мистер Вон откашливается.

— Миссис Брикман, прежде чем вы уйдёте, нам нужно обсудить вопрос финансовой компенсации школе.

Будто драмы в моём уходе было недостаточно.

Глава 12

Лорен

2014

— Подумаешь, мам, — Крис резко плюхается на пассажирское сидение, и пристёгивается ремнём безопасности. — Мистер Вон — настоящий говнюк. Я имею в виду, он весь год точил на меня зуб всего лишь за то, что застukuал нас с Ханной когда мы целовались. Он настоящее чмо.

Не могу не согласиться.

Но это остается в моей голове. Нет ни единого шанса, что я поделюсь этим со своим сыном. То, что лично я думаю о его директоре, не меняет того факта, что моего сына исключили из школы, и мне некуда его пристроить.

Ему девять лет. Он кажется слишком взрослым для опеки и слишком молодым, чтобы самому присматривать за собой. Осталось всего лишь несколько месяцев учебного года, и я просто не смогу отдать его в другую школу. Мы в абсолютной заднице. Я в заднице касательно заботы о своём ребенке. Крис в заднице, потому что шансов, что он окончит четвёртый класс, нет. Ну и херня.

Ебанный Вон — настоящее чмо.

— Послушай, я не хочу этого слышать. И не смей говорить о своём директоре такие слова.

— Бывшем директоре, — поправляет меня Крис.

Боже, дай мне силы удерживать руки на руле вместо того, чтоб врезать своему девятилетнему ребёнку. Я знаю, что за все девять лет я ни разу не ударила его, но клянусь, я теряю терпение.

— Ты думаешь, это смешно, Крис? Ты хоть имеешь малейшее представление, как сильно ты облажался на этот раз? Тебя исключили, Кристофер. Это означает, что мне придётся искать способ, как я смогу вернуть тебя назад в школу. И если ты не заметил, у меня есть работа, которую мне нужно выполнять каждый день, чтобы я могла тебя накормить, но сейчас мне придется использовать свои перерывы, для звонков, чтобы тебя вернуть в школу. И если ничего не выйдет, то в следующем году ты будешь самым взрослым ребёнком в четвёртом классе! — кожу на пальцах покалывает, когда я усиливаю хватку на руле.

Я смотрю на Криса, на его бесстрастность, а он просто сидит и пялится в окно. Мне хочется потрясти его и обнять одновременно. Хочется приласкать его, и сказать ему, что я знаю, как тяжело ему с тех пор, как он потерял отца.

Ну, Джоел не был его биологическим отцом, но Крис этого не знал. Ему было только два года, когда мы с Джоелом начали встречаться. До этого Джоел пытался добиться меня своим странным образом. Свой первый год программы подготовки медсестёр, я провела будучи с огромным животом, в котором рос ребёнок, и я не спешила искать себе мужчину.

Пока остальные девочки из моей программы гуляли и встречались на «пьяные уикенды», я жила с мамой и старшей сестрой, учась по книгам двух видов. «Медсестринство» и «Чего ждать, когда ждёшь ребёнка».

Тяжёлый труд и жертвы были оправданы, потому что я выпустилась с высшим баллом, и мой маленький мальчик подбадривал меня на выпускном.

Когда Джоел и я после колледжа получили свою первую работу в том же госпитале, я увидела его в другом свете. И я не имею в виду яркие флуоресцентные лампы больницы. Он был не самым возбуждающим парнем, и самым красивым, но он был добрым, и его хотелось уважать. Он знал, что Крис — сын Мака, но всегда относился к нему, как к своему.

Когда Крису исполнилось три года, мы устроили небольшую свадьбу. Джоел усыновил Криса, и тогда всё показалось идеальным. Конечно, шесть лет назад я не знала, что Джоел погибнет в аварии, а Мак вернётся в Колорадо.

Может, мама сможет присмотреть за Крисом, пока я буду разбираться со всем этим дерьмом в школе? Я морщусь от мысли о том, что придётся просить свою шестидесятипятилетнюю маму присмотреть за моим ребёнком, который истощает меня в мои двадцать с хвостиком. Хотя, моя сестра до сих пор живёт с ней, так что это не будет выглядеть так, будто я бросаю её на съедение волкам. Кроме того, Крису может помочь строгое воспитание, которое помогло вырасти мне.

Так. Стоп!

— Кто такая Ханна? — имя, которое мой сын обронил ранее, теперь плавает на поверхности моих бурлящих мыслей.

Крис смотрит перед собой на машину, и улыбка а-ля Мак проявляется на его лице.

— Она, эм... дочь мистера Вона, — признаётся он, глядя вверх на меня из-под козырька своей кепки.

Я проглатываю улыбку. Не хочу поощрять его, но я знаю, что уже слишком поздно. Я прыскаю со смеху, и хохот вырывается из моего горла, пока я трясусь головой. Если я не посмеюсь над этой смехотворной сделкой, которую заключила, я умру.

Каков отец, таков и сын.

Господи, помоги мне.

Глава 13

Мак

2014

— Ладно, не забывай, что ты ещё не можешь на нём ровно стоять, и я также не хочу, чтобы ты пускался в полноценный бег, — Лорен до сих вычитывает мне мораль. Она всё утро притворяется, что между нами ничего нет, кроме отношений пациент-медсестра.

Вот чего мисс Профи не понимает, так это того, что я видел, как её взгляд облизывает каждый дюйм моего тела. Также я заметил, как её глаза были прикованы к выпуклости в области моего паха. Может ей, своим маленьким шоу и удастся одурачить персонал, но я потерял ногу, а не зрение. Ей придётся лучше стараться, чтобы пустить пыль в мои бледно-голубые глаза.

— Просто трусца, я понял, — перебиваю я, и она дерзко смотрит на меня. Я знаю, что она ненавидит, когда я вот так отшиваю её, но я чертовски долго ждал, чтобы получить этот опорный протез из углеволокна, чтобы плестись в заднице и слушать инструкции о том, как бегать.

Я знаю, как бегать.

— Да, просто трусца, — упрямо отвечает она, завязывая двойным узлом ярко-голубые шнурки на своих кроссовках. — И я помогу тебе сделать первый прыжок, чтобы ты мог сказать мне, есть ли у тебя с этим проблемы, ладно?

Я спрыгиваю в лавочки, и меня удивляет пружинящее свойство протеза. От такого маленького движения я уже чувствую себя легче и быстрее, а я ещё даже шагу не сделал.

— Понял, — прикладываю три пальца к брови, и лениво салютую, когда у нее на носу появляются эти мелкие морщинки отвращения, пока она, глядя на меня хмурится. Её нижняя губа покрыта блеском для губ, и из-за чего она кажется слегка выпяченной.

Боже, как же я хочу потянуть эту губу зубами и слегка прикусить её. Я хочу почувствовать жар её дыхания на своей коже, когда заставлю её выкрикивать моё имя. Мне кое-как удаётся оторвать от нее взгляд, вернуть его к беговой дорожке и решить, что я пушу эту накопленную энергию на небольшую пробежку вместо того, чтобы думать о круглой сексуальной попке Лорен, которую она нарочно выставляет в своих штанах для йоги. Или её полные торчащие сиськи, которые едва ли помещаются в её коротком топе.

Как я уже говорил, она не одурачит меня своим притворством.

Даже если я дождаться не могу своего первого забега на протезе, я отстаю от Лорен всего на чуть-чуть. То есть, нет ведь смысла в том, чтобы выпускать такой сладкий вид из поля зрения? Когда я ушёл в армию, ей оставалось лишь несколько месяцев до совершеннолетия. Я помню её восемнадцатилетней — она была неопишимо красивой, даже когда её тело ещё было вытянутым и немного странным.

Теперь, когда ей двадцать восемь, она напоминает богиню. Её телосложение обрело изгибы, из-за которых даже пастор готов сломать себе шею, лишь бы посмотреть на неё ещё

раз. Тяжело сконцентрироваться, когда всё, о чём я могу думать, это насколько нам лучше будет в постели теперь, когда у обоих есть немного опыта за плечами.

Пока мы стоим рядом на беговой дорожке, Лорен вытягивает руки позади себя для самой ненужной растяжки. Знаете, мышцы и так неплохо расслабляются после бега. И что дальше? Йога в позе собачки? Это ведь самый практичный способ растянуть её ноги, разве нет? Несмотря на это, я впитываю её шоу с выставленными сиськами, которые она суёт мне, когда выгибает спину.

Я не до конца уверен, в чём состоит её игра. Мне предельно ясно, что она хочет, чтобы я её заметил. И, ну, это в своём списке она может отметить галочкой как «сделано». Сделано, и ещё раз сделано! С другой стороны, она отстранённая и холодная со мной. Я не могу решить, хочет ли она насладиться случаем, или ей всё ещё нужно пространство после того, как она год назад потеряла своего мужа.

Хватит парить себе этим мозг. Если она хочет, чтобы я бегал вокруг неё кругами, пока она получает из этого какой-то извращённый кайф, я просто здесь на дорожке дам ей почувствовать привкус ее же пилюли.

— На старт, внимание, вперёд! — выкрикиваю я, и срываюсь в бег широким шагом.

— Мак! Я сказала «трусой» — кричит она позади меня, и раздражение сочится в каждом ее слове. Я слышу топот её ног по дорожке, пока она пытается меня догнать. Моя биологическая нога и протез отрываются от дорожки, соревнуясь с биением моего сердца, чтобы понять, что может работать быстрее. Сладковатый запах ветхости доносится до моего обоняния, и я вдыхаю полной грудью. Это напоминает мне о том, что не каждая смерть — болезненна и ужасна, иногда она может быть прекрасной.

Внезапно Лорен вырывается вперед, вырывая меня из мыслей и давая мне новый стимул — победить.

Прижимаю локти к бокам, чувствую, как мышцы на моих бедрах подёргиваются, как и пульс, когда я начал развивать скорость, чтобы догнать её. Прохладный весенний воздух клубится вокруг меня облачками пара, когда я уже почти наступаю ей на пятки. Нет ни единого шанса, чтобы я так легко проиграл ей.

Я скучал по бегу. Мне нравится фокусироваться на единой миссии. Война, мои люди, моя нога... Всё это отходит на самый дальний план, когда моё внимание сосредотачивается на одной-единственной вещи — беге. Он напоминает мне те дни, когда будучи детьми, мы с Лорен по утрам последние двести ярдов нашей дороги в начальную школу бежали. Рюкзаки хлопали нас по спинам, несмотря на предупреждения наших матерей не испачкаться. Тогда моя жизнь была простой, украшенной яркими цветами и узорами эмоций, которые, как оказалось, смываются с годами.

Её обтянутая спандексом попка подпрыгивает, когда ноги касаются земли. Это гипнотизирует. Я наслаждаюсь видом ещё с минуту прежде, чем поравняться с ней. Она через плечо бросает на меня взгляд, и я у меня перехватывает дыхание. Не потому, что я выдохся, а потому что после того, как мы снова увиделись, она впервые улыбнулась. Как я вообще ушёл от этой улыбки? Одна вещь понятна наверняка: я не сделаю эту ошибку дважды.

Внимание Лорен возвращается к дорожке, и я концентрируюсь на том, чтобы её опередить. Я набираю в лёгкие побольше воздуха, и вырываюсь вперед. Мы идём плечо к плечу, и я могу в потоках воздуха почувствовать её запах.

— БУМ!!!

Звук самодельной бомбы наполняет воздух, и ужас сковывает моё сердце.

— Берегись!

Инстинктивно, я набрасываюсь на Лорен, толкая её на землю, и, словно одеялом накрываю её тело своим.

— Какого хера? — кричит она, когда падает на дорожку.

Я прижимаю свою голову рядом с её, пряча подбородок над её плечом, и крепко удерживаю её. Дорожка трансформируясь исчезает, и вокруг меня появляется песок. Я вижу, как металлические обломки, грязь и части тела взлетают в воздух вокруг нас, пока я закрываю гудящие уши.

— Мак? Мак! Мак!!! Какого хера ты делаешь?!

Я медленно моргаю, и сцена превращается в весну в Колорадо. Гудение постепенно растворяется и исчезает, и вместо него я слышу щебет птиц на ветках деревьев. Лорен подо мной выглядит так, будто не может понять, напугана она или в ярости. Её рот искривлен, а глаза широко распахнуты.

— Мак, что ты делаешь? — снова спрашивает она, но в этот раз страх уходит из её голоса, и вместо него я слышу в нём острые ноты злости.

Я понимаю, что лежу на ней, а её ноги обхватывают мои. Грудь вздымается под моей грудью. Своим членом я чувствую жар её киски. Внезапно, Афганистан кажется сценой из прошлой жизни.

— Прости, я сорвался, — лгу я. — Думаю, я пока не готов ко всем этим гонкам на такой штуковине, — указываю я на свой углеродный протез.

Лорен прикусывает губу и, медленно кивая, мрачно смотрит мне в глаза. Я не уверен, попадётся ли она на извинение, но прямо сейчас она немного занята. Я чувствую, как бешено бьётся её сердце под ребрами. Она изучает моё лицо, будто хочет поцеловать.

— Всё в порядке, — бурчит она. Я чувствую, как она скользит бедрами вверх по моим. Движение едва заметное, но бесконтрольное. Мой член, когда к нему приливает кровь, пульсирует. Она до сих пор не сделала ни одной попытки сбросить меня и не сказала ни единого слова, чтобы я сдвинулся.

Я наклоняю голову, намереваясь губами прикоснуться к её губам, пока чуть сильнее прижимаюсь к ней своим членом. Она издаёт мягкий стон, и закрывает глаза. Для меня это слишком. Я набрасываюсь на её губы жарким поцелуем. Мягко лизнув ее по нижней губе, быстро нахожу её собственный. Нам едва ли удаётся прервать поцелуй, когда на уровне талии её штанов для йоги я рёбрами чувствую вибрацию.

Я отстраняюсь назад. Её телефон. Нахер её телефон. Я хочу спустить эту майку и облизать эти идеальные сиськи, пока она содрогается для меня, умоляя сделать её своей. Я хочу трахнуть её маленькую узкую киску и прижать этот вибрирующий телефон к её клитору, пока она не кончит.

— Мак, мне нужно ответить. Тебе нужно слезть. — Ни одно слово не прозвучало убедительно, будто она спрашивает вместо того, что бы потребовать.

— Ты уверена?

Глава 14

Лорен

2014

Я не уверена.

Ни в чём.

Не уверена, почему лежу на земле, с диким желанием, чтобы Мак сорвал с меня одежду и отымел при свете дня. Не уверена, почему я вообще здесь оказалась. Я слышала, как на дороге затормозила машины, а потом Мак прижал меня к траве на обочине беговой дорожки.

Он сказал что-то о потере контроля над своим протезом, но мне на самом деле хочется, чтобы он потерял еще больше контроля. Я хочу почувствовать мягкий жар его рта каждым дюймом своего тела. Хочу, чтобы его губы вернулись назад к моим. Хочу, чтобы мои пальцы переплетались с его, пока его наливающаяся эрекция, которую я чувствую местом между ног, напоминает мне, что это за чувство — быть как следует оттраханной.

Его глаза заставляют меня замереть на месте. Я бы не сдвинулась, даже если бы он не лежал на мне. Даже Джоел никогда так на меня не смотрел. Мак — единственный мужчина, который был способен заставить мою кожу гореть от желания, чтобы он к ней прикоснулся.

Мой пояс до сих вибрирует, будто у меня там сумка со злыми шершнями, которых нельзя проигнорировать. Туман моей мечты рассеивается, когда на меня вновь обрушивается реальность. Мне нужно встать. Нужно ответить на звонок. Нужно вернуться назад на беговую дорожку.

— Он снова звонит. Мне на самом деле нужно ответить, Мак, — в этот раз, когда я снова обретаю способность чувствовать, мой голос чёткий. Он не пытается убедить меня в обратном. Он бы этого и не сделал. Вместо этого, Мак скатывается набок и встаёт рядом, протягивая руку, чтобы помочь мне встать на ноги.

Такой джентльмен.

Типа.

Я стряхиваю грязь и травинки с задницы, и смотрю вверх на больницу. Надеюсь, никто из других сотрудников не видел наш маленький инцидент. Не уверена, смогу ли я объяснить это кому-то. Не уверена даже, как объяснить это самой себе.

Мак ухмыляется мне, и пытается собраться:

— Не переживай, Лорен. Никто ничего не видел, — отвечает он на мой немой вопрос. Даже спустя все эти годы, он будто может читать мои мысли. — Кроме того, даже если бы и видел, просто скажи им, что я сорвался и мне тяжело вернуться в реальность. Невелика беда, — он равнодушно пожимает плечами.

Моё сердце пропускает удар от такого равнодушия. Я не ожидала, что Мак встанет и открыто признает, что он любит меня или что-то в этом роде, но я думала, что наш поцелуй был большим, чем «невелика беда».

Настойчивая вибрация моего телефона у моего живота снова напоминает мне о том, что у меня нет времени, чтобы оставаться здесь и анализировать то, что происходит между мной и Маком. Я вытаскиваю телефон из-под резинки своих штанов и вижу номер сестры Челси. До того как я успеваю провести пальцем по экрану, вибрация прекращается и её номер исчезает.

Внезапно выскакивает история пропущенных звонков, и я вижу, что она уже пыталась дозвониться до меня пять раз за последние пятнадцать минут. Ого. Как я это пропустила? Вот оно воздействие, которое Мак на меня оказывает. Когда он смотрит на меня, время перестает существовать. Когда он прикасается ко мне, даже если споткнулся на своём протезе, всё в мире исчезает.

С тех пор, как мы были маленькими и невинными детьми, меня тянуло к Маку, как волны океана тянутся к луне. Теперь, когда мы повзрослели, эти волны быстро превращаются в цунами, и меня гигантской волной либо накроет с головой, либо смоев в океан.

Бззззззззз. Моя рука дрожит, когда телефон снова начинает звонить, возвращая меня в реальность. Это снова Челси. Происходит что-то серьёзное. Надеюсь, с мамой всё в порядке! Веду пальцем по экрану, и затыкаю ухо пальцем другой руки, чтоб чётче слышать. Не то, чтобы от Мака было много шума. Он не издал ни слова. Отвлекает само его присутствие, так что мне нужно приводить в порядок свои чувства.

— Алло?

— Лорен? О, слава Богу, я до тебя дозвонилась. Я звоню тебе уже двадцать минут! — она звучит запыхавшейся.

— Прости, не могла ответить прежде, — лгу я. — Что происходит? С мамой всё в порядке?

— С мамой? Да, она в порядке. Нет, дело не в маме. Слушай, тебе нужно приехать сюда прямо сейчас! Это Крис. Нет, не приезжай домой. Это глупо, просто езжай и заведи его...

— Крис? — я почти забыла, что мне нужно потратить свой обеденный перерыв на поиск другой школы, в которую он может ходить до конца года. — Вам с ним тяжело? Скажи ему, что я размещу объявление на Крейглист о продаже его велосипеда, если он не будет вести себя прилично. Я устала от его бреда.

Он любит этот велосипед. Я всегда использую его, как свой щит, когда он слишком выходит из-под контроля.

— Лорен! Послушай меня! Крис недавно ушёл с двумя ребятами. Я сказала маме не отпускать его из дома, но ты знаешь, какая она. Как только я ушла в душ, она его отпустила.

Конечно, она отпустила. Где была эта мягкотелость, когда она растила нас с Челси? У этой женщины не было проблем с тем, чтобы посадить мою задницу на расческу, когда я ей дерзила, но теперь она отпускает моего исключенного из школы сына с его друзьями.

— Хорошо. Ты знаешь, где он? Я позвоню и скажу ему, чтоб он тащил свою задницу обратно. Он хорошо знает, что так лучше не хитрить. — И что я с ним сделаю? Кажется, он с каждым днём всё больше выходит из-под контроля.

— Да, знаю. Лорен, тебе лучше отпроситься с работы и поехать за ним. Его забрали копы! Крис в тюрьме, — хрипит её голос, пока мой мозг распадается на кусочки.

— В тюрьме? — слова едва ли слышно слетает с моих губ, но Мак всё равно наклоняет голову, и его внимание полностью на мне. — Что значит в тюрьме? Ему девять лет! Что нахер происходит? — теперь я чувствую, как теряю равновесие.

— Лорен, я не знаю, что происходит. Я знаю только то, что Крис ушёл отсюда с группой ребят несколько часов назад. После позвонили копы, и сказали, что родитель должен его забрать. Его оставили в тюрьме, и они выдвигают обвинение.

Обвинения? Тюрьма? Крис не только вышел из-под контроля. Он слетел с катушек.

— Я сейчас туда приеду. Уже еду.

Дерьмо.

Глава 15

Лорен

2014

Челси ошиблась с его местом нахождения. Крис не мотает срок в тюрьме. По крайней мере, пока. Хотя, она не ошиблась в том, что его забрали в полицию. Я останавливаюсь возле полицейского участка Авроры и два раза проверяю наличие кошелька, ключей и телефона в сумке прежде, чем набраться смелости и выйти из машины.

Офицер не захотела обсуждать по телефону то, что меня ждало. Она всего лишь сказала мне приехать и забрать его. По её тону я могу сказать, что она, наверное, думала, что я — стереотип. Всего лишь ещё одна цветная женщина, которая забирает своего сына из участка. Мне интересно, если бы мой сын был чистокровным белым, мне бы всё равно пришлось пережить такое. Мне кажется, сейчас я узнаю, что такого ужасного сделал Крис, что они держат под стражей девятилетнего мальчика. Часть меня уже закипает от негодующей ярости, но вторая продолжает шептать: что если дело не в цвете его рук, а в том, что он ими сделал?

Я нервно открываю большую двойную дверь, ведущую в здание, и иду к офицеру в приёмной. Она не выглядит удивлённой, когда я подхожу к её столу, и приветствует меня с выгнутой бровью.

— Здравствуйте. Я мама Криса Брикмэна. Я здесь, чтобы забрать его. Пожалуйста, — я придерживаю ремень от сумки через плечо, чтобы чем-то занять руки.

Офицер устремляет свои голубые глаза на меня, и уголки её губ опускаются вниз.

— Я поняла.

Она что-то печатает на компьютере, и потом поднимает трубку телефона, не сказав мне больше ни слова.

— Эй, да, мисс Брикмэн здесь, чтоб забрать своего мальчика. Ладно, спасибо, — она кладёт трубку, и продолжает печатать на компьютере, даже не посмотрев на меня. — Вы можете присесть. Лейтенант Роджерс придёт через секунду, — она машет рукой с наманикюренными ногтями в сторону главного выхода, на ряд стульев позади меня.

Я поворачиваюсь и помещение этаж. Если эта леди является показателем того, какие на самом деле в этом участке копы, тогда, может, теория того, почему Криса забрали, верна. Прежде чем я успеваю устать от голубых сидений и выглядывания в окно, дверь в холл открывается.

Там стоит чёрный мужчина с выбритой головой и мощной челюстью. Ему едва за тридцать. Он улыбается мне:

— Мисс Брикмэн? Пройдите со мной, пожалуйста. Сюда, — указывает он мне.

Может, и нет.

Офицер Роджерс придерживает для меня дверь, пока я прохожу, и осторожно закрывает её за мной.

— Прямо сюда, — он вытягивает свою руку, будто указатель. — Сейчас Крис сидит с моим партнёром в другом офисе, — он немного опережает меня, и открывает для меня ещё одну дверь. Эта ведёт в маленький офис, в котором есть немного больше мебели, чем просто стол и стулья. — Но, прежде чем мы вам его отдадим, я хотел бы поговорить с вами наедине о том, что сегодня случилось. — И снова, и он вытягивает руку, направляя меня к креслу у стола.

— Конечно. Эммм... он в порядке? Я даже не знаю толком, что сегодня случилось, — я опускаюсь в кресло и наблюдаю за тем, как садится лейтенант Роджерс. Он выглядит таким расслабленным, откидываясь в своём кресле, опустив руки себе на колени. Я могу

почувствовать, как моя тревога понемногу тает.

— О, с ним всё в порядке. На нём ни царапины, об этом не волнуйтесь. Теперь я вижу, что вы спешили сюда с работы, — он кивает, видя моё волнение, — так что я не отниму у вас много времени. Причина, по которой мы сегодня задержали Криса, состоит в том, что он и его друзья решили прогулять школу и посвятить день вандализму в магазине «Seven-Eleven» на Гавана Стрит.

Я не говорю ему, что Крис не прогуливал школу, потому что его уже исключили. Не думаю, что это чему-то поможет.

— Что они сделали? — я цепляюсь за надежду, что «вандализм» означает для офицера то же, что и для Криса в принципе. У моего сына одержимость «вишнёвыми бомбами» в общественных уборных?

— Они пробрались в магазин сегодня утром примерно в 10.50. Крис и семеро других ребят. Они начали рвать пакеты с молоком и соком из холодильников, бросая их на пол. Крис пробегал по рядам, и рвал пакеты с чипсами, разбрасывая их по полу. После, когда остальные ребята начали удирать, Крис перевернул стойку с газетами на витрину магазина, разбивая её.

Ладно, это не «вишнёвая бомба». Святое дерьмо. Что с ним происходит? Я открываю рот, но в горле, словно в пустыне, и всё что мне удаётся издать, это щёлкающий звук.

Офицер Роджерс смотрит на меня с сожалением.

— Я вижу, что вы расстроены. Вероятно, это тяжело осознать. Дело в том, что мы поймали всех мальчиков, и допросили их. Очевидно, что в этот раз Крис не просто следовал за толпой, мисс Брикмэн. Из тех сведений, которые мы собрали, этот дебош был его идеей, а другие ребята следовали за ним. Даже работник магазина упомянул о том, что именно ваш сын испортил большую часть имущества и также сам решил разбить окно.

Я пытаюсь представить Криса таким жестоким. Пытаюсь представить, как он не только следует по тропе саморазрушения, он ещё и ведёт за собой свору. Вместо этого я могу думать лишь о том, как два года назад у меня был милый семилетний мальш, который говорил мне, что он меня любит, когда я поправляла его одеяло на ночь. Теперь, очевидно, у меня девятилетний уголовник, который ведёт себя, как двадцатилетний.

— Я не знаю, что сказать. Это, ну... Я знала, что он выходит из-под контроля, но это просто шокирует, — слёзы собираются в уголках моих глаз, и зрение затмевает прозрачным туманом. Я не хочу ломаться прямо сейчас, но моё горло горит, пока я пытаюсь сдержать их.

— Я это понимаю, — лейтенант достаёт салфетку из упаковки «Клинекс» на столе, и передаёт мне. Я едва ли моргаю, шмыгая носом. — Во время нашей беседы Крис упомянул, что его отец умер в прошлом году. Это единственный раз, когда он проявил эмоцию. Я бы хотел предложить Крису походить на сеансы групповой терапии здесь, в городе, которые проводятся специально для мальчиков, которые потеряли одного из родителей. Думаю, это изрядно поможет ему справиться с эмоциями с помощью умозаключений, и увидеть, что он не единственный, кто скорбит о потере.

— Это дорого? Я имею в виду, я постараюсь организовать это, но сейчас я не уверена... — мои мысли начинают кружиться по спирали, когда я начинаю подсчитывать, как сильно я залезла в кредит.

— Нет, это бесплатно. Я свяжусь с координатором программы и порекомендую Криса по общественной программе. Таким образом вам это ничего не будет стоить. Также, если вы согласны на это, я могу использовать эту сделку, чтоб предотвратить выдвигание личного

обвинения владельца магазина против вас.

— Меня? О, боже мой, у меня явно нет таких денег. — Сама идея быть вовлечённой в судебный процесс раскалывала мою голову надвое. — Нет, конечно, я хочу, чтоб он пошёл. Даже если бы это не касалось возмещения убытков. Я просто хочу ему помочь, — слёзы скатываются по моим щекам, и я быстро поднимаю руку, чтоб смахнуть их салфеткой.

— Я вижу это, мисс Брикмэн. Я думаю, вы почувствуете большую разницу. Крис молод, и у него проблемы, но у него также есть мама, которая очень беспокоится о нём. Я думаю, после групповой терапии вы увидите, как скоро он вернётся. После всей этой истории с вандализмом его ждёт большее, чем любого другого ребёнка из их шайки.

— Спасибо вам, это на самом деле для меня очень важно, — хриплю я своим голосом. — Он — мой мир. Я сделаю всё, чтобы вернуть его обратно. Я вам клянусь, до того, как умер его отец, Крис никогда бы и не подумал о том, чтобы сделать подобное. А теперь спорт — единственное, на что ему не наплевать, — я смотрю вверх на него, но офицер Роджерс просто улыбается в ответ. — Единственное, что его волнует, это футбол, а всё остальное — до лампочки. Я всего лишь хочу, чтобы мой прежний ребёнок вернулся, — я снова давлюсь своими словами, когда слёзы снова текут, но в этот раз я не могу их удержать. Дамбу прорывает, и поток отчаяния и тревоги потоками скатывается по моему лицу.

Лейтенант Роджерс терпеливо ждёт, пока я возьму себя под контроль, передавая мне еще салфеток. Слава Богу, после нескольких долгих вдохов, мне удаётся перестать плакать.

— Спасибо, — бурчу я в пригоршню скомканных салфеток.

— Конечно, — отвечает он с дружеской улыбкой. — Если с вами всё в порядке, я могу отвезти вас в другой участок, чтобы вы могли забрать Криса. — Он не встаёт и не пытается выдворить меня из своего офиса, даже если — я уверена — у него есть другие дела. Вместо этого, он ждет моего ответа.

— Да, спасибо. Я бы хотела забрать его домой, — я сморкаюсь и выбрасываю горсть салфеток в мусорное ведро возле его стола.

— Отлично, ладно. Следуйте за мной, и помните, мисс Брикмэн, ваш сын столкнулся с очень многим, но ваш маленький мальчик всё ещё там. Не сдавайтесь, и думаю, вы найдёте того ребёнка, по которому скучаете. — Он с нежностью смотрит на меня, и я проглатываю ком в горле прежде, чем встать, и снова взорваться слезами.

— Спасибо, офицер. Я не сдамся.

* * *

— И ты пойдёшь в дом своей бабушки и извинишься перед ней и своей тётёй за то, через что заставил их пройти сегодня. Ты понимаешь меня, Кристофер?

Он пожимает плечами, продолжая пялиться в стекло пассажирской двери. Слёзы, которые я пролила в офисе лейтенанта несколько часов назад, кажется, давно испарились от злости.

Проведя большую часть дня в полицейском участке, заполняя формы и бланки для сеансов своего сына в групповой терапии и для его освобождения под моё попечительство, я вроде как переборола порыв плакать.

Я паркую машину на подъездной дорожке дома своей матери. Крис не двигается, до сих пор пялясь в окно.

— Пошли, юноша! Сейчас же! — рывкаю я, но он с такой медлительностью тянется,

чтобы отстегнуть ремень безопасности, что это выглядит, как замедленная съёмка.

— Пофиг.

Закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Я знаю, что он испытывает меня. Понятия не имею, почему, но это очевидно. Вместо того, чтобы среагировать так, как он того ожидает, я просто вылезая из машины и жду его снаружи. Я молча молюсь Богу дать мне силы, которые мне нужны, чтобы справиться со своим мальчиком.

Крис с неохотой присоединяется ко мне, и мы по короткой дорожке идём к крыльцу маминого дома. Прежде, чем у меня появляется шанс постучать в дверь, её распахивает моя сестра. Челси стоит в проходе.

— О, божечки! Ма! Это Крис и Лорен. Ты в порядке, Крис? Лорен, что случилось? Я так рада, что вы дома! — тараторит она, блокируя вход в дом.

— Уже всё улажено. Покамест. Не хочешь впустить нас? — я вежливо намекаю ей обратиться с дороги. Крис, наоборот, протискивается мимо неё, как полузащитник на футбольном поле.

— Крис! Извинись перед Челси сейчас же. А не отталкивай её в сторону.

— Прости, — он закатывает глаза. Я чувствую, как по моей спине к шее поднимается жар, когда я пытаюсь усмирить пламя ярости, которое во мне бушует.

Моя мать входит в гостиную, и тревога омрачает её бронзово-коричневое лицо.

— Оу, Кристофер! Я так рада, что ты вернулся. Ты меня действительно напугал сегодня. О чём ты думал?

Крис просто пожимает плечами, отказываясь смотреть на кого-либо из нас.

— Очевидно, он думал о том, что он и его друзья должны пойти в «Seven-Eleven» и развлечься так, чтобы их арестовали копы. Они сказали мне, что если бы в штате Колорадо минимальный срок для проступка несовершеннолетнего был меньше десяти лет, Крису выдвинули бы настоящие обвинения уже на месте. К счастью, они заключили с нами сделку, так что мне не придётся выплачивать ущерб, который он нанёс. Например, за разбитую витрину. — Мама и Челси резко набирают воздух ртом.

— Кристофер! — перебивает мама.

— Да, так что если он отправится на групповую терапию в городе, полиция, вроде как, опустит это.

— Ого, солнышко, что с тобой происходит? — Челси с любовью поглаживает его по голове.

— Оставь меня в покое! — Крис сбрасывает её руку со своей головы.

— Кристофер! Сейчас же извинись, — я едва ли не рычу слова сквозь стиснутые зубы.

Крис драматично вздыхает.

— Прости. Мне тааааак жаль. Прости за то, что я живой, ладно? Этого ты хочешь? Ты можешь прекратить быть такой сукой?

Кожу покалывает от ярости, и мозг застилает красным. Свободной рукой я отвешиваю ему подзатыльник, и все в немой тишине пялятся на меня. Я никогда прежде не была своего сына. Никогда. Это единственное, чего я никогда не делала.

— Я ненавижу тебя! — хрипит Крис, и как вихрь проносится через входную дверь, направляясь к машине. Хлопает пассажирская дверь, и я взрываюсь рыданиями.

— Эй, всё в порядке. Мне стоило самой хлопнуть по этому поганому рту. Он успокоится, не кори себя, — мама обнимает меня, и я плачу у неё на плече.

Я не знаю, что делать. Будто, каждый проходящий день только увеличивает расстояния

между мной и моим сыном. Я даже не знаю его больше.

Я теряю его.

Глава 16

Мак

2014

Эхо разносится по лестнице, когда я преодолеваю ещё один пролёт. С каждым шагом мой протез громко стучит по бетону, не смотря на все мои попытки ступать тихо. Я хочу, чтобы когда я иду, звук шагов моей искусственной ноги звучал так же, как и настоящей. Я не прекращу практиковаться, пока не перестану их различать. Это не потому, что мне стыдно.

Даже не рядом.

Я потерял ногу, чтобы двое мужчин могли жить. Я мог бы назвать это честным обменом. Нет, это не позор. Дело в том, что я не хочу, чтобы кто-то, глядя на меня или слушая меня, знал, что я ношу протез. Я не хочу постоянно отвечать на их расспросы и еще хуже видеть их жалость к себе. Когда я резко останавливаюсь, то понимаю, насколько жёстко болят брюшные мышцы. Когда я успел превратиться в такого старика? Я закидываю руки за голову, и, закрывая глаза, прислоняюсь к прохладной стене. Помню, когда впервые попал в Вест Поинт, я мог утром промаршировать десять миль с шестифунтовым рюкзаком за спиной, отправиться в спортзал днём, и всю ночь вытрахивать мозг своему «развлечению» недели. Зайчик-энерджайзер казался киской по сравнению со мной. Грёбанный розовый зайчик.

К слову о стариках, интересно, как там Камерон Армстронг? Когда я отправился в Винтер Рид заново учиться владеть своим телом, он сдержал своё слово. Он не возобновил свой контракт в армии, и вместо этого пошёл в университет Колорадо. Когда я делаю первые шаги, впервые учился ходить с помощью протеза, Армстронг отправил мне имейл. Он поблагодарил меня за то, что я сделал, и за его спасённую жизнь. Он поставил меня в известность о том, что ему удалось стать квотербеком «Быков». Он даже позволил себе излишнюю сентиментальность в конце, когда сказал, что у него никогда не было брата, но он понял, что я был его братом, не только по роте, но и по крови. Его имейл был милым, продуманным и необычно чувственным.

И меня это нахер вывело из себя.

Вместо того чтобы радоваться известию о его счастливой жизни, меня разъедала зависть. Вот где я: покрываясь потом, пытаюсь снова научиться ходить, как сраный младенец, а ему выпала возможность стать звездой футбольной команды колледжа. Да, это даже завистью назвать мало.

На самом деле, мне стоит уважать его. Дать ему знать, что я счастлив за него.

Я открываю глаза, опускаю руки по сторонам. Пора возвращаться. Я набираю больше воздуха в лёгкие, и мысленно готовлюсь продолжить пробежку.

Бам!

На пару этажей выше меня о стену стукнула дверь. Я вскидываю голову и прислушиваюсь. Открытая дверь еще не значит, что там кто-то есть. В нескольких этажах над собой я слышу чей-то тяжёлый вздох.

Внезапно от стен рикошетит звук всхлипывания. Это женщина. По крайней мере, я так предполагаю по доносящимся до меня звукам. Не буду говорить, что и сам как-то проронил

слезу или две, но я точно знаю, как плачут мужчины. Это звучит совсем иначе, чем женский плач, вот и всё.

Думаю, моей дневной пробежке пришёл конец. Мне стоит направиться вниз к выходу в лобби, и дать этой цыпочке остыть. Я думаю об этом, и даже намереваюсь уйти, но всё равно по непонятной причине продолжаю подниматься вверх.

Да ладно, я не белый рыцарь. Конечно же, из-за того, как я потерял ногу, вы можете думать по-другому. И ошибётесь. Я никогда не был парнем, который ведётся на девчачьи слёзы. Женщины плачут слишком часто и по слишком многим причинам, чтобы с ними заморачиваться. И всё равно, я не могу остановить свои ноги, которые несут меня на звук её плача. Что-то в этих звуках подсказывает мне, что дело вовсе не в плохом дне, а в чём-то другом. Её грусть, кажется, берёт свои корни в её душе.

Расстояние между нами сокращается, и её всхлипывания колеблют тишину. Отголоски боли эхом разносятся по пустому коридору. Я понимаюсь по последнему пролёту, и моё сердце сжимается в груди.

Это Лорен.

Я останавливаюсь как вкопанный, и пока я смотрю на неё, в груди расплзается чувство, будто меня выели изнутри. Она сидит, прислонившись спиной к стене, подтянув колени к груди, уткнувшись в них головой. Она обхватила свои колени руками, в объятии, которое ей самой так нужно.

От меня.

Она выглядит как человек, проживший не одну жизнь, наполненную болью и страданиями. И я вовсе не имею ввиду, что она выглядит старой или страшной. Потому что, чёрт возьми, я не знаю женщины более сияющей или более сексуальной, чем она. Дело не в её возрасте, а в её состоянии. Она сломлена. Раздавлена.

И это всё по моей вине.

— Лорен, прости.

Как только я преодолеваю последние ступеньки, она сбитая с толку поднимает на меня взгляд. Лорен костяшками пальцев вытирает слёзы со своего идеального лица. Я приседаю перед ней и протягиваю ей раскрытую ладонь, чтобы помочь ей подняться с пола. План «Б» — сесть рядом с ней и сидеть, если это то, что ей нужно. Но она хватается мою руку, и когда я тяну её вверх, подскакивает с пола, словно чертёнок из коробки.

— Ты просишь прощения? — её глаза путешествуют по моему лицу в поисках чего-то. Может, намёка на искренность. Не то, что бы я был очень открыт с ней с тех пор, как вернулся. Может, она ищет что-то большее.

— Прости. Я никогда не собирался заставлять тебя плакать, — я вытираю последнюю слезу и придерживаю её подбородок рукой. Она смотрит на мои губы, и большего приглашения мне не нужно. Я обхватываю её одной рукой, ближе притягивая к себе.

— Оу! Эм...

У неё нет шанса вымолвить хоть слово, потому что я прерываю её предложение поцелуем. Нежно, мои губы накрывают её. Я позволяю им сказать всё. Как сильно я по ней скучал. Как сильно она мне нужна. Как мне жаль разбивать её сердце. Мои губы, не говоря ни слова, выдают все секреты.

Я чувствую, как в её теле тает напряжение, когда она расслабленно вздыхает мне в рот. Наши языки мягко сталкиваются, и я пробегаю рукой вверх по её спине, пока не достигаю волос. Всё моё тело оживает от этого поцелуя. Будто она обратно вдыхает жизнь в пустоту,

которая осталась в моей душе. И когда во мне просыпаются остальные чувства, во мне пробуждается порыв заставить её кричать по-другому.

Не разрывая поцелуй, я подталкиваю ее, пока она обратно не прижимается к прохладной стене. Быстро скользнув руками вниз от её подбородка, я забираюсь ей под униформу. Одной рукой я расстёгиваю её лифчик.

Ловкость никуда не делась.

Её лифчик сползает под весом её тяжёлых сисек. Не могу дождаться, когда пробежусь языком по эти тёмным соскам и трахну её так, что единственное, что она сможет выкрикнуть, это моё имя.

— Подожди, что ты делаешь? — Лорен кривится, отворачиваясь в сторону, и дюймы между нами кажутся милями ледяного пространства.

— Я просто пытаюсь заставить тебя почувствовать себя лучше. Я хочу извиниться за то, что заставил тебя плакать, — я дарю ей улыбку, а она молчит, будто обдумывая что-то.

Она засовывает руки под свою рубашку, и застёгивает лифчик.

— Что? Господи, Мак, знаешь, не всё можно исправить при помощи твоего члена, — она разглаживает рубашку руками.

Мисс Профи вернулась. Это удар по яйцам.

— Ты уверенна? Как насчёт лучшего выстрела? Спорю, что ненадолго смогу заставить тебя почувствовать себя счастливой, — мурлычу я, и подступаю на шаг ближе к ней, пытаюсь выгнать из Лорен эту чопорную ханжу.

Прошедшие десять лет вовсе не значат, что я забыл её дикую натуру. Я знаю, что теперь она похоронена глубоко под поверхностью. Кроме прочего, из того, что я увидел пару дней назад на беговой дорожке, благодаря её обтягивающему наряду из спандекса, её тело расцвело, и теперь из той дикой натуры можно пожать неплохие сочные плоды. Воспоминание о её изгибах пробуждают во мне голод.

— Нет. Мак, я серьёзно, — она смотрит на меня своими большими карими глазами. Я знаю, что она пытается быть строгой, но это лишь ещё сильнее распаляет меня.

— Как и я.

— Послушай, я не одна из твоих чувих-фанаток. Я знаю тебя — настоящего тебя. По крайней мере, знала. — Её голос приправлен грустью, и её глаза смягчаются. Хотя Лорен быстро берёт себя в руки, отводя плечи назад, и выпячивая подбородок. — Всё равно, я даже не из-за тебя плачу. Ты такой эго-маньяк!

Её взгляд прожигает меня. На этот раз они заставляют меня остановиться. Она не бросается словами.

— Не из-за меня? — я отступаю назад и пробегаю рукой по затылку. Думаю, я был слишком самонадеянным, когда подумал, что ей больше нечего делать, как ходить и думать обо мне.

Лорен не ошибается по поводу фан-клуба чувих. Тяжело помнить, что ты не центр вселенной, когда каждая цыпочка встречает тебя, будто ты — король мира.

— Значит, из-за чего ты расстроена? — я делаю ещё один шаг назад, предоставляя ей необходимое пространство, чтобы начать говорить, а мне — расстояние, чтобы я мог сконцентрироваться на чём-то другом, помимо её круглой попки и её узкой маленькой...

Сосредоточься!

Лорен поглядывает на меня снизу, будто не уверенна, может ли она мне доверять. Или, может, она борется с моими намерениями.

— Я, правда, хочу знать. Может, я смогу помочь, или что-то ещё?

Она наклоняет голову, пожимает плечами, и я не думаю о том, чтобы провести языком по мягкой коже её шеи. Ну, не более секунды. Или двух максимум.

— Я не знаю, сможешь ли ты, — она разговаривает со своими ногами. — Это Крис. Он окончательно вышел из-под контроля.

— Сколько ему?

— Девять, — она с трудом сглатывает.

— Девять. — Я не гений, но не надо быть дебилом, чтобы суметь посчитать. — Ого, а вы с Джоелом не теряли времени после того, как я ушёл, не так ли? — Лорен смотрит на свои руки, и я понимаю, что снова ставлю себя на первое место.

Снова.

— Не обращай внимания, прости. Это не моё дело. Но девятилетние мальчишки любят поворошить дерьмо. Могу сказать это по собственному опыту.

Её полные губы растягиваются впервые с тех пор, как мы снова встретились. Лицо начинает светиться, и эта простая улыбка почти выбивает воздух из моих лёгких.

— Я помню.

— Ага. Ну, значит, ты знаешь, что это просто ребячество.

— Нет. Это больше, чем просто ребячество. Он на тропе саморазрушения, Мак. Егс исключили из школы, а на следующий день его забрала полиция за то, что он со своими друзьями разгромил магазин. Это не просто ребячество. Он превращается в преступника. — Слёзы скатываются по её щекам, и подбородок начинает дрожать.

— Эй, эй, иди сюда. Всё в порядке, — Лорен подступает ко мне, и я обнимаю её. — Всё в порядке. Выпусти это. Сейчас на тебя много всего свалилось.

— Просто я больше не знаю, что делать, — признаётся она, шмыгая носом на моей груди. Я провожу ладонью по её чёрным волосам и пытаюсь понять, как я могу помочь.

— Приводи его сюда.

— Что? Зачем? — она сморит мне в глаза.

— Приводи его сюда, и я поговорю с ним как мужчина с мужчиной. Старый добрый Капитан Америка может и не сделал для тебя много хорошего, — я подмигиваю ей, — но большинство ребят возраста Криса думают, что это круто, или я крут, или что там ещё. Могу поспорить, если бы я мог с ним поговорить, я бы помог. Хоть немного.

Лорен вытирает слёзы, и обдумывает моё предложение.

— Это может оказаться неплохой идеей, вообще-то, — признаёт она.

— Ага, мне время от времени приходят такие в голову, — я игриво сжимаю её, и она прыскает со смеху.

— Ладно. Знаешь, что? Я так и сделаю. Я приведу его завтра. Он ведь не ходит в школу.

— Звучит отлично. У меня будет время обдумать, что ему сказать.

— Ладно. Спасибо, Мак. Я серьёзно. Я думаю, ты очень сможешь. Но даже если и нет, я ценю твой шаг.

Лорен встаёт на носочки, и оставляет на моей щеке быстрый невинный поцелуй. Так же быстро она отходит назад, открывает дверь и исчезает за ней.

— Пожалуйста, — шепчу я в пустоту.

Лорен права. Она и правда меня знает. Настоящего меня. И я знаю её. У неё до сих пор остались чувства ко мне. Я знаю, что именно поэтому она только что подорвала мой мир. Я знаю это, потому что у меня тоже остались к ней чувства.

И под чувствами я имею в виду, что я люблю её.

Глава 17

Лорен

2014

— Давай, Крис. Хватит тащиться. Давай двигайся нормально, — выкрикиваю я через плечо. Он не очень рад тому, что сегодня я заставляю его пойти со мной на работу. Я сказала ему, что его ждет мытье полов, а не встреча с одним из его героев.

Было мило со стороны Мака предложить поговорить с ним. Я думаю, что Крис может даже послушать того, кем он так сильно восхищается. Со всей этой медиа-шумихой вокруг Мака, думаю, Крис видит в нём немного от отца.

Как мало он знает.

Мои внутренности, когда я думаю о том, что мне все еще нужно обсудить с Маком, от чувства вины закручиваются в узел. В конце концов, он имеет право знать, что Крис — его сын. Мне просто нужно, чтобы сначала всё успокоилось. Непросто во время обычного разговора начать говорить о его отцовстве. Между тем, как его сын каждые пять минут вынуждает меня бегать и вытаскивать его задницу из передряг, и Маком, который пытается соблазнить меня каждые пять минут... Ну, из-за всего этого тяжело поднять эту тему.

— Да иду я. Боже, успокойся, — плетётся Крис позади меня.

Ну, всё!

Я поворачиваюсь на пятках с поднятым вверх указательным пальцем.

— Послушай сюда, юноша. Я не одна из твоих мелких дружков. Ты говоришь со мной с уважением, Кристофер. Если продолжишь подталкивать меня и далее, клянусь, я до конца дня заставлю тебя выдраивать больничные утки. — Его глаза округляются, становясь чуть ли не в два раза больше. Ему не нужно знать, что я на работе не имею никакого отношения к больничным уткам. — А теперь стань прямо и пересмотри своё поведение.

Я жду дерзкого ответа, или закатывания глаз, или вздоха. Мои плечи напряжены. Чувствую себя кошкой, готовой наброситься на мышь. Но Крис просто кивает мне, выпрямляясь и ровняясь со мной в шаг.

— Ладно, пойдём, — соглашается он, оставляя меня в глубоком шоке из-за того, что он снова на меня не выругался.

Я удивлена, но я не показываю ему этого.

— Да, пойдём, — повторяю я за ним, словно попугай, и шагаю рядом с ним в больницу.

Мы уже доходим до лифта, а Крис так и не съязвил мне ничего в ответ. Это, типа, его рекорд.

Когда дверь лифта открывает на этаже Мака, я чувствую что-то, чего не чувствовала уже долгое время: оптимизм. Это осторожный оптимизм, но он побеждает пульсирующую в животе тревогу, с которой я живу уже неделю.

Веду своего сына — нашего сна — в комнату Мака, чувствуя тревогу в каждом своём шаге. Может, всё это лишь гроза перед радугой. Может, Крис снова станет милым ребёнком, которым он был до смерти Джоела. Может... комната Мака пуста.

Конечно, она пуста.

Мои надежды начинают рушиться, как башня «Джанги». Они, вероятно, были построены на такой же хрупкой основе. (прим. перев. — настольная игра, идея которой

состоит в том, чтобы построить высокую башню из деревянных брусочков, переставляя нижние наверх, пока сама башня не упадёт).

— Сестра Брикмэн, рад вас видеть!

Я оборачиваюсь назад на знакомый голос Мака, и моё сердце ревёт. Мне нужно убираться с этих эмоциональных американских горок. Эти двое меня до смерти доведут.

Крис поворачивается, и его улыбка становится шире.

— Не может быть! Капитан Америка? То есть, эм... Капитан, эм... Какое ваше настоящее имя?

Мак смеется, и я тоже не могу сдержать улыбку.

— Ты знаешь, люди уже так долго называют меня Капитаном Америкой, что я уже сам себя забыл. Имя — Форрестер. Мак Форрестер. Ты можешь звать меня Мак, если хочешь, — он протягивает руку Крису, и я чувствую гордость, когда мой мальчик пытается воспитанно пожать его руку в ответ.

Я смотрю на улыбку на лице Криса, и на такую же на лице Мака. зеркальное отражение. Схожесть очевидна. Интересно, как Мак просто глядя на него не сопоставляет факты.

— Я — Крис, — наш сын пожимает руку Мака и отпускает. На секунду никто из них не говорит. Моё сердце с тяжестью бьётся в груди, пока мозг интересуется, видят ли они друг в друге похожие черты.

— Приятно с тобой познакомиться. Твоя мама очень хорошо о тебе отзывалась, — наконец-то отвечает Мак. Я делаю выдох, даже не заметила, что задержала дыхание.

Крис смотрит на меня, и в молчаливом скептицизме вскидывает бровь.

— Это, правда, — удаётся прохрипеть мне. Между страхом перед тем, что Мак спросит меня об отцовстве и всепоглощающей радостью от того, что ребята впервые встретились, я едва ли могу думать.

— Так что, Крис, — начинает Мак, будто хорошенько продумал сюжет.

Начинается.

— Твоя мама учит меня ходить, консультируя и обучая как пользоваться этим протезом для бега. Хочешь пойти со мной на беговую дорожку, чтобы я показал тебе, как я надеру задницу её физиотерапевтической программе?

Крис фыркает от речи Мака, и я стреляю в его отца глазами.

— То есть, раскритикую. Раскритикую её программу, — исправляется Мак, подмигивая Крису.

— Я бы с удовольствием. Можно? — он смотрит на меня томными глазами, одаривая меня самым невинным щенячьим взглядом.

— Да, конечно, — киваю я. Я не могу не улыбнуться от такого воодушевления Криса. Если бы он не чувствовал себя таким крутым, он бы прыгал, словно малыш в надувном замке.

— Хорошо, дайте мне переодеться, и взять протез, чтобы мы могли пойти.

Очевидно, у Мака есть план. Я не уверена, в чём он состоит, но поверьте мне, он есть. Приятно видеть, что Крис снова чему-то радуется. Я позволяю себе представить мир, где Крис и Мак рядом всё время. Мир, где улыбки на их лицах больше не кажутся новыми. Мир, где мы трое рядом.

Как семья.

— Ты бегаешь на беговой дорожке в школе? — спрашиваю я сына Лорен, когда сажусь на лавочку и креплю протез для бега к ноге.

— Нее, бегал, но больше не бегаю, — он пожимает плечами.

— Занимаешься каким-нибудь спортом? — я закрепляю протез и проверяю его.

— Ага, я до сих пор много играю в футбол. Хочу попасть в школьную команду, когда перейду в среднюю школу. Я хорош, — отвечает он, гордо расправляя плечи. Я сотню раз видел, как это делает Лорен.

У меня не много опыта в общении с детьми. Когда мой брат Бен погиб вовремя атаки на башни-близнецы, мои шансы стать дядей, умерли вместе с ним. Так что, я не был уверен, чего ожидать от сегодняшнего дня. Хотя, говорить с Крисом легко. Даже если ему всего лишь девять, я чувствую, будто болтаю с давним другом. Есть что-то знакомое в том, как он говорит. Думаю, этого можно было ожидать, учитывая, что я знаю, какой Лорен была в детстве.

— Я люблю футбол. Кто твоя команда? «Мустанги»?

— Ага, но мне также нравятся «Морские Ястребы». — Его глаза светятся.

— Ну, значит у тебя хороший вкус. Ладно, так что скажешь о том, чтобы задать жару этой дорожке? Должен тебя предупредить, я не их тех парней, которые будут снисходительны к тебе только из-за твоего возраста. Готовься попробовать пыль на вкус, — я немного подначиваю его разговорами.

— Да сейчас! Даже если на тебе будет эта штука, — он указывает на мой протез, — я всё равно побью такого старика, как ты! — он возвращает мне смешок. Мне нравится этот малый.

— Кристофер! Протез Мака, то есть, Капитана Америки, не называется «этой штукой». Не груби! — перебивает Лорен.

Это даёт мне причину остановиться и посмотреть на неё. Она снова надела спандекс, и я пытаюсь оторвать от неё глаза из уважения к её сыну. Но, чёрт, если бы её задница могла выглядеть ещё лучше, она бы стала предметом искусства. Мне бы пришлось дать мальчишке мелочь на поездку домой на автобусе, чтобы я мог показать ей, насколько сильно мне нравится искусство.

Сосредоточься.

Точно. Дорожка, Крис, бег. Понял.

— Не переживай об этом, Лорен. Не важно, как он его называет, потому что я всё равно надеру его за... сделаю его в этой гонке, — я ухмыляюсь Крису, и он возвращает мне такую же ухмылку.

— Да, да, да. Посмотрим, — фыркает он, и мы направляемся к дорожке.

Лорен остаётся на лавочке, что даже к лучшему. Мне всегда приходится бороться со своим самоконтролем, когда она рядом. Я не знаю, виной ли тому разговор, который у нас состоялся на лестничной площадке, или то, что я зависаю с Крисом, но по тому, как она смотрит на меня... Давайте скажем, что мой самоконтроль истёк бы кровью в пустой могиле, если бы её сына здесь не было.

Мы с Крисом занимаем свои позиции, становясь плечо к плечу перед линией старта. Ребёнок уверенный, и я это вижу. Его важный вид напоминает мне меня же в его возрасте.

Могу поспорить, все девочки в школе сохнут по нему. Ну, сохли бы, если бы его не исключили из неё.

— Ты готов? — я смотрю на него. Желание соревноваться написано у него на лице. Ему достался оттенок кожи его матери и такой же упрямый устремлённый взгляд, который бывает у неё, когда она пытается доказать мне, что я не прав.

— Ты знаешь это, — отвечает он.

— Ладно, мы бежим до того дуба. Как тебе? — я указываю на отметку посередине дорожки.

— Почему бы нам не обогнуть весь круг?

Вы бы восхитились его смелостью.

— Сначала я уделаю тебя в забеге до дерева, а потом, если у тебя хватит смелости взять реванш, мы сможем устроить полный забег, если хочешь. Ладно?

Крис закатывает глаза.

— Пофиг. Я буду ждать тебя у дерева.

Ага, мне нравится этот малый.

— Посмотрим. На старт, внимание, вперёд! — кричу я, и мы срываемся с места. Крис вырывается вперёд меня, работая руками и выкладываясь по-полной.

Я приспособливаю своё тело к пружинной отдаче углеродного протеза. Я до сих пор к нему не привык. Парнишка быстрый. Должен отдать ему должное. Но я быстрее.

Набирая больше воздуха в лёгкие, я вырываюсь вперёд, пока мы с Крисом не оказываемся на равных. На долю секунды кажется, что никто из нас даже не двигается. Мы идеально идём нога в ногу, пока мир проносится мимо нас.

— Бип, бип! — я изображаю звук дорожного бегуна, как делал в старшей школе, когда обгонял противника и заставлял его глотать за мной пыль. (прим. перев. — «Дорожный бегун» — американский мультфильм про страуса и койота, который постоянно пытался его догнать, но безуспешно. Фишкой это страуса как дорожного бегуна была насмешка над койотом в виде «бип-бип!», когда страус обгонял его). Не то, чтобы кто-то в возрасте Криса знал, кто такой дорожный бегун.

Я вырываюсь вперёд и прилагаю все усилия, чтобы увеличить расстояние между нами. Крис практически наступает мне на пятки. Он непреклонен. Кто-то сидит на Флинстоунах. (прим. перев. — американский мультфильм о семье в каменном веке).

С последним рывком мне удаётся увеличить расстояние между нами до фута, и я скидываю руку вверх в знак победы, когда с болью в кулаке ударяю о дуб. Я сделал это! Расстояние оказалось меньше, чем я ожидал.

Мы с Крисом замедляемся и переходим в лёгкую трусцу, а потом быстрый шаг, пока наконец-то не начинаем просто идти. Я пытаюсь не хватать воздух ртом, а Крис тем временем полностью в порядке. У него даже отдышки нет.

— Ладно, ты меня сделал, — улыбается он. — Не могу поверить, что с этой штукой можно быстро бегать. То есть, с протезом, — поправляется он.

— Ага, как только научишься им пользоваться, он работает так, будто у тебя две ноги, — я делаю глубокий вдох, чтобы замедлить сердцебиение.

— Но разве не просто было научиться им пользоваться? То есть, бегать и всё такое? — он смотрит на меня вверх боковым зрением, с неуверенностью, что может поднимать эту тему.

Я надеялся, что он поднимает.

— Тяжело, Крис. Пожалуй, самая сложная вещь, которую мне пришлось делать в своей жизни. По крайней мере, физически, — добавляю я.

— Как ты так быстро встал на неё? Я, правда, думал, что дело плевое. — В этот раз он смотрит мне просто в глаза, будучи более уверенным в своих вопросах.

— Знаешь, это заняло немало времени, — признаю я. — Когда я только потерял ногу, я даже не хотел снова ходить, — я исповедуюсь о своих самых тёмных моментах.

— Что? Почему?

— Потому что я был зол. Я потерял нечто, что значило для меня многое, и я был зол на мир за то, что не мог это вернуть.

Крис молча кивает и смотрит на дорожку перед нами.

— Но потом я увидел ветеранов, которые тоже потеряли конечности на войне. Я увидел тех, кто пережил это и научился жить заново, и видел тех, кто не смог этого сделать. Позволь сказать тебе, что парни, которые, ну, не смогли — они потеряли ногу или руку, или еще что-то — но они позволили злости поглотить их. — Я смотрю на Криса, а он всё ещё смотрит на дорожку, но я точно могу сказать, что он слышит каждое моё слово.

— Они до сих пор живут и дышат, но с таким же успехом они могут повесить себе на шею могильную плиту. Они позволяют злости убивать их изнутри. Так что я решился на физиотерапию и тренируюсь по программе твоей мамы, — я поднимаю взгляд вверх и смотрю на Лорен, пока мы приближаемся. Я улыбаюсь ей, и моё сердце снова разгоняется, когда она поворачивается нам и отвечает мне улыбкой.

— А теперь посмотри на меня. Я надираю задницу девятилетнему мальцу в забеге по дорожке.

Он прыскает со смеху, и я надеюсь, что моё послание достигло своей цели.

— Ну, не знаю, не знаю. Но ты выиграл. Едва ли, — улыбается он.

Когда мы приближаемся к лавочке, Лорен встаёт к нам.

— Что там случилось? Я думала, ты выиграешь, — она обнимает сына за плечо и сжимает его.

— Ааа, ему просто повезло, — Крис убирает её руку, и ухмыляется матери.

Лорен впервые выглядит счастливой. Счастье просто льётся из неё.

— Отсюда это выглядело не так, — она указывает на лавочку.

— Он почти сделал меня. Честно, мне пришлось серьёзно поднажать, чтобы обойти его, — я прихожу Крису на помощь. Не хочу, чтобы он ушёл с побитым эго.

— Видишь? — он смотрит вверх на Лорен, защищаясь.

— Эй, Крис, — я сажусь на лавочку, чтобы сменить углеродный протез на обычный. — Я бы хотел, поговорить с тобой кое о чем, если ты не против. — Ребёнок садится рядом со мной на лавочку, пока Лорен стоит в паре футов от нас.

— Что такое?

— Ну, поскольку ты в доме мужчина, я надеялся поговорить с тобой о том, чтобы пригласить твою маму на свидание, — я наблюдаю за тем, как его брови взлетают к небесам. Надеюсь, слово «свидание» не огорчает его.

— Да?

— Ага, видишь ли, в чём дело. У меня есть билеты на игру «Быков» в эту субботу, и мне было интересно, не будешь ли ты против, если я её приглашу. Я имею в виду, если тебе интересно, у меня есть пара дополнительных билетов. Ты бы мог пригласить подругу, если хочешь.

— Игра «Быков»?

— Ага, у меня есть лишний билет, так что можешь взять с собой кого-то.

Лицо Криса выражает такой восторг, будто в один день на него свалились все его подарки на Рождество и дни рождения.

— Да!! Это будет круто! — он подпрыгивает, и скачет к Лорен.

— Мам! Мы можем пойти? Можем? — он прыгает вокруг неё, а Лорен хихикает.

— Да, мы можем пойти, — соглашается она, и Крис делает самый высокий прыжок, выкидывая кулак в воздух. — Но лишний билет достанется Челси, — она перебивает его танец. — Ты до сих пор наказан, так что никого из твоих друзей не будет, — строго добавляет она.

— Ладно, ладно. Но мы ведь можем пойти, да? — он смотрит на неё вверх, и она кивает. — Спасибо, Капитан Америка! То есть, Мак, — улыбается мне Крис.

— Без проблем, малыш.

Когда мой протез на месте, мы направляемся назад к больнице, но теперь Крис практически несётся к входным дверям, оставляя нас глотать пыль позади.

— Эй, спасибо огромное. Я на самом деле ценю это, — Лорен сжимает мою руку, и помимо её благодарности и этой улыбки, мне больше ничего не нужно.

— Я же говорил, что могу помочь, — я киваю сторону двери, за которой исчез Крис.

— Ты человек своего слова, — она смотрит в землю, прикусывая губу. Боже, я хочу поцеловать её.

— Всегда, — отвечаю я. — Так что, эм... игра в субботу?

— Да? — она поднимает взгляд.

— Во сколько ты хочешь, чтобы я вас забрал? — ухмыляюсь я.

Лорен смеётся, и этот лёгкий счастливый звук напоминает мне мою мечту.

Мечту, которая воплощается в реальность.

Глава 19

Лорен

2014

— Ого! «Быки» вперёд! — сложив руки вокруг рта, Челси кричит в них, словно в рупор. Команда тоже может её слышать. Когда Мак сказал, что у него есть билеты на игру, я не думала, что он имел в виду места практически перед полем. Мы сидим так близко, что я не только слышу мат, которыми тренер осыпает своих игроков, но и могу почувствовать запах его жвачки, которую он нервно жуёт, пока наблюдает за их игрой.

Челси и Крис вскочили на ноги, хоть перед ними и нет никого, кто мог бы закрыть им вид. Я никогда не видела их такими возбуждёнными! Я знала, что мой сын любит футбол, но не знала, что Челси — такой ярый фанат. До конца осталось две минуты, и они смотрят на поле, не моргая, боясь пропустить хотя бы секунду.

Я прижалась к Маку на лавочке, радуясь, что осталась здесь. Не поймите меня неправильно, я такая же теплокровная, как и все американцы. Я слежу за футбольными играми, и кричу в телевизор, как и все остальные. Хотя, прямо сейчас, я немного больше заинтересована в сексуальном парне рядом со мной.

Я поглядываю на Мака, и позволяю своим глазам бродить по его высеченным мышцам. Его каштановые волосы сохранили тот же цвет, какой у него был в детстве. Но на этом

схожестъ со знакомым ребёнком заканчивается. Рядом со мной сидит мужчина, с выглядывающими из-под его белой футболки татуировками. Без сомнений. Мой взгляд бродит по его мышцам, и мой мозг плывёт к мысли о том, насколько твёрдым будет его тело, как только я сорву с него эту футболку. И эти джинсы. Их тоже нужно снять.

Я снова смотрю на его лицо, и мои щёки заливаются жаром, когда я понимаю, что Мак с ухмылкой смотрит на меня. Слишком долго для мимолетного взгляда.

— Тебе наскучила игра? — его голос словно бархат, который хочется ухватить и наполнить им свои уши. — Или тебя что-то отвлекло? — Его глаза хитро поблёскивают. Он чертовски хорошо знает, что я его оценивала. Ему нравится это.

— Нет, я...эм... — мой мозг вращается со скоростью света, пока я пытаюсь сохранить серьёзность на лице. Я бы отдала Маку множество вещей — своё тело, своё сердце, своё будущее, но я никогда не отдам ему власть. — Я просто хотела спросить, где ты достал такие хорошие места? Они потрясающие, — лгу я. Ну, это не абсолютная ложь. То есть, за последние пять часов такие мысли и правда приходили мне в голову. Просто, когда я трахала его глазами, я думала не об этом.

— Ну да. Билеты, говоришь? Поэтому ты раздевала меня взглядом? Больше было похоже на то, что тебе было интересно, как получить билеты на силовое шоу, — он поднимает руку и сгибает её, поигрывая бицепсом. Даже если он просто дурачится, я напоминаю себе, что мне снова нужно посмотреть ему в лицо, когда я вижу, какими стальными становятся мышцы под рукавами.

— О, перестань, — я нежно толкаю его локтем. — Не каждый взгляд от женщины означает, что она хочет переспать с тобой. — Почему его губы так отвлекают? На его лице или теле что, больше нет места, где я могу сосредоточиться без вреда для себя?

— Может, и нет, но твой говорит именно это. — Его улыбка загорается, будто он только что выиграл Супер Кубок. Боже, какой же он высокомерный. Боже, и как же чертовски он прав.

— Серьёзно, как ты заполучил такие места? Это невероятно, — я взмахиваю рукой в сторону поля. Чувствую, что если буду не достаточно осторожной, то могу свалиться через ограду на поле к игрокам.

— У меня свои методы, — уклончиво отвечает он. Могу поспорить. Он, вероятно, получил их от одной из мелких цыпочек. Не то, чтобы мне было не всё равно. Помимо того, что мне, блин, не всё равно.

К счастью, осталось лишь сорок секунду. «Быки» забивают тачдаун, и толпа врывается оглушающим рёвом. Кое-как поверх возгласов и радости я всё ещё могу услышать, как Челси сходит с ума.

Думаю, я правильно сделала, что пригласила её.

Мы с Маком встаём, чтоб присоединиться к толпе с их буйными криками радости. С другой стороны от меня мой сын прыгает так радостно, будто украл ходулю «поуго» у маленького ребёнка (прим. перев. — популярная игрушка с двумя ножками и пружиной для подскакивания).

— Ты видела это, мам? — кричит он сквозь шум. — Это было круто! — тепло разливается на моё сердце, когда я вижу его таким счастливым. После пережитого года я начинала задумываться, будет ли он снова счастливым.

Лейтенант Роджерс сделал нам огромное одолжение, когда записал его на сеансы групповой терапии. В четверг я сводила его на первый сеанс, и мне кажется, что я уже вижу

положительные изменения в нём. Между терапией, и тем, что связывает нас с Маком, я начинаю привыкать к этому незнакомому чувству надежды.

— Я видела, — отвечаю я, но Крис уже снова повернулся лицом к полю. До конца матча отсчитывается время, и становится очевидным, что игра окончена, но Крис не хочет пропустить ни секунды.

Таймер показывает цифры до тех пор, пока не появляется четыре ноля. Игра окончена, и победа за «Быками». Лучшего дня и быть не может. Когда Мак впервые заговорил с Крисом о том, чтобы взять меня на свидание, меня слегка раздражало то, как он обыграл свою роль. Подобраться к моему сыну, чтоб пригласить меня на свидание, было слегка подлым ходом. А теперь я была готова поцеловать его за такую идею. А еще поцеловать его за то, что у него такие пухлые губы, и такие глаза, и ребра... мои глаза поднимаются к его лицу, и Мак снова улыбаясь, пялится на меня. Поймана с поличным! Опять! Если я продолжу работать с ним в больнице, мне придётся немного сбавить обороты в своей игре.

— Ладно, давайте собираться, — я игнорирую всезнающую улыбку Мака, и фокусирую внимание на Крисе и своей сестре. — Уличное движение превратится в ночной кошмар, так что нам уже пора пробираться к машине, — я поднимаю свою бутылку с водой, и проверяю, не забыла ли я что-либо.

— Подождите секундочку, — Мак обнимает меня за плечо, от чего под кожей начинает покалывать.

— Что такое? — его глаза останавливают мои размышления. Эти гипнотические лазурные глаза снова вводят моё тело в ступор.

— Увидишь, — кивает он кому-то на поле, и я поворачиваюсь. Сунув шлем под мышку, к нам бежит квортебек «Быков». Он выглядит знакомым, но я не могу понять, кто это.

— Мак! Эй, чувак, как здорово снова тебя увидеть, — он подходит к Маку и похлопывает его по плечу.

— И я рад, Армстронг. Отличная игра, старик, — Мак пожимает руку мужчине.

Армстронг. Я знаю это имя. Подождите, Камерон Армстронг? Из выпускного класса? Ооо, а кто-то подрост!

Я оглядываюсь на свою сестру, чтоб дать ей понять, что я смотрю на неё. В конце концов, Камерон Армстронг когда-то провёл целый день, пытаясь подцепить её. Возвращаясь назад, с тем, что она была на два года старше всех нас и уже окончила школу, Челси казалась взрослой настолько, что могла быть его мамой. Я помню, как она наслаждалась вниманием, но шокировала школьника тем, что отвергла его редкое предложение.

Если Челси и помнит что-то из этого, она не показывает этого. На самом деле, на её лице написана лишь похоть. Она буквально выглядит, как смайлик с сердечками вместо глаз.

— Привет, Челси, — голос Камерона доносится до той планеты, на которой бы она сейчас ни была, и возвращает её назад в наш мир.

— Эй, — она смотрит на него сбита с толку. Ага, она его не помнит. Но, очевидно, о нём того же не скажешь. Я позже её посвящу.

— Эй, спасибо за то, что пришли сегодня. Насладились игрой? — Камерон смотрит на Криса, и я подумываю о тех редких случаях, когда голова моего мальчика может просто взорваться от переизбытка чувств.

— Она была крутая!! Ребята, вы задали жару. О, Боже мой, и это последний тачдаун тоже. Я не мог в это поверить, — Крис выпаливает всё на оном дыхании.

— Ага, я надеялся, что мы сможем это сделать, но никогда не знаешь наверняка. Иногда везения столько же, сколько и умения, — Камерон смотрит на Крису, а после — на меня: — Эй, ты не против, если я украду Мака и... извини, как тебя зовут? — он снова смотрит на моего сына.

— Крис.

— Если я украду моего старого Капитана и Крису на экскурсию? То есть, если вам интересно, — он смотрит на Крису, и я не могу гарантировать, что парнишка не потеряет сознание.

— Да! Можно, мам! Пожалуйста! — он практически скулит, как младенец, который тянется за печенькой.

— Твой старый Капитан? — спрашиваю я прежде, чем ответить Крису.

— Ага, это парень командовал ротой в Афганистане. Чертовски отличный руководитель, насколько вам известно, — он смотрит на Мака, который бросает на меня всезнающий взгляд.

— Видишь, я говорил тебе — у меня свои методы, — он складывает для меня недостающие кусочки пазла. Я тайно вздыхаю с облегчением, что билеты ему достались не от одной из его девиц, которые разбрасываются подарками и ещё чёрт знает чем.

— Ну, спасибо вам обоим за то, что служили нашей стране, — перебивает Челси, и Камерон смотрит на неё. Вы можете буквально увидеть, как весь остальной мир исчезает для него, пока они обмениваются взглядами. Господи, снимите комнату!

— Мам! — умоляет Крис возле меня.

— Да. Ладно. Конечно, можешь отправиться на экскурсию. Мы с Челси будем ждать вас, ребята, в машине, ладно? — я смотрю на Мака, и он кивает.

Это всё, что нужно Крису, и он мчится на поле быстрее, чем олимпийский спринтер после преждевременного старта.

— Круто! — выкрикивает он, и возбуждение так и сочится из каждой его поры.

— Ладно, ну, думаю, я тогда пойду, — бурчит Камерон, но его глаза всё ещё приклеены к Челси.

— Хорошо. Спасибо за то, что делаешь это для нас, старик, — Мак хлопает Камерона по плечу, возвращая его с воображаемого розового мирка, в котором, видимо, он и моя сестра бегали среди тумана своей любви.

— Ага, ладно, — глаза Камерона обретают фокус, и он смотрит на моего сына. — Идёмте. Я проведу вам первоклассную экскурсию.

— Клааасс! — Крис прыгает с ноги на ногу.

— Я...эм...увидимся, — он смотрит на Челси, и мне еле удаётся сдержать смешок. — Надеюсь.

— Увидитесь, — уверяю я.

— Увидимся позже, — Мак быстро сжимает мою руку, и я перестаю дышать, когда он целует меня.

Я наблюдаю, как мой сын и его отец идут по футбольному полю с плохим парнем, с которым мы ходили в старшую школу. Невероятно, как за неделю всё может измениться. На прошлой неделе жизнь, казалось, не могла быть более унылой. А теперь я чувствую, будто мой сын вернулся, и Мак, возможно, тоже.

Не могу дождаться, что принесёт мне следующая неделя.

— И в основном всё вот так, — Камерон ведёт нас назад на поле. Здесь особо не на что и смотреть, помимо раздевалки и офиса тренера. — Что ты думаешь, Крис? Хочешь когда-нибудь играть в команде колледжа? — Камерон вытаскивает мяч из общей сетки с мячами возле одного из выходов на поле.

— Конечно. То есть, сначала мне нужно попасть в команду средней школы, — Крис с восторгом осматривает пустой стадион.

— Ты ещё не в средней школе? Малыш, а сколько тебе годков? Кто-то ещё лопаёт свои пшеничные шарики! — Армстронг давится смешком от своей собственной шутки, пока Крис смотрит на него с вопросом в глазах. — Не обращай внимания, — бурчит он, понимая, что потерял своё первенство перед младшей аудиторией.

— Мне девять, и я в четвёртом классе. Ну, по крайней мере, был в четвёртом. Пока меня не выгнали из школы.

— Выгнали? За что? — Камерон никогда не пропускал возможности посплетничать. Приятно видеть, что кое-что не меняется.

— Не знаю. Я подбросил «вишнёвую бомбу» в туалет и директор взбесился, — Крис пожимает плечами.

— Ну, звучит как глупая причина для исключения, но я особо много об этом не знаю. Вот что я точно знаю, что ты никогда не попадёшь в команду колледжа, если не пройдёшь среднюю школу. Эй, вы двое, хотите немного побросать мяч? — Камерон поднимает мяч в руках и в глазах Криса загораются огоньки.

— А можно?

— Ага, малыш. Давай, — Армстронг бежит примерно три метра, и я делаю то же самое в противоположном направлении, пока между нами тремя не образуется треугольник.

Камерон бросает мяч Крису, и тот без проблем ловит его.

— Отличный захват! — поощряет его Камерон. Крис выравнивается и бросает мяч в мою сторону.

Я ловлю мяч, и он оказывается в моих руках, словно в колыбельке, и возвращаю его Камерону.

— Спасибо. Я знаю, что мне нужно в среднюю школу. Я попытаюсь не облажаться, когда снова туда вернусь. — Крис ловит мяч. — Мне пришлось пойти на групповые сеансы для детей, которые потеряли родителя, и они сказали мне, что у меня ещё не прекратился период замкнутости, или что-то типа этого. Не знаю, — Крис бросает мяч мне, и смотрит на свои ноги. — Я даже не знаю, что они имеют в виду.

Я замираю, пока я держу мяч, и поворачиваюсь к Камерону. Я заранее рассказал ему о ситуации Криса, так что для него это не новость, но он не выдаёт секрет.

— Ты потерял отца? Мне очень жаль слышать об этом, — я слышу сочувствие в каждом его слове.

— Ага, я ещё не говорил этого, но мне жаль, что тебе пришлось пройти через это дерьмо, — соглашаюсь я. — То, с чем ты столкнулся — несправедливо, и мы с Армстронгом знаем, как важно отпустить это. Так ведь? — я бросаю мяч своему старому Капралу.

— Да, старик. Чистая правда, — кивает он.

— Ты знаешь, когда я впервые вернулся с войны, мне тоже туго пришлось с этой замкнутостью. Я потерял там много людей. Людей, которым я бы доверил собственную жизнь. Я и доверил им свою жизнь, и чувствовал себя, словно подвел их, когда вновь ступил на землю США, а они — нет, — признаюсь я, и на мгновение, все забывают о мяче. Вместе этого, Крис и Камерон молча с уважением слушают.

— Что вы сделали? Как избавились от этой замкнутости? — продолжает Крис, и я благодарен за то, что он прерывает мои самые тёмные мысли.

— Хмм? А, я ходил к ним на могилы и разговаривал с ними. — Крис смотрит на меня, будто у меня выросла дополнительная голова.

— Что? — голос Криса звучит так, будто думает, что я его разыгрываю.

— Нет, на самом деле. То есть, не то, чтобы они отвечали мне. Я не сумасшедший, — я пытаюсь объяснить. — Мне просто хотелось поговорить с ними. Сказать им, что мне было жаль, что я подвел их и их семьи. Мне нужно было сказать им, какой честью было для меня служить с ними, и что я их не забуду, — мой голос становится грубее, и я тяжело сглатываю, пытаюсь смириться с воспоминанием. — На самом деле, это помогло, — признаюсь я, потупив взгляд в землю.

Я поднимаю глаза на Армстронга, и вижу, как внимательно он на меня смотрит. Внезапно, он, кажется, вспоминает, что мяч у него, и он бросает его Крису.

— Знаешь что, малыш? Я делал то же самое.

— Да? — Крис смотрит на него, наклоняя голову набок.

— Да, я ходил на могилу к своему старому другу. Мне нужно было попрощаться с ним, понимаешь? Я хотел сказать ему, что я выбрался из армии и приехал сюда, — он указывает на пустые трибуны вокруг нас. — Я не знаю почему, но это на самом деле сработало. После этого я почувствовал умиротворение. Будто я наконец-то закрыл дверь в ту часть своей жизни.

Крис смотрит на мяч в своих руках, а потом на нас с Армстронгом. Мы явно дали ему пищу для размышлений.

— Я не знаю, сработает ли это в моём случае, — бурчит Крис мячу. Армстронг идёт к Крису, и я делаю так же. Я похлопываю парня по спине, вытягивая его из тёмного места, в которое — как я вижу — он отправляется.

— Эй, может разговор с твоим отцом на его могиле и не поможет тебе. Я просто говорю, что это сработало в моём случае. Тебе просто нужно делать то, что ты считаешь правильно, хорошо? — спокойно объясняю я.

— Это, правда, — вмешивается Камерон, — чтобы тебе ни пришлось делать, просто пройди через эту замкнутость. Это единственный способ, с помощью которого ты сможешь двигаться дальше и продолжать жить, малыш.

Крис отвечает лишь кивком. Я задумываюсь — это потому, что сейчас он не может доверять своему голосу? Я решаю, что это, вероятно, намёк на то, что пора возвращаться. Кроме того, девушки ждут нас в машине.

— Нам уже, наверное, пора ехать, Армстронг, — я выступаю вперёд, чтобы пожать ему руку. — Спасибо за это. — Мыжимаем руки — те самые, которыми мы боролись за жизнь друг друга. Этот мужчина сказал мне, что я был ему кровным братом. И только теперь я готов это услышать.

— Всегда пожалуйста, Капитан, — он улыбается мне. — Эй, Крис, — он смотрит на сына Лорен, — хочешь оставить мяч себе?

Вот и всё. Удручённое лицо Криса снова обретает радостную улыбку, с которой он начал свой тур. Слава Богу. Я не хотел его расстраивать. Мне хотелось как раз обратного.

— Да? Это было бы круто. Спасибо! — Крис сжимает мяч, будто это брильянт.

— Без проблем. Просто помни о том, что тебе нужно отрабатывать бросок, ладно? И не важно, как тебе придётся сделать это, отпусти свою замкнутость. Ты почувствуешь, будто тебе дали новую жизнь, когда это случится, — Камерон протягивает Крису руку, чтобы пожать её, и я чувствую странную гордость, когда парнишка отвечает рукопожатием.

— Я справлюсь.

По его взгляду, я понимаю, что сегодня я сделал для него нечто хорошее. По крайней мере, я надеюсь, что нам это удалось. Он выглядит решительно настроенным, и может, поэтому нам нужно было открыть новую страницу. Ни один ребёнок не заслуживает такой трагедии и перемен, которые пришлось пережить Крису. Надеюсь, что это — начало, и он оставит всю боль позади.

И я ловлю себя на мысли, что все же надеюсь, что смогу остаться здесь для него и помочь направить его будущее.

Глава 21

Лорен

2014

— Ты помнишь Хэллоуин, когда мой отец поймал тебя и твоих друзей, когда вы пытались пробраться ко мне в дом? — жар заливает мои щеки, когда я смеюсь от воспоминания. Конечно, уменьшающееся количество вина в бутылке имеет к этому какое-то отношение.

— О, боже. Как я могу это забыть? Твой отец был в ярости. Я думал, он отходит меня по заднице ремнём, — Мак сощуривает глаза, а потом откидывает голову назад и хохочет. — Хотя, я это заслужил.

— Нее, он больше лаял, чем кусался, но да, тебя поймали с поличным.

— Мы были такими глупыми, — он пробегает рукой по бороде. — То есть, у нас была полная корзина туалетной бумаги, — он трясёт головой и потом делает ещё один глоток белого вина, которое мы открыли.

Когда они наконец-то вышли из машины, Крис с Маком шутили, словно закадычные друзья. На сердце было так тепло, когда я смотрела на своего расслабленного и вновь счастливого мальчика. Думаю, никто не хотел прощаться. После того, как Мак согласился остаться на ужин, они с Крисом отправились на улицу и бросали фрисби, пока небо не посерело, и не спустилась вечерняя прохлада. После они решили согреться видеоиграми, постоянно огрызаясь друг на друга. Клянусь, что пару часов, я не была уверена, один у меня ребёнок или двое.

Крис пошёл спать несколько часов назад, но мы с Маком всё ещё были на ногах, греясь в лучах нашей сентиментальности. Эти лучи горят сильнее, чем огонь, когда подливаешь в него третью бутылку Шардоне.

— Я также всё ещё помню, что он казал, — продолжает Мак. Он ставит свой бокал на стол, и выпрямляется, пародируя моего отца. — У одного из вас, ребята, должно быть, проблемы с кишечником, — Мак понижает голос, чтобы подстроиться под баритон отца. — Потому что если я узнаю, что вы забрасываете мою собственность туалетной бумагой, вам

понадобится каждый её кусочек, когда я выбью из вас всё дерьмо.

Смех поднимается из моей груди, как и пузырьки в бутылке с шампанским. Так мило — сейчас быть способной смеяться от воспоминаний об отце. Когда у него случился первый сердечный приступ, каждая мысль о нем причиняла боль. Вообще-то, хорошо отпустить и снова смеяться над всем. Учитывая год, который я пережила, я начинала забывать, что значит чувствовать. Разве что не считать онемение и истощение. Я начинала верить в то, что эти чувства станут единственными, с которыми я буду жить.

— В этом был папа, — улыбаюсь я, и поднимаю бокал вверх, — благослови Господи его душу. — Мак закрывает глаза и кивает в немом благословении. — Почему тебе вообще понадобилось пробираться в мой дом? На тот момент мы уже долгое время были друзьями.

— О, не знаю. Я был молод и не знал, как поговорить с тобой тогда о чувствах и прочей фигне. Думаю, это так и не изменилось, да? — он смотрит на меня и подмигивает.

Мак совмещает в себе множество вещей, но он никогда не был открытой книгой.

— Сколько нам было? — продолжает он. — Столько, как Крису сейчас? — он скользит руками по моим плечам, и я кладу голову на изгиб его руки, чувствуя себя, словно дома.

— Ага, я бы сказала, почти, — соглашаюсь я. Усаживаясь ровно, я приканчиваю вино в своём бокале и ставлю его на стол. Я быстро прижимаюсь назад к Маку, бесстыдно вдыхая его запах.

— Думаю, это потому, что я уже тогда любил тебя, но не знал, как тебе это сказать. — Его голос затихает, но каждое слово отпечаталось на моих барабанных перепонках и вытатуировалось на моём сердце.

Уже тогда любил меня? Это означает, что он до сих пор...? Я смотрю в лицо Маку в поисках значения его слов, которых он не сказал.

— Мне стоит вскоре вызвать тебе такси? Не хочу, чтобы мои коллеги распускали слухи о том, что ты остался здесь на всю ночь, — я смотрю на часы. Наверное, уже слишком поздно для этого, но если он останется на всю ночь, явно не поможет.

— Зачем им сплетничать о том, что я с тобой? Разве ты не знала, что я уехал навестить свою тетюшку Милдред на выходные? Тебе бы она понравилась, она — такая милочка, — его глаза хитро поблёскивают.

— Милдред? У тебя нет тетуш... Ааа, я поняла, — я выглядела, как лопаухая дурочка. Не уверена, от вина ли это, или от того, что я отвлекалась, когда посмотрела на Мака. Это не правда. Я знаю, что затуманивает мою голову, не говоря о своём наказании, и Шардоне здесь не при чём.

Он прекрасен. Я не могу отвести глаз от лазури в его глазах. От небольшого количества алкоголя в них, они превращаются в цвет морозного осеннего неба. Как дрожащий лист кленового дерева, который кружится в воздухе, а я здесь, стою на твёрдой земле, чтобы поймать его спрятать в безопасном месте.

— Ну, значит, можешь остаться здесь, — я смотрю вниз на его губы. Почему они такие чертовски отвлекающие? — Но тебе придётся расположиться на диване. Не хочу смущать Крису, — честно отвечаю я.

— Я уважаю это.

Его широкая рука скользит по моей щеке подбородку. Моё сердцебиение ускоряется, пока я следую глазами по его розовым губам. Внезапно эти идеальные губы набрасываются на меня в беспощадном поцелуе. Я могу почувствовать настойчивость его языка и его желание.

Он может почувствовать, как сильно моё тело жаждет его?

Как моя душа разрывается от боли рядом с ним?

Как моё сердце барабанит его имя?

Глава 22

Лорен

2014

Мак прокладывает дорожку из поцелуев к чувствительному месту на моей шее. Я закрываю глаза, позволяя жару от его губ пронзать меня электричеством. Каждый поцелуй посылает икры к моим соскам, а потом вниз к моему животу, и оно расплзается ниже, расцветая у меня между ног.

Проклятье. Только Мак может сделать меня такой влажной одним поцелуем. Простой поцелуй — и это всё, что мне нужно, чтобы сойти с ума. Я всегда была не в силах сопротивляться его губам.

— Не могу дождаться, когда испробую каждый миллиметр тебя, — рычит Мак. Я чувствую, как его зубы касаются моей шеи, и слабая дрожь проносится по моему позвоночнику.

— Каждый миллиметр, значит? — я ухмыляюсь от этой идеи. Девушка может сделать кое-что и похуже, чем заставить Мака Форрестера ака Капитана Америку восхищаться её телом. Правда, я сомневаюсь, что я и лучше могу сделать.

— Каждый миллиметр, — продолжает он, целуя вдоль моей ключицы, пока его пальцы пробираются под края моей рубашки. — Отсюда, — кончик его пальца касается края моего лифчика, и надавливает на грудь под ним, — и просто до сюда, — он проводит рукой вниз по моему животу, по моей заднице, в предвкушении направляясь к лодыжкам.

— Может быть, — выдыхаю я.

— А как насчёт здесь? — Его пальцы медленно возвращаются назад по моей ноге, и останавливаются между моих бёдер. — Мне понравится пожирать твою киску, Лорен, — Мак быстро целует меня в шею, и начинает задирать мою рубашку вверх по животу. Но, кажется у моего тела другие планы.

Пожалуйста, только не сейчас.

— Эм, Мак? — хриплю я.

— Да? — он задирает рубашку на груди, открывая бюстгальтер лавандового цвета.

— Я... эм... я выпила слишком много вина. Мне нужно в ванную, — морщусь я, ненавидя свой жалкий мочевой пузырь прямо сейчас. Худшего времени он выбрать не мог.

Мак отклоняется и смотрит на меня.

— Боже, Лорен, на тебе лица нет, — ухмыляется он. — Да без проблем, иди, пописай. Я никуда не денусь. — Он откидывается на спинку дивана, и смотрит на меня так, будто сидел здесь с самого первого дня, как только я его купила. Он так уютно смотрится в моём доме, будто всегда был здесь. Будто всегда здесь и будет.

— Всё со мной нормально, — лгу я. — Я просто не хочу портить настроение.

Мак внезапно хватается мою руку и притягивает к своему паху, опуская на твёрдый член между ног. Я хватаю воздух ртом, но не оттягиваю её назад.

— Видишь? Ты не в силах испортить настроение. А теперь иди. Возвращайся скорее.

Неохотно, я оттягиваю руку и встаю на ноги, серьёзно ненавидя свой мочевой пузырь

ещё больше. Проклятье, кажется, будто его мышцы, татуировки и это, не единственные вещи, которые увеличились. У него ещё твердый, тяжёлый и огромный член.

Я спешу по лестнице, и словно газель перепрыгиваю через две ступеньки за раз. Думаю, я слышу, как Мак смеётся надо мной из гостиной, но я слишком быстро спешу в ванную, если это можно так назвать.

До сих пор проклиная вино и мочевой пузырь, я сажусь и писаю так быстро, как получается. Пока вода всё ещё крутится в унитазе после спуска, я споласкиваю руки и смотрю на себя в зеркало впервые за сегодня. Я выгляжу на десять лет моложе! Не могу поверить, сколько молодости вернулось в мои глаза, и не могу не улыбнуться своему отражению. Мак действует хорошо не только на моё тело, но и на мою душу. А моя душа не хочет тратить больше ни секунды на разглядывание своего отражения.

Выходя из ванной, я направляюсь к лестнице, но останавливаюсь на полушаге. Сначала нужно проверить Криса. Сейчас не то время, как в детстве, когда я стояла над его колыбелькой, и смотрела, как он спит. Хотя, последние две недели были для него сложными. То есть, лишь краткие вспышки моего взрослого сына пробиваются через беспорядочные тучи боли, за которыми он прятался год, дают моему сердцу надежду. Я просто молю, чтобы это не исчезло. Я тихонько прохожу по коридору, и заглядываю в его комнату. Через секунду мои глаза приспособляются к темноте, когда я осматриваю его кровать. И его нет!

Подождите, где он? Я осматриваю его комнату, вертя головой так быстро, что шея начинает болеть. Его здесь нет. Я включаю свет.

— Крис? Крис! — Без ответа. Вместо него я вижу зияющую дыру на месте открытого окна, которое, словно рот, пытается прокричать мне ответ на вопрос, где может быть мой сын.

Его комната пуста.

Ужасающий страх сковывает внутренности, когда я разворачиваюсь на пятках, и бегу в свою комнату в поисках сына. Включив у себя свет, мне стало понятно, что он не то, что здесь не спал, он вообще не был в моей комнате.

— Крис? — от нарастающей в груди паники я зову его еще громче. Господи, Боже, где он?

Я несусь вниз по лестнице, и останавливаюсь у самого низа. Мак стоит возле камина, разглядывая наши семейные фотографии. В частности, одно семейное фото. Широкая двойная рамка с коллажем из фотографий, на которых изображены мы с Крисом в его раннем возрасте. Там стоит ряд фотографий, на которых изображены только мы с сыном в парке, на днях рождения, Рождестве, и простые фотографии нашей обычной жизни. Только мы двое. Вот так всё было, пока нас не стало трое. Глаза Мака скользят к следующему фото — фото с нашей с Джоелом свадьбы, где Джоел, Крис и я широко улыбаемся в камеру. Я помню, как облегчённо чувствовала себя, когда мы поженились. Облегчённо, потому что он был хорошим человеком, который хотел Криса и меня. Который хотел присматривать за нами и заботиться о нас.

У меня нет времени задумываться о том, какую историю придумывает Мак у себя в голове. Нет времени объяснять, что Джоела не было на фотографиях тех лет моей жизни, потому что тогда его вообще не было с нами. У меня прямо сейчас нет на это времени, потому что его сын пропал и нам нужно его найти.

— Мак! — он дёргает головой на звук моего голоса.

— Прости, я просто немного осмотрелся вокруг, — начинает объяснять Мак.

— Все в порядке, — я протягиваю руку, чтобы остановить его от дальнейших объяснений. На самом деле, мне сейчас плевать. — Мак, нам нужно позвонить в полицию! Крис пропал. О Боже, сейчас почти полночь! Где он может быть? О, Боже мой! — слёзы собрались в уголках моих глаз.

— Ты уверена? — Мак не ждёт моего ответа. Он мчится наверх, и я слышу стук искусственного протеза по деревянному полу на этаже надо мной, пока он обыскивает комнаты.

Я хватаю телефон, задаваясь вопросом, стоит ли мне позвонить в «911». Я слышу, как Мак спешит назад по лестнице и сокращает расстояние между нами.

— Лорен! Где похоронен Джоел? — он прерывает мои хаотичные мысли.

— Что? — мой мозг не в силах воспринять его слова. Они не имеют для меня смысла. Сейчас мне плевать на Джоела. Я хочу найти Криса. — Почему ты спрашиваешь?

— Я знаю, где он. И я приведу его домой, ладно? Скажи мне, пожалуйста, где похоронен Джоел? — Мак опускает руки мне на плечи, и их вес кажется свинцом. Это подводит меня к грани. Это успокаивает меня.

— Его могила на Магнолия Лейн, в пяти кварталах на север. На кладбище Льюис. Ты думаешь, он там? Почему?

— Я знаю, что он там. Оставайся здесь на случай, если он вернётся, ладно? Я приведу его. Обещаю. Если его там не будет, я позвоню тебе, но думаю, он там. — Мак раздаёт свои приказы, пока хватает свои вещи, и направляется к двери. Однажды солдат — навсегда солдат.

— Хорошо. Мак, но ты уверен? Я думаю, стоит позвонить в полицию. Что если с ним что-то случится, — слёзы катятся по щекам, но мне плевать.

— Эй, — Мак хватается за плечи и просто смотрит мне в лицо. — Я сказал тебе, я обещаю, что приведу его. Ладно? Ты можешь довериться моему слову, и ты это знаешь. Пожалуйста, постарайся немного успокоиться. Мы скоро вернёмся. Я позабочусь об этом. Обещаю, — он делает ударение на последнем слове, что на самом деле замедляет моё сердце, отдаляя меня от сердечного приступа, который уже на подходе.

— Ладно, — отвечаю я, и Мак кратко целует меня в лоб, а затем исчезает за дверью. — Я люблю тебя, — я шепотом обращаюсь к закрытой двери своего дома. Пожалуйста, Боже, пусть он приведёт моего мальчика. Пожалуйста, пусть всё будет хорошо.

Глава 23

Мак

2014

Стук слышится каждый раз, когда я ступаю на тротуар своим протезом, пока бегу на кладбище, которое назвала Лорен. Прохладный воздух хлещет по ушам, и я кручу головой из стороны в сторону, пока ищу первые признаки кладбища. У меня не было времени выпытывать подробности местоположения. Я не мог взять её с собой, но чувствовал, если Крис здесь, а я уверен, что он здесь, то он не захочет разговаривать со своей матерью. Ему нужен его отец.

Прежде, чем Лорен спустилась вниз, эти фотографии её семьи... Крис мой? Когда Лорен сказала мне, сколько лет ему было, я высчитал, что она спуталась с Джоелом

Брикманом почти сразу после моего ухода в Вест Поинт. И всё равно, я просмотрел несколько фотографий её и Криса, где годами они были одни. То есть, кто-то ведь делал эти снимки, но было странным, что Джоела не было ни на одном из них, кроме свадебного фото.

Я пытаюсь крепко закрыть глаза, но чувство вины волнами омывает меня. Я так привык к ежедневным пробежкам и забегам. Хотя, я уже вижу металлическую решётку, которая означающую вход на кладбище Льюис впереди. Мне не нужен протез. Мне нужен... мой сын.

Он мой сын? Зачем Лорен скрывать это от меня? Она злилась на меня, когда я ушёл в Вест Поинт? Говорят, даже в аду нет ничего хуже, чем злая женщина, но это кажется смешным.

Я должен был быть здесь для неё.

Вам не на кого злиться, кроме как на самого себя.

Я замедляю свой бег до шага, и прохожу через ворота, глазами обыскивая ряды каменных надгробий, словно сова в поисках мыши. Где он? Я нигде его не вижу. Всего лишь сотни каменных надгробий, блестящих под лунным светом. На некоторых лежат свежие цветы от тех, кто любит людей покоящихся под ними, и до сих пор чувствует боль утраты. Некоторые давно забытые, и их заброшенные каменные плиты начинают крошиться.

Я останавливаюсь и внимательно прислушиваюсь. Всё, что я слышу, это отдалённый шум дорожного движения через несколько улиц вниз. Может, я ошибся. Может, Крис пошёл не сюда. Может, я всё понял не так. Может, он даже не мой ребёнок.

Фотография на камине вспыхивает в моей голове. Единственная вещь — младенцем Крис не выглядел, как Джоел. Он не выглядел как Лорен, помимо его прекрасного оттенка кожи. Нет. Он выглядел как я.

Боковым зрением улавливаю движение, и дёргаю головой в ту сторону, чтоб изучить то, что увидел. Почти через двадцать рядов в сторону я вижу маленькую фигурку в тени. Это он. Он на самом деле пришёл сюда! Интересно, в чём ещё я не ошибся?

Мне хочется выкрикнуть его имя, но я останавливаю себя. Что, если он убежит? Или я спугну его? Вероятно, лучше просто пойти и поговорить с ним. Я подхожу к краю ряда надгробий так, чтобы не споткнуться о камень, и сокращаю расстояние между нами.

С каждым шагом я всё больше уверен, что это Крис. Я слышу, как его голос звучит в ночном воздухе.

— ... нужно отпустить тебя...

Он сидит у изножья могилы и разговаривает с Джоелом, как и предполагали мы с Армстронгом. Я рад, что он избавляется от замкнутости, что ему и нужно, но я бы предпочёл, чтобы он подождал до завтра.

Я замедляюсь. Не пытаюсь подкрасться к нему, но и прерывать его не хочу. Крис сидит ко мне спиной, но я слышу, как он глотает слёзы.

— Мы с мамой в порядке. То есть, без тебя тяжело... Очень. Я очень сильно налажал. Иногда меня выводит из себя то, что ты ушёл, понимаешь? Зачем ты ушёл, если ты нужен нам здесь? — его голос хрипит.

Я останавливаюсь в паре рядов от него и позволяю ему выговориться. Я был на его месте, и знаю, как важно облегчить душу, чтобы она обрела покой.

— Маме тяжело, — он со злостью обвиняет Джоела. — И, ну, со мной ей тоже пришлось нелегко. Меня исключили из школы, а потом забрали в полицейский участок. Я знаю, что заставляю её волноваться. Я просто... не знаю... не могу перестать злиться. Я

имею в виду, я *очень* зол, — в его голосе звучит поражение, и я вижу, как поникли его плечи. — Но я думаю, что теперь станет лучше. У мамы есть хороший друг. Тебе бы он понравился. Он говорил со мной о тебе и о другом. Все продолжают говорить о замкнутости, и я думаю, что это важно. Поэтому я здесь. Я хотел сказать тебе, что я всё ещё скучаю по тебе, и думаю о тебе постоянно, но я больше не хочу злиться. Я снова хочу чувствовать радость и заниматься тем, чем занимался раньше. Думаю, я чувствовал, что не должен чувствовать радость без тебя, но я знаю, что ты бы этого не хотел. Так что я до сих пор люблю тебя, и я до сих пор скучаю по тебе, но я буду двигаться дальше. Мне нужно. Я не хочу постоянно злиться, — его голос ломается, как и моё сердце. Крис опускает голову на руки, а его спина поднимается и опускается от рыданий.

Я подхожу к нему, и быстро разворачиваю его, вытирая слёзы с его лица.

— Эй, малыш, ты в порядке? — я смотрю вниз, пока слеза стекает по его лицу, и я хотел бы сделать что-то, или сказать, чтобы забрать его боль. Я по опыту знаю, что только времени под силу снять это бремя.

— Да, — Крис шмыгает носом, и тяжело сглатывает. — Мне просто нужно отпустить. Как ты и сказал.

Я киваю. Я знал, что он это сделает.

— Всё в порядке. Ты сделал то, что тебе нужно было сделать. Я понимаю это. Твоя мама немного переживает. Она думает, ты улизнул из дома, чтобы сбежать или что-то типа того.

Я вижу, как его плечи поникли, и он устался на свои ноги.

— Я снова облажался, да? — он бросает мимолётный взгляд на меня снизу.

— Нее, ты сделал то, что должен был. Я объясню ей это. Понимаю, — честно отвечаю я. И это не ложь. Когда я решил сходить к могиле капрала Томпсона, я сделал разворот на 180 градусов посередине трассы в час пик. Иногда вещи не могут ждать до утра, или пока загорится зелёный сигнал светофора. Когда твоя душа говорит тебе, что ты готов исцелиться, ты её слышишь.

— Я просто быстро позвоню ей, и скажу, чтобы она не волновалась, ладно? А ты пока можешь попроситься, — я вытаскиваю телефон из кармана, и Крис кивает мне.

Набираю единственный номер, который сохранил в этой штуковине, и Лорен берёт трубку после первого гудка.

— Алло? — по ее голосу я могу сказать, что Крис не единственный, кто плакал.

— Эй, я здесь с Крисом. Он в порядке. Ему просто нужно было отпустить Джоела, не всё нормально, — успокаиваю я её.

— О, слава Богу! Клянусь, каждый раз, когда он исчезает за углом, мне кажется, что он выкинет что-то подобное! О чём он думал, ускользая из дома посреди ночи?! Слава Богу, он в безопасности, — я почти слышу, как она крестится.

— Он не ускользал из дома, ладно? Поверь мне, это хорошо, что он пришёл сюда сегодня ночью. Ему нужно было поговорить с Джоелом по-мужски. Это из-за меня с Армстронгом у него появилась эта идея, так что, пожалуйста, дай ему поблажку на этот раз. Я не думаю, что он ещё когда-либо сделает что-то подобное, — умоляю я.

В трубке тишина. Я скольжу пальцем по экрану, посмотреть, не отключилась ли она, но секунды на таймере разговора ещё идут.

— Лорен?

— Хорошо, — наконец-то тихо отвечает она. — Но ему всё ещё нужно знать, что

ускользнуть посреди ночи — плохо. Даже если он идёт на могилу. — Я слышу, как начинает дрожать её голос. Не думаю, что она знает, стало ли ей легче, рада ли она или злится. Вероятно, всё вместе.

— Он знает, — перебиваю я. — Поверь мне.

— Ладно, значит, поскорей возвращайтесь домой.

— Ну, увидимся очень скоро.

Я вешаю трубку, и иду к Крису. Теперь он стоит, и вытирает остатки слёз.

— Она зла на меня? — он смотрит мне в лицо, и в этот раз, я будто смотрю на своё отражение.

— Нет. То есть, конечно, она переживала. Не волнуйся, всё будет в порядке, — я забрасываю руку на его плечо, и сжимаю его. К моему удивлению, Крис обнимает меня обеими руками, и утыкается в меня лицом.

— Спасибо за то, что помогаешь мне, — бурчит он. — Не только с этим, а типа... понимаешь меня. — Он отпускает меня и смотрит вниз на землю.

— В любое время, ладно? Я всегда буду рядом, если понадобится.

Крис смотрит вверх, и его глаза изучают моё лицо. Будто он не уверен в том, просто так я говорю или на самом деле это имею в виду. Он, кажется, видит честность на моём лице, потому что его губы растягиваются в улыбке, и он кивает мне.

— Ладно, давай возвращаться домой, — он отходит от могилы Джоела. — Теперь я готов.

— Ладно.

Единственный звук окружающий нас — это звук наших шагов, пока мы идем бок о бок к воротам кладбища. Я чувствую, будто сбросил десять фунтов тяжести только от того, что знаю, насколько легче маленькому человечку рядом со мной. Я даже представить не могу, насколько лучше он себя чувствует. Или насколько лучше станет его жизнь теперь, когда он закрывает дверь перед носом своей скорби. Я не говорю, что жизнь будет идеальной, но теперь она будет легче.

Я оглядываюсь на каменные надгробия, выстроенные, будто мужчины во время парада. Все стоят по стройке смиренно, украшенные и сияющие. Мою кожу покалывает, и я слышу, как воздух шумит у меня в ушах, когда мозг возвращается на военное кладбище, где похоронены мои люди.

Люди, которых я потерял в тот день.

Люди, которых я подвёл.

Внезапно, горло сжимается, и я хватаю ртом воздух, когда вижу лицо Томпсона перед глазами. Крис исчезает, а каменные надгробия вокруг меня растворяются, когда я вижу афганского старейшину в нескольких шагах впереди меня. Его рука спрятана под одеждой, но я знаю, что там. Я миллионы раз видел, как это происходит. Он достаёт топор и тошнотворный звук — это все, что я слышу, когда он раскалывает череп Томпсона пополам. Кровь стекает по тому, что осталось от его лица, и пропитывает песок, который окружает нас.

— Капрал!

— Эй, что происходит? Ты в порядке?

Я моргаю, покрывшись холодным потом, и вижу, как возле меня снова появляется Крис. Пыльная адская дыра, с которой я борюсь, испаряется, и вокруг меня снова вырастает кладбище.

Крис выглядит напуганным. Я борюсь с рвотным спазмом, и стираю капельки пота со лба, пока мой мозг яростно пытается найти для него ответ.

— Ага, прости. Думаю, кое-что вспомнил. Уже поздно. Как насчёт вернуться домой, чтобы мы оба могли поспать?— горло пересыхает, пока я пытаюсь его убедить. Последнее, что мне нужно, это чтобы Крис и Лорен волновались обо мне. Это моя работа — присматривать за ними, а не наоборот.

— А... ладно, — он выглядит, будто не поверил до конца. По крайней мере, он больше не поднимает эту тему.

Что я там говорил о том, чтобы сбросить тяжесть и оставить её здесь на кладбище? Давайте надеяться, что у Криса это получится лучше, чем у меня.

Глава 24

Лорен

2014

Входная дверь открывается, и я прекращаю ходить из стороны в сторону, когда Крис входит в дом следом за Маком. Не чувствуя ног, я несусь просто к нему. Я прижимаю Криса к себе в объятьях, и молча благодарю Бога.

— Я так испугалась! — Мой голос охрип от слез. — Никогда больше так со мной не поступай, — я отхожу на шаг и удерживая своего сына за плечи. Он поднимает голову с мягким выражением в глазах, и дрожащим подбородком.

— Не буду, мам. Прости меня.

Я вижу, что он пытается выглядеть сильным перед Маком. Скорее всего, он не хочет плакать перед своим героем. И я не стану заставлять его.

— Поднимайся к себе. Я приду через секундочку, — я ещё раз быстро его обнимаю.

— Ладно, — тихонько отвечает он. — Спокойной ночи, — он оглядывается через плечо на Мака, а потом мчится наверх.

— Ты поговорил с ним? Сказал, то он не может поступать так со мной? — я плююсь в глаза Маку, когда Крис исчезает из поля видимости.

— Да, Лорен, ты была расстроена...

— Ты чертовски прав, говоря, что я была расстроена. С ним всё что угодно могло случиться! Всё! Его могла сбить машина, или его мог похитить какой-то извращенец. Я могла потерять его, Мак! — рыдание душит слова в горле, и я плачу, закрыв лицо руками. Чувствую руки Мака вокруг себя. Сильные руки, которые окружают меня, словно стеной. Рядом с ним я чувствую себя в такой безопасности. И всегда чувствовала.

— Он в порядке. Я знаю, что он напугал тебя, но частично в этом винить нужно меня. Мы с Камероном поговорили с ним о замкнутости, и речь шла о том, что нужно поговорить с погибшим на его могиле. Я не думал, что он выберется из дома посреди ночи, чтобы сделать это, но я понял это сразу. Он нёс большое бремя на своих плечах. У тебя потрясающий ребёнок, Лорен. Не срывайся на него, — его голос рокошет в груди.

Прижавшись к ней ухом, я слышу, как бьётся его сердце и как работают его лёгкие, пока голос успокаивает мои страхи. Как-то, даже просто слышать, как тело Мака исполняет свои простейшие функции, поддерживает в нём жизнь, успокаивает мои нервы и будит во мне желание остаться в его руках навсегда.

— Мне нужно поговорить с ним, — бурчу я в его рубашку, но вместо того, чтобы

отойти, я обнимаю Мака за талию. Всё кажется таким далёким. Боль от потери Джоела. Боль в груди от того, что Крис пропал. Моя работа. Весь мир. Это всё такое далёкое, пока я просто слушаю сердце Мака.

— Конечно. Потому что ты — отличная мать, Лорен. Давай, иди. Просто помни, что он всё ещё раним.

— Я знаю.

И это правда. Мой сын стал королём крутизны в прошлом году, не проронив ни слезинки и будучи всегда готовым выкинуть очередное едкое словечко. Я видела, как близко к поверхности были его эмоции, когда он вошёл в дом. — Я вернусь через минуту. Просто пожелаю ему спокойной ночи, — мне удаётся расцепить руки на талии Мака, и мои глаза закрываются от дрожи, когда он притягивает меня к себе и мягко целует в лоб.

— Ничего меньшего я не ожидал, — улыбается он, и отпускает. Агония от его слов тут же накрывает меня. Я чувствую себя менее защищённой от всего этого. Будто бинт с ещё не зажившей раны сорвали слишком рано. Дрожь пробегает по мне, и я тру руками по предплечьям.

— Я сейчас вернусь. Спасибо, что привёл его домой.

Оставив на его щеке быстрый поцелуй, я убегаю наверх прежде, чем у моего тела есть шанс желанием разрушить остатки рациональности.

Я легонько костяшками пальцев стучу в открытую дверь Криса. Он ещё не спит.

— Эй, — мой голос мягкий, а истинная паника, которая ранее окутывала меня, была смыта объятьями Мака. — Я могу поговорить с тобой секундочку?

Крис кивает, и я пересекаю его комнату, садясь на край кровати.

— Mam, прости, что я убежал к могиле, — Крис садится и смотрит на меня такими грустными глазами, что у меня в горле тут же образуется ком.

— Я знаю, что тебе жаль, солнышко. Ты на самом деле очень сильно меня напугал.

— Mam, ты думаешь, я плохой? То есть, я знаю, что я натворил немало дел. Ты думаешь, теперь мне слишком поздно становиться хорошим?

Крис скручивает краешек одеяла и смотрит на него.

— Ты не плохой. Ты просто принимал неправильные решения, Крис. Все их принимают. Даже я это делала. — *Как, например, не сказала Маку, что ты — его сын.* Эта мысль вертится у меня в голове, оставляя едкий след вины.

— Да? — Крис поднимает на меня глаза, но всё ещё сжимает одеяло в руках. Это напоминает мне время, когда ему было три года, и он не мог расстаться со своим детским одеялом. Наконец-то, я устала от схваток с ним в попытке забрать его у него, чтобы он не таскал его повсюду за собой. Однажды ночью пробралась к нему в комнату, пока он спал, и расправилась с этим одеялом, спрятав улики на дне мусорного бака.

Крис искал своё тупое одеяло везде, где только мог, и, в конце концов, наткнулся на кусочек своего детского голубого одеяльца, которое было покрыто жмыхом из кофеварки и пылью из мусорного бака. Он вытащил его, и намотал на свои маленькие ручки, будто боксер, который наматывает бинты на руки перед боем, отказываясь отпустить его. И какую же нервотрёпку он устроил! В итоге, я отдала ему этот кусочек, позволив оставить этот потёртый материал до тех пор, пока он не будет готов с ним расстаться.

— Ага, даже я принимала. Нельзя прожить жизнь, не совершая ошибок. Так мы учимся. Это не делает тебя плохим. Это делает тебя человеком.

Его подбородок дрожит, и он хмурит брови, когда слёзы катятся по крыльям его носа.

— Так ты всё ещё любишь меня? Ты не злишься? — шепчет он.

Я наклоняюсь и притягиваю его к себе.

— Конечно, я люблю тебя! Этого ничто не изменит, солнышко. Ни единая вещь. У нас будут хорошие и плохие времена, но я всегда буду любить тебя, Кристофер! Мать никогда не перестанет любить своего ребёнка, так что прости, но ты застрял с этим до конца своей жизни, а даже больше! — я крепко его сжимаю.

— Ладно, мама! Ты можешь меня отпустить, — голос моего сына приглушен моими медвежьими объятиями, и я улыбаюсь.

— О, значит, у нас больше не круто обнимать мамочку? — дразню я его.

— Нет, я взрослою. Мак сказал, что я в доме мужчина, — он гордо выпячивает грудь.

— Я знаю, что сказал, но не спеши становиться взрослым, ладно? И не думай, что повзрослел настолько, чтобы не поговорить со мной о вещах, с которыми тебе тяжело. Нам нужно преодолевать это вместе. Тебе и мне. Понял?

— Понял, — Крис улыбается, и падает назад на подушку. Его веки опускаются, словно это стокилограммовые мешки, но он всё равно пытается не закрывать глаза.

Я сжимаю его руку и направляюсь к двери.

— Спокойной ночи, Крис. Сладких тебе снов, солнышко.

— Хорошо, — бурчит он. — И, мам?

— Да, милый? — я поворачиваюсь и смотрю, как он устроился в кровати. Это мальчик, который у меня был, и он выглядит так невинно и мило.

— Если ты хочешь выйти замуж за Мака, я просто хочу, чтобы ты знала, что я не буду возражать, — он улыбается и закрывает глаза, опуская голову на подушку.

Я даже не знаю, что на это сказать, и по мягкому сопению, которое исходит от Криса, не думаю, что ему нужен мой ответ.

— Спокойной ночи, Крис, — я выключаю свет и закрываю дверь, прислоняясь к ней головой и думая о том, что он столько что сказал.

Дети такие восприимчивые! Удивительно, что они видят, и что знают. Нам, взрослым, стоит поучиться у них некоторым вещам.

Глава 25

Мак

2014

Я слышу, как шаги Лорен по лестнице. Представляю, как она, вероятно, несёт мне одеяло, под которым я буду спать на диване. Это была безумная ночка. Думаю, она истощена после всей этой драмы. Я слушаю, как её ноги мягко касаются пола. Моя челюсть плюхается на пол, когда через перила я вижу, что она босиком. Глаза следуют вверх по её телу к коротким камуфляжным шортам и майке в тон. О, Боже мой, она грёбаная приманка!

— Что на тебе? — мой голос звучит громче, чем мне хотелось бы, и я прочищаю горло, чтобы понизить тон. — Ты пытаешься убить меня? — я тут же встаю и иду к ней. Будто она центр притяжения. Будто сама природа создала новый закон, который не может удержать меня подальше от неё.

— Это? — она смотрит вниз на свой скудный наряд, а после на меня, невинно хлопая своими темными ресницами. — Это всего лишь то, что я надеваю в постель.

— Если это то, что ты надеваешь в постель, тогда думаю, мне нужно составить тебе

компанию, — я пробегаю руками по её спине и прижимаюсь к ней телом.

— Нет, — тихо произноси тона.

— Что? — я услышал её, но надеюсь, что у меня пробелы со слухом.

— Нет, ты не можешь составить мне компанию в моей постели.

Я так надеялся, что услышал её неправильно.

— Потому что я хочу тебя просто здесь. И просто сейчас, — она прижимается ко мне сиськами. На ней нет лифчика, и её тёмные соски, которые умоляют меня всосать их, виднеются из-под тонкого топа. Я скольжу рукой вниз по её спине под края шорт, хватая её пухлую ягодицу рукой. Я притягиваю её к своему твердеющему члену.

— Послушай меня, Лорен. Тебе нужно знать это, если это то, чего ты хочешь. Ты всегда твердишь, что ты — не одна из моих фанаток или кого там ещё, и ты права: ты — не одна из них, — я зарываюсь рукой в её жесткие волосы, сжимая её прекрасную задницу до тех пор, пока Лорен не морщится от того, насколько хорошо она чувствует мой член.

Блядь, с ней так хорошо. Не могу дождаться, когда снова почувствую её тугую киску. Я чувствую её желание, и мне нужно намного больше самоконтроля, чем как я предполагал, мне понадобится, чтобы не спустить её маленькие шортики к коленям развернуть её и трахнуть у стены.

Я отстраняю от неё, и Лорен, с всё ещё закрытыми глазами вздыхает.

— Что не так? — её веки дрожат, когда она открывает глаза.

— Всё так. Мне просто нужно, прямо сейчас знать, готова ли ты двигаться дальше? Потому что когда мы трахнемся — не «если», а «когда» — ты больше не будешь интересоваться меня, как девочка на одну ночь. Я могу получить это от любой. Чёрт, да я даже могу получить групповуху, если захочу.

Огонь загорается в её карих глазах, пока уголки губ опускаются.

— Мак, я прекрасно знаю о твоей репутации.

— Хорошо, потому что это правда. Я уверен, что заслужил каждое слово этого. Слушай меня. Я говорю тебе это не для того, чтобы заставить ревновать, — улыбаюсь я, — даже если это делает тебя чертовски милой.

— Я не ревную, — лжёт она, глядя в сторону.

— Хорошо, потому что я не хочу тех девушек. Я хочу тебя и только тебя, ты понимаешь это? Мне нужно, чтобы ты была готова двигаться дальше, потому что когда я трахну тебя, я сделаю тебя своей, Лорен. Я больше не буду смотреть, как ты уходишь из моей жизни.

— Я никогда не уходила из твоей жизни. Это ты от меня ушёл, — она всё ещё надует губы. Они просто «смотрят» на меня, и это очень мило. Я хватаю её подбородок и снова целую, и её надутость тает, словно масло на моих губах.

— Ты права, — шепчу я, — и я больше не оставлю тебя. Так что... ты хочешь меня? — я скольжу пальцами между её ягодицами, и двигаюсь в её сладкую влажную киску. Она истекает для меня, и нет ни единого сомнения в том, что она меня хочет, а я слишком счастлив дать ей это, если она согласится.

— Хочу. На самом деле хочу, — стонет она, прижимаясь клитором к моей руке.

Я вытаскиваю руку из её шорт, и обеими руками берусь за её бедра, крепко сжимая их и обнимая ими себя. Я поднимаю её с пола и закидываю их на свою талию. Я пересекаю гостиную с ней и несую её к дивану.

— Хорошо. Потому что я буду трахать тебя, пока ты не перестанешь меня хотеть, — рычу я.

Глава 26

Мак

2014

Я бросаю Лорен на диван, и она слегка вскрикивает, падая головой на подушку. Я не жду особого приглашения. Прежде, чем у неё есть хотя бы шанс поднять голову, я взбираюсь сверху, зажимая её ноги между своими. Я удерживаю её руки, и притягиваю к себе, пока она не принимает сидячее положение так, что не может двинуться.

Лорен смотрит на меня с таким же возбуждением в глазах, с которым смотрела, когда мы были подростками. Я помню, как она заставила меня ждать, пока ей официально не исполнится восемнадцать, чтобы я мог её трахнуть. Имею в виду, что каждый подросток проводит треть своей жизни, мастурбируя, но с тем, сколько она заставила ждать меня, я, наверное, провёл за этим делом половину своей жизни.

В первый раз, когда я взял её, я понятия не имел, как заставить её кончить по-настоящему. Я был всего лишь тупым ребёнком, который барахтался во мраке незнания. Теперь мою безграмотность как рукой сняло, и я могу показать ей, что все те фанатки, к которым она меня так ревнует, послужили своей цели.

Она пошлёт им открытки с благодарностью.

— Я не могу двигаться, — Лорен застенчиво смотрит на меня. Блеск в её изумительных карих глазах говорит мне, что она не жалуется.

— Хорошо, потому что именно такой, ты мне нужна.

Я тяну её майку вверх, и снимаю с её тела, когда она поднимает руки над головой, чтобы упростить мне задачу.

Её большие сиськи, будто дразня меня, подрагивают, когда Лорен опускает руки по бокам. Бросает вызов взять её. Я ныряю рукой под её милую попку, и освобождаю из западни своих ног, в которой удерживал. Приподнимаю её задницу с дивана, и прижимаюсь к ней своим членом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— О!

Я не даю ей шанса подумать или заговорить. Опуская голову вниз, я облизываю её загорелую кожу на ключице, и направляюсь к её темному соску. Когда я смыкаю губы вокруг него, она стонет, откидывая голову назад. Я нежно сжимаю губами её вершинку, и щелкаю по ней языком, я слегка прикусываю сосок. Я поднимаю на неё взгляд и жёстче впиваюсь в него зубами.

— Ааа.

Лорен вскрикивает, но продолжает потираться своей тугой киской о мой твёрдый член, все ещё не вызволенный из грёбанных джинсов. Я никогда в жизни не ненавидел что-то сильнее, чем сейчас ненавижу эти штаны.

Я тут же ударяю языком по тому месту, где только что прошлись мои зубы, целуя его прежде, чем я передвигаюсь на другой сосок, и проделываю то же самое.

Блядь, какая же она сексуальная. Я даже не могу назвать точное количество женщин, которые просто приходили с друзьями на вечеринки или одевались, чтобы хотя бы наполовину возбудить меня так, как Лорен в своих камуфляжных шортах.

Её руки скользят вниз по моим плечам, и я чувствую, как она впивается острыми

ногтями в мою кожу, пока её бедра двигаются мне навстречу. Я жду вспышку боли, когда она ногтями впивается мне в спину оставляя на ней царапины.

— Эй! — я прекращаю дразнить её соски, чтобы поднять голову, и вижу ухмылку на её лице.

— Что? — она хлопает ресницами, словно кукла, — в эту игру могут играть двое, — её губы растягиваются в ненасытной улыбке.

— Вот значит как? Это мы сейчас посмотрим, — я хватаю её запястья, и прижимаю их к дивану, беря Лорен под свой контроль. Я позволю ей касаться меня, когда решу, что я хочу, чтобы она со мной это снова сделала. До тех пор, она будет лежать, и ёрзать подо мной, пока у неё будут на это силы.

— Боже, Мак. Я хочу тебя. Я всегда тебя хотела. Пожалуйста, позволь мне увидеть тебя? Позволь почувствовать тебя внутри, — умоляет она.

— Ты ещё не готова, — я позволяю себе упиваться её бесстыдством. Пожирая каждый сантиметр её кожи от длинной шеи до торчащих сосков на груди.

Она настолько сексуальна, а безумная часть в этого заключается в том, что она не знает этого. Не так, как я знаю. Большинство женщин, которые выглядят наполовину такими сексуальными, как Лорен, привыкли и к тому, что парни охотятся за ними. У них есть то осознание, которого нет у Лорен. Она самая невероятная женщина из всех, кого я встречал, и она — настоящая. Она бросает вызов логике. С ней не прокатят игры, и с ней не действуют законы. Чёрт, даже лёжа на спине, её торчащие сиськи, кажется, не поддаются законам гравитации. Так что может, она — воплощение магии.

И она — моя.

Мой взгляд привлекает внимание маленький клочок одежды под названием «её шорты», которые едва ли прикрывают её.

У меня нет грёбаного времени на скромность.

— Держи руки вверх, — рычу я, освобождая её запястья от своей хватки. Лорен прикусывает свою пухлую губу и кивает в ответ. — Хорошая девочка, — я люблю женщин, которые знают, когда бросить вызов, а когда отдать управление мне.

Я кончиками пальцев провожу по её ребрам и плоскому животу, который немного больше чем был из-за того, что она выносила ребёнка. Идеальные изгибы. Я зарываюсь пальцами под каждое бедро по сторонам и стягиваю их вниз к её коленям одним рывком.

Толика моего оставшегося терпения вознаграждена, когда я смотрю на её блестящую от влаги киску. Всего лишь с маленькой полоской волос над ней и со сладкой влагой, которую я так жажду попробовать, она кажется мне персиком, который готов быть сорванным.

Я бросаю быстрый взгляд на лицо Лорен, и вижу, что она внимательно за мной наблюдает, а руки до сих пор идеально покоятся над её головой.

— Не переживай, я позабочусь о том, чтобы ты была готова.

Я стягиваю её шорты вниз до конца, и бросаю их через плечо на пол. Скользя вниз между её полных бёдер, я впиваюсь пальцами в плоть её ног, пока широко развожу их в стороны. Теперь её киска полностью открыта, и темные складки её кожи контрастируют с розовым бутоном её клитора.

Я хороню лицо между её бёдер и втягиваю одну из её темных складок в рот, нежно посасывая её, пока позволяю своему языку дразнить её чувствительный клитор. На вкус она как небеса и мне стоило знать, что я чувствовал именно её там, в пустыне. Смешно теперь, как в тот момент, когда я лежал в объятьях смерти, я видел её. Она должна быть моим

бессмертием.

Я кружу своим языком вокруг её клитора, пока она пытается двигать бёдрами в нетерпеливом ожидании. Я прижимаю её руками к дивану, пока она не перестает двигаться, и не остаётся полностью в моей власти.

Скользя языком вниз вдоль её киски, я раздвигаю её полные ягодицы и скольжу языком по её щелке, пока не чувствую кончиком её анальный вход.

Лорен хватается ртом воздух, когда замирает в моих руках. Но она не говорит мне остановиться или что ей это не нравится. Она просто кажется удивлённой. Я щёлкаю языком по её киске, пока она ёрзает подо мной и ещё больше насаживается на мой рот. Я снова скольжу по её клитору, чтоб подвести её к краю.

Наконец, я отпускаю её бедра и вхожу в неё указательным пальцем, чувствуя, как её мышцы сжимаются вокруг него, пытаюсь меня выдоить.

Всему своё время, детка.

Боже, она такая чертовски узкая! Она не изменилась с тех пор, как ей было восемнадцать.

Я знаю, что не могу больше ждать, чтобы сделать её своей. Мне нужно почувствовать её тугую киску вокруг своего члена. Мои губы сжимаются вокруг её клитора, и я слегка сосу его, пока беспощадно щёлкаю по нему языком. Лорен хватается воздух ртом и выдыхает поток нечленораздельных слов. По тому, как её внутренние стенки продолжаю сжиматься вокруг моего пальца, могу сказать, что она на грани.

— Мак! О, мой Бог! — её тело напрягается вокруг меня, и каждая её мышца сжимается, когда Лорен кончает для меня.

Я отклоняю голову, зная, какой чувствительной она будет после этого, но продолжаю трахать её пальцем, пока наблюдаю, как она пытается дышать. Линия её волос покрыта крохотными капельками пота, и она прикрывает глаза руками, которые я сказал не сдвигать с места. В этот раз я прощу ей это. Очевидно, что ей нужна минутка.

Лорен убирает руку и робко улыбается. Её бёдра продолжают двигаться мне навстречу, встречая мой палец, трахающий её киску.

— Думаю, теперь ты готова.

— Это было невероятно.

— Ничего ещё не было, — я неохотно прекращаю трахать её дырочку, и сажусь, чтобы снять с себя рубашку. Встаю, чтобы избавиться от штанов. Со своей искусственной ногой мне нужно быть осторожным с тем, как стаскивать джинсы. Это, вероятно, не самый грациозный способ раздеться, но я это делаю. Наконец-то, я стаскиваю с себя трусы и улыбаюсь Лорен, которая жадно облизывает для меня губы.

— Хочешь попробовать, детка? — я ласкаю свой твёрдый член и наблюдаю за её глазами, которые расширяются, когда она осматривает каждый сантиметр моего приятеля.

— Хочу, — мурлычет она.

Я придерживаю член за основание и прижимаюсь концом к её губам. Лорен быстро проходится языком по головке, слизывая маленькую капельку смазки, а затем берёт мой толстый член в рот. Я обхватываю рукой её затылок, медленно направляя её, пока она заглатывает мой ствол до тех пор, пока он не упирается ей в глотку и она немного давится.

— Извини, я не буду входить так глубоко. По крайней мере, не в рот, — уверяю я, и её глаза немного увлажняются, когда она смотрит на меня вверх.

— Ммммм, — я не уверен, это одобрение или сопротивление, но всё равно, это

чувствуешь чертовски невероятно.

— Да, малышка, вот так и продолжай,

Я отпускаю её голову и просто наблюдаю, как Лорен скользит губами вверх и вниз по моему члену. Я чувствую, как тяжелеют мои яйца, когда она проходится мягким языком по головке.

Блядь. Если она вскоре не остановится, я кончу просто ей в горло.

— Тебе нужно остановиться, — шепчу я неубедительно. Лорен или не слышит меня, или не слушается. Мои яйца снова поджимаются, и я вот-вот взорвусь, если не вытащу член из её влажного рта. Мне удаётся отступить, высвобождаясь из её идеального захвата.

Я знаю, что являюсь награждённым ветераном, но мне нужна ещё одна медаль за самоконтроль. Чёрт, я хочу полную грудь медалей!

— Я могу закончить то, что начала, и мы займёмся сексом позже, — она смотрит на меня, почти умоляя. Должен признать, это предложение соблазнительно, как ад.

— Нет, — рычу я грубо. Это невероятно, что я вообще сейчас способен говорить. — Я скучал все десять лет. Я больше ни секунды не хочу тебя ждать. Я хочу тебя прямо сейчас.

Становлюсь на колено между её ног, и она широко разводит их для меня. Я не единственный, кто больше не хочет ждать ни секунды.

Я хватаю член и скольжу им вверх и вниз по её щёлке, подразнивая её клитор, когда снова беру себя под контроль.

Нахер контроль.

Я прижимаюсь головкой к её влажной киске и обхватываю рукой её затылок, входя в неё на всю длину. Она резко вдыхает, пока я хороню всего себя в её киске. Она такая узкая, что я спрашиваю себя, удалось ли мне вообще лишить её девственности в наш первый раз. — О! — глаза Лорен расширяются, пока она ёрзает подо мной. Мне говорили, что меня тяжело принять за один раз, но я не могу сдержаться рядом с ней. Я знаю, что мне стоит выйти, дать ей привыкнуть к моему размеру и двигаться медленно, но я не могу.

Я толкаюсь членом глубоко в неё, пока не чувствую яйцами её пухлую попку. Всё ещё удерживая её голову в мёртвой хватке, я наконец отпускаю её немного, и после начинаю жёстко её трахать. Я позволяю себе потеряться в ней, вонзаться своим членом в нее снова и снова, пока она стонет у моего уха.

Я не знаю, зачем я вообще терял время с другими девушками. Как я вообще мог тратить своё время? Как я вообще ушёл от неё? Она невероятная. Я трахал больше женщин, чем могу сосчитать, и ни одна из них не чувствовалась так, как она. Будто она была создана, чтобы удовлетворить моё тело, и быть исключительно моей.

Моё дыхание тяжелее, как и мои яйца, но я продолжаю трахать Лорен, будто меня только что выпустили из тюрьмы. В каком-то роде, так оно и есть. Даже если я сам создал себе эту тюрьму.

— О, Мак, я собираюсь... — её киска сжимается вокруг меня, и я выгибаю спину, чтобы посмотреть на слияние наших тел. Я хочу видеть, как то, что принадлежит мне, выдоит последнюю каплю спермы из моего члена.

Лорен возвращает свои ногти на то место на моей спине, где она оцарапала меня до этого. Острая боль и ощущения от сжимающейся вокруг моего члена её узкой киски — это слишком. Волна удовольствия накатывает на меня, пока я заполняю её своим семенем.

Я чувствую, как слегка кружится голова, когда падаю на диван рядом с Лорен. Её ноги ещё обхватывают моё тело, а мой член всё ещё подёргивается внутри неё.

Холодное понимание опускается на меня, когда до меня доходит, что я забыл о презервативе. Люди называют меня капитаном Америкой с тех пор, как я ступил на землю США, но они с таким же успехом могли бы называть меня Капитан Гондон.

— Чёрт возьми, — шиплю я, когда выхожу из Лорен. Её глаза темнеют, когда на лице появляется смятения.

— Что? Ты уже жалеешь? — каждое её слово пронизано болью. Жалею? Как она может об этом думать?

— Нет, я просто забыл о презервативе. Меня застали врасплох, — упрекаю я себя.

— Почему? То есть, с тобой ведь всё в порядке, да? — паника звучит в её словах, пока она ищет мои глаза.

— Нет, нет. То есть, да. У меня ничего нет. Дело не в этом, — я целую кончик её носа.

— О, — я вижу, напряжение покидает её плечи, и она откидывает голову на подушку. — Ну, значит, не беспокойся об этом. Я всё ещё на противозачаточных. Не знаю, почему не перестала принимать их после смерти Джоела. Думаю, просто привычка, — она пожимает плечами глядя на подушки между нами.

— Ага, но, кажется, противозачаточные с нами не работают, да?

Лорен перестаёт моргать. Она продолжает пялиться на подушки между нами, будто вспоминает.

— Что ты имеешь в виду? — шепчет она дивану.

— Я имею в виду, Криса. Он мой, так ведь? — я наконец-то задаю вопрос, который не давал мне покоя с тех самых пор, как я увидел фото. — Он мой сын, Лорен? — я смотрю вниз на неё, и если бы не пульс, который бешено бьется на её шее, я бы подумал, что она умерла. Она не двигается. Не моргает. Не думаю даже, что она дышит. — Лорен?! — я не хотел повышать голос, но это вышло грубее, чем я планировал. Она вскидывает голову, и просто смотрит мне в глаза. Её карие глаза потемнели, и от этого в них добавилось тревоги.

— Да.

Глава 27

Лорен

2014

Отодвинувшись назад по дивану, поджимаю колени к себе, и обхватываю их руками. Внезапно я чувствую себя такой открытой. Ранимой. И это не имеет никакого отношения к тому, что я голая.

Мак знает, что у него есть сын. Эту тайну, которую я хранила десять лет, сняли с моей души. Я думала, что в день, когда расскажу ему, я почувствую облегчение, но никак не тошноту.

— Да, он — твой, — снова отвечаю я. Опускаю голову на колени, и смотрю на него из-под ресниц. Я не уверена, как он отреагирует. Что он скажет. Я наблюдаю за тем, как его лицо темнеет от шторма эмоций, которыми он никогда не делился со мной. Мак никогда не был тем человеком, который говорил о чувствах даже до ухода в армию. А теперь и подавно.

— Почему ты мне не сказала? Почему избегала меня, когда я был в Вест поинте? — Он медленно качает головой, а его голос звучит монотонно. Я не могу понять, считает он это хорошей новостью, или наихудшей в его жизни. Его нахмуренные брови ни о чем не говорят.

— Я думала об этом. Поверь мне. Ты понятия не имеешь, сколько ночей я боролась с

собой. Это было тяжело. Пожалуйста, не думай, что это решение мне легко далось. Это не так. Первые три года жизни Криса я была матерью-одиночкой. Я пересматривала своё решение не говорить тебе каждый божий день. Особенно, когда получала степень в университете и пыталась ухаживать за своим ребёнком.

— Тогда почему ты этого не сделала? — Мак встаёт и проводит рукой по затылку. Он идёт к фотографиям, возле которых я застала его ранее. Его рука так и остаётся на затылке, пока он снова смотрит на них. Мои глаза скользят вниз по его голому телу, и как бы я хотела, чтобы он не отходил от меня. Я хочу, чтобы он сел рядом, и мы могли поговорить.

— Вместо этого ты позволила другому мужчине растить моего сына? Я имею в виду, по-твоему, это правильно? Я так сильно обидел тебя, Лорен? Я был настолько ужасным, что ты даже не дала мне знать, что в этом мире у меня есть сын? — мышцы на его спине напрягаются.

— Нет, ты не был ужасным со мной. Но, да, ты меня обидел, — признаю я. Свежие слёзы щиплют глаза, будто рана от того, что он выбрал страну, а не меня, была нанесена только вчера. Думаю, это больше похоже на ожог, чем на рану. Ожог, который снаружи выглядит терпимо, но внутри разрушает слой за слоем. Ожог, излучающий боль, от которой я давно должна была исцелиться.

— Но ты продолжила скрывать от меня Криса? — его голос дрожит, но он всё ещё не поворачивается ко мне. Я ненавижу разговаривать с его затылком, но я понимаю, что он не хочет сейчас смотреть на меня. Я сильнее обнимаю свои колени, отчаянно желая почувствовать руки Мака вокруг себя. Я задумываюсь, почувствую ли я их ещё когда-нибудь.

— Нет, это не имело ничего общего с этим! — я не могу вынести мысль о том, что он продолжает обвинять меня в том, что я скрывала Криса от него, потому что от этого мне становится больно. Что он вообще думает обо мне? — Да, мне было больно. Да, я была зла. Но я никогда не скрывала его из-за того, как ты ушёл. Давай я тебе напомню, что это ты решил уйти и оставить меня здесь, пока ты будешь преследовать мечты своего детства, Мак! — мой тон был острее края лезвия.

— Лорен, я думал, что делаю правильную вещь. Ты помнишь, как умер Бен. Что мне нужно было делать? Забыть о единственной вещи, на которую мне было не наплевать, и остаться здесь только потому, что тебе не нравилось моё решение? — он наконец-то поворачивается ко мне, и я жалею, что хотела этого. Его взгляд пропитан яростью, но под ней я вижу боль от предательства, которое плещется в голубых волнах океана в его глаз.

— Я думала, я была единственной, на что тебе было не наплевать, — шепчу я, чувствуя, будто глотаю камень.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — шипит он.

— Нет, не знаю. И я точно не знала тогда. Ты помнишь, что ты сказал мне в вечер выпускного? Что это было идеальное время для тебя, чтобы пойти в Вест Поинт, потому что ты должен быть определённого возраста, не мог жениться, и не...

— Не мог иметь детей, — он заканчивает моё предложение. Злость испаряется из его глаз, когда он пялится в пол.

— Именно. Я не скрывала от тебя Криса из-за того, что ты ушёл в Вест Поинт. Это не было мстостью, Мак. Я не говорила, потому что знала, как много Вест Поинт для тебя значил. Я знала, что ты бы вернулся и заботился о нас, но твои дни были бы наполнены сожалением. У тебя никогда бы не было шанса вернуться обратно. Никогда. Я не хотела, чтобы мы были камнем на твоей шее, — признаюсь я.

— Тебе не стоило принимать это решение за меня, — его голос звучит ровно. Поражённо. Сердце в моей груди сжимается от мысли, что это я делаю с ним такое.

— Ты прав. Я была неправа и глупа. Мне также никогда не стоило отпускать тебя. Мне стоило попытаться построить отношения на расстоянии, когда ты заговорил об этом. Признаю, я не была гением в восемнадцать.

— А в двадцать? Что после того, как я окончил обучение? Ты всё равно не искала меня? — он встречается со мной взглядом, и я вижу вспышку штормовой молнии в его кристальных голубых океанах.

— Ты прав. Я встретила Джоела в колледже, и мы закончили тем, что поженились. Думаю, после этого я не думала связываться с тобой. Решила, что это только сделает всё более запутанным. Ты так и не вернулся в Колорадо, так что я не знала, женился ли ты, и были ли у тебя дети. Наверное, я просто думала, то не стоит ворошить прошлое, — я выпускаю всё, что так болело все эти годы. Сколько ночей я искала его в Фейсбуке? Сколько раз я пыталась найти адрес его электронной почты?

— Это так запутано, Лорен. То есть, как это вообще случилось? Разве тогда ты не сказала мне, что тоже была на таблетках? — Мак ходит туда-сюда перед диваном. Я протягиваю руку, и он смотрит вниз, будто я держу неизвестную еду.

— Пожалуйста, Мак, сядь со мной, — умоляю я.

Он смотрит на меня и хватается за руку. От надежды моё сердце трепещет, словно крылья колибри.

— Ладно.

Он садится назад на диван и смотрит на меня. Я вижу, как подозрение струится по его венам, по крайней мере, он даёт мне шанс высказаться.

— Спасибо, — я делаю глубокий вдох, чувствую себя, будто делаю первый вдох после смерти. — Ты прав, я была на таблетках. То есть, ты помнишь, как шепетильно я относилась к их приёму, и даже выставляла напоминание в телефоне.

— Помню, — он сжимает челюсти.

— Я не знаю, помнишь ли ты, что за неделю до выпускного я подхватила ушную инфекцию? — я заглядываю в его глаза, но не вижу ни вспышки воспоминания. — Не важно. Доктор прописал мне ряд антибиотиков, и тогда я не понимала, что противозачаточные не будут работать так, как обычно. По крайней мере, не со мной. Так что, да, Крис случился. Но я бы не променяла его ни на что в этом мире, — мои материнские инстинкты берут верх. От всего этого разговора о том, что мой сын — ошибка, я чувствую укол прямо в сердце.

— Блядь, это нелегко осмыслить, — Мак смотрит вниз на свои ладони, будто пытается их прочесть. Если я прослежу по его линии любви, найду ли я там себя? Или моё место отныне будет в его прошлом?

— Я знаю. Просто, чтобы ты знал, когда умер Джоел, я начала искать тебя, чтобы рассказать. Нашла старых школьных друзей, чтобы узнать у них, что с тобой случилось. А потом однажды я смотрела вечерние новости, и увидела репортаж о тебе. Это было безумием. Я так отчаянно пыталась найти тебя везде, где могла, а ты появляешься на экране телевизора.

Я помню, как безудержно рыдала, когда увидела Мака, покрытого кровью. Во время съёмки оператор приблизил кадр с его ногой, и по тому, что её не было, я поняла, что случилось.

— Дерьмо. Ты видела это, да? — он смотрит на меня и придвигается ко мне ближе,

нежно касаясь ладонью моей ступни.

— Все в Америке видели это, Мак. Президент видел это. Так что, да, я тоже видела. Зная, что тебе придётся проходить реабилитацию и всё такое, это будто был знак для меня оставить тебя в покое. Тебе бы и так не сладко досталось, знаешь? Как пить дать, это было не подходящее время для сообщения о Крисе, — я опускаю руку поверх его, и тепло его кожи меня успокаивает.

— Я это понимаю. В этом есть смысл, — он смотрит на меня, заглядывая в душу. — Он знает?

— Что ты его отец? Нет. Не знает. Крис знает, что Джоел не был его биологическим отцом, и что он его усыновил. Я имею в виду, он смыслённый ребенок, и догадался об этом так же, как и ты, — я машу рукой в сторону фотографий на камине. — Я никогда не говорила ему, кто его настоящий отец.

Между нами повисает тишина, которая пререзает воздух, словно крик. Вообще-то, лучше бы это был крик. Мою кожу начинает покалывать, пока я жду, когда Мак хоть что-то скажет. Что угодно. Он ненавидит меня? Хочет ли он, нашего присутствия в его жизни?

— Мне жаль, — голос Мака прорывается сквозь мои мысли.

— Что? О чем ты сожалеешь?

— Мне жаль, что я никогда не возвращался. Я тоже был слишком молод. Мне было больно, что ты даже не попыталась остановить меня, когда я ушёл, так что я пытался стереть тебя из своей памяти. Я не понимал, что это невозможно. Ты держалась за мою душу. Когда я потерял ногу... своих людей... — его голос дрожит, пока эмоции одна за другой сменяют друг друга на его лице. Он откашливается, и его взгляд снова фокусируются на моих глазах. — Ты была там.

— Ты имеешь в виду, ты думал обо мне? — я пытаюсь уловить смысл в его словах.

— Нет, ты была там. Я тебя видел. Чувствовал твой запах. Твой вкус. Я ощущал твою руку в своей. Я знал, что если бы я тогда умер, моё сердце было бы полно сожалений о том, что я вообще оставил тебя. Я знал, что не смогу быть счастливым, пока снова не найду тебя.

Слёзы щиплют уголки глаз, и ком в горле становится ещё больше, пока я пытаюсь сдержать их.

— Я никогда не думала, что снова увижу тебя, — признаюсь я. — Я чувствовала, что часть меня умерла в тот день, когда ты ушёл в Вест Поинт.

Он подвигается ближе по дивану, и притягивает меня в свои объятия. Я кладу голову ему на грудь и позволяю его сердцебиению успокоить меня.

— Теперь мы снова вместе, — Мак начинает укачивать меня, пробегая пальцами по волосам. — Мы трое. У нас всё получится. Ладно? — он хватает меня за плечи и удерживает в миллиметрах от своего лица. Я теряюсь в его глазах, растворяясь в них.

— Да.

Глава 28

Мак

2014

— Привет, мисс секси.

Я прокрадываюсь к Лорен и обнимаю её руками, притягивая полную попку к своему члену. Я видел, как сегодня утром она вошла в здание. Волосы идеально уложены, а

униформа — выглажена и накрахмалена. Просто космическая разница между той дикой кошечкой, которая ещё несколько часов назад давилась моим членом.

— Мак, ты не можешь вот так подкрадываться ко мне, — она спускает мои руки вниз со своих бёдер и поворачивается. Её губы сжаты в тонкую линию, а её маленький носик морщится, пока она на меня смотрит.

— Нууу, давай. Разве тебе не хочется быстренького секса в кладовке? Где та непослушная девочка, которая не давала мне покоя все выходные, а? — я притягиваю Лорен плотнее к себе, и вижу, как ускоряется пульс на её шее. Я позволяю рукам скользнуть вниз по её идеальной заднице и обхватываю её, притягивая к своему твердеющему члену.

Лорен бросает взгляд через моё плечо на дверь кладовой, о которой ей не стоит волноваться. Я закрыл её за собой.

— Быстренько секса? Ты с ума сошёл? Я здесь работаю, Мак. Это плохо, что ты провёл выходные в моём доме, — она сильнее прижимает руки к моей груди и отходит назад, — из-за тебя меня уволят.

— Я не проводил выходные у тебя. Я ездил к своей тётушке Милдред, помнишь? — ухмыляюсь я, но она не сдвигается. И не разжимает губ.

— Нет, я не могу, — шипит она.

Мне хочется смахнуть рукой всю эту медицинскую срань с этого металлического стола, развернув её нагнуть над ним. Мне хочется удерживать её одной рукой, пока второй я сорву с неё трусики, и буду дико трахать до тех пор, пока моя сперма не будет вытекать из неё. От этой идеи мой член болезненно пульсирует, и я поправляю себя, потому что чувствительная кожа прижимается к ширинке.

Я, может, и хочу сделать это, но не сделаю. Я настойчивый парень, но я знаю границу, которую не стоит переходить.

— Хорошо, — я поднимаю руки, сдаваясь. — Я просто подумал, что сегодня утром ты выглядела чертовски сексуально, и хотел показать, каким безумцем ты меня делаешь. Хотя я понимаю — никакого быстренького секса на работе, — я отхожу назад, давая ей пространство.

Лорен нервно поглядывает через моё плечо.

— Ничего не будет на работе, Мак. Я не могу потерять эту работу, и особенно вступать в отношения с пациентом. Я никогда не найду другую больницу, которая возьмёт меня на работу. Послушай, — она сокращает расстояние между нами и пробегает костяшками пальцев вверх и вниз по моей щеке. — Я хочу тебя, ладно? Поверь мне, ты и понятия не имеешь как сильно, — блеск в её глазах усиливается. — Мы разберёмся с этим, я обещаю. А теперь, пожалуйста, убирайся отсюда прежде, чем кому-то понадобится что-то здесь взять, — настаивает она, но не отходит от меня. Лорен стоит на своём, а её грудь слегка прижимается к моей.

Я удерживаю её подборок большим и указательным пальцами, и накрываю её губы своими — жёсткий поцелуй за то, каким жёстким она меня сделала. Лорен расслабляется и приоткрывает губы, приглашая меня углубить поцелуй. Когда наши языки сталкиваются, я медленно наступаю вперёд, шаг за шагом, пока её спина не прикасается к стене. Я прижимаю её бёдрами и даю почувствовать свой твёрдый член, пока мы продолжаем целоваться. Как я и сказал, я настойчивый.

Луч света падает от двери, и я быстро отскакиваю. Лорен хватая ртом воздух и проводит ладонями по юбке, будто они помогут разгладить её.

— Оу, доктор Гэлт. Эм, Маку, то есть, эм... капитану Форрестеру просто нужны были...

— её глаза бегло осматривают кладовку, когда я поворачиваюсь в дебилу в двери.

— Мне просто нужны были бинты, — чётко говорю я. Мои глаза останавливаются на нём.

— Отсюда всё кажется по-другому, — красные пятна покрывают его лицо, и он надувает щёки, как рыба-фугу. — Это крайне непрофессионально, — его лицо дёргается от раздражения, пока он смотрит на Лорен. Мне не нужно смотреться на неё, чтобы знать, как она сейчас выглядит. Я не хочу видеть, как позор навечно останется на её лице.

— Что непрофессионального в том, что моя медсестра ищет для меня бинты? — я привлекаю его взгляд к себе. — Если вы меня спросите, то именно это и есть определением профессионализма.

Его глаза дико блестят, пока он пытается выпятить грудь. Эти маленькие людишки всегда одинаковые: как маленькие чихуахуа, которые пытаются быть питбулями.

— Я не хочу этого слышать, Капитан. Я знаю, что я видел. — Он смотрит на Лорен, которая молча пытается спрятаться за моим телом. — И если вы хоть на секунду задумались, то это останется безнаказанным, вы ошибаетесь. Я никогда не видел такого аморального поведения в больнице. Этот человек — ваш пациент, сестра Брикмен. Эти маленькие... отношения, — он выплевывает слово, будто оно обжигает его нёбо, — противоречат вашей медицинской клятве и противозаконны.

Я вижу, как он заводится всё больше и больше, как та заводная обезьянка, с которой мы играли в детстве. Нет. Не бывать этому. Внутри меня обжигает огнём, и языки этого пламени достают до моего горла.

Кем, мать его, этот парень себя возомнил? Он не смеет разговаривать с моей женщиной в таком тоне! Руки сжимаются в кулаки по бокам, когда я прищуриваю глаза.

— Нет, это вы послушайте, док. Я сказал вам, что сестра Брикмен проявила профессионализм, что гораздо больше, чем я могу сказать сейчас о вас. И, насколько мне известно, когда я сюда попал, меня сопровождала команда репортёров, которая сделала мировой репортаж обо мне и вашей маленькой больничке. Так что, если вы хотите, чтобы это продолжалось, кому вы, блядь, думаете, поверят люди? Национальному герою, который оставил свою ногу в пустыне за свою страну? Или вам? — я рычу на него сверху.

Грудь Гэлта опускается, и плечи поникают вниз, пока он обдумывает мои слова.

— Послушайте, я не пытаюсь начать что-то подобное, — он начинает ретироваться. — Не нужно вовлекать в это прессу. Я просто пытаюсь управлять этой больницей. Очень важно, чтобы наш персонал придерживался необходимых процедур и вёл себя подобающе, — его глаза мечутся к Лорен.

— Я знаю, мне жаль, — она наконец-то подает голос позади меня, и её слова царапают мой слух, словно кто-то скрутил лист пенопласта.

— Нет, вы не сделали ничего плохого. Не извиняйтесь, — я поднимаю руку в воздух, перебивая любое оправдание, которое она там себе придумала.

— Что касательно пациента, я могу покинуть эту больницу в любое время. По факту, выписываюсь сегодня, спасибо. Мне не нужно такое отношение или негативная настроенность в месте, в котором, предположительно, я должен исцелиться.

Гэлт сжимает губы, от чего они напоминают анус. С тем дерьмом, которым он плюётся, я думаю, это ему подходит.

— Вскоре я дам ещё одно интервью, в котором меня увидят с моим протезом, —

продолжаю я. — Оно может пойти двумя путями. Я могу осыпать ваше заведение похвалой и блеском касательно того, какое потрясающее лечение я здесь получил, — я оглядываюсь на Лорен, и ненавижу страх в её глазах. — Или, если вы всё ещё хотите сделать выговор сестре Брикмен, я могу выставить всё в абсолютно другом свете. Решать вам.

Я шагаю через помещение, и рот Гэлта открывается, словно чёрная дыра. Если пару секунд назад его губы выглядели как сморщенный анус, то теперь они выглядят, как трахнутый анус.

— Я высказал всё, что собирался. Остальное решать вам, — я пялюсь просто в его маленькие глазки и выхожу из кладовки.

— Капитан Форрестер, подождите! — выкрикивает он, но я продолжаю идти по коридору, оставляя карьеру Лорен висеть на волоске.

Дерьмо. И как мне теперь заглаживать свою вину?

Глава 29

Лорен

2014

Это был самый долгий день в моей жизни. Я каталась на американских горках эмоций часами, и это нервировало. Чувство такое, будто сегодняшнее утро с Маком в кладовке с препаратами случилось недели назад.

Теперь я чувствую, как немею. Из влажной, текущей от желания женщины до женщины, парализованной страхом и неверием, прошла секунда, пока я наблюдала, как Мак забросил за меня доброе словечко и свалил.

К тому времени, как Мак почти покинул помещение, доктор Гэлт практически умолял его остаться. Только Мак мог быть пойманным за нарушением правил, а люди после этого ещё и извиняться перед ним будут за то, что побеспокоили его.

Это было четыре часа назад. С тех пор я залегла тише воды ниже травы, притворяясь занятой, но я не могу перестать мучиться тем, что же Мак делает. Он не отвечает на мои сообщения или звонки. Я понятия не имею, куда он ушёл, или планирует ли он оставаться.

Это был полный хаос.

Через двадцать минут я уйду домой, и надеюсь, к этому времени мы сможем всё выяснить. Лёгкое прикосновение к моему плечу заставляет меня подпрыгнуть.

— Мне нужно поговорить с вами мисс Тейлор, — мой шеф одаривает меня прожигающим взглядом и вздёргивает головой, пока отдаёт приказ.

Чёрт возьми.

— А, конечно, — я следую за ним, пока он шагает по коридору. Чувство в желудке такое, будто я на ланч ела свинец. Я горю. Нет ни единого шанса, что меня не уволят. И что мне теперь делать? Как мне заботиться о Крисе? Как выплачивать ипотеку? Мои мысли вращаются в циклоне паники, пока я приближаюсь к кабинету доктора Гэлта.

Он открывает дверь и пронесится в комнату, предназначенную для шефа медицинского персонала. Я спешу за ним.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — он указывает на стул перед своим огромным столом, и не ждёт, пока я отвечу, прежде чем самому сесть с другой стороны.

Его стол выглядит смехотворно огромным по сравнению с ним. Он, правда, положил пару телефонных справочников сбоку? Я пытаюсь побороть улыбку, но он выглядит, будто

из мультфильма.

Будь серьёзной, корю я себя. Что с тобой происходит? Может, все эти годы моя мама была права, когда в одиннадцать лет из-за дружбы с Маком, меня поймали за бросанием по машинам воздушных шариков, наполненных кетчупом. Тогда она сказала, что он плохо на меня влияет. Есть что-то в нём, что заставляет меня расслабляться и перестать делать из всего что-то идеальное. Что-то, что превращает плохое в чертовски хорошее.

— Вы знаете, что я не могу отпустить вас домой, не обсудив с вами некоторые проблемы, — Гэлт смотрит на меня через стол, вырывая меня назад в настоящее.

— Да, я понимаю, — мой пульс набирает темп, барабаня, словно маленький игрушечный мальчик-барабанщик.

— Не думаю, что мне стоит объяснять вам странное положение, в которое вы меня поставили, — он потирает обручальное кольцо большим пальцем. На секунду, я задумываюсь о женщине, которая решила, что этот мужчина для неё — один и единственный. Всё, что я могу представить, это брак по договору, либо приказ отца невесте, либо робот для секса. Ставлю на работа для секса.

— Если можете себе представить, то для нас важно поддерживать нашу репутацию, как мирового реабилитационного центра, — продолжает он. Меня начинает омыwać волнами вины. — К нам на лечение приезжают люди со всего мира. И они делают это, потому что знают, что у нас самая современная клиника, и так же, потому что у нас работают первоклассные профессионалы, которые ведут себя соответствующе, — мой босс прокручивает кольцо на пальце, и волны вины во мне достигает уровня цунами.

— Я знаю это, сэр. И я не думаю, что то, что случилось сегодня, должно это изменить, — я надеюсь, он слышит мольбу в моём голосе.

— Не думаете? Как вы думаете, наше учреждение должно остаться высокопрофессиональным, когда... — он прочищает горло и каждая мышца в моём теле напрягается. Вот оно. Извещение об увольнении и поход к двери. Слезы щиплют уголки глаз, и я пытаюсь думать о том, что я могу сказать, чтобы попытаться спасти свою работу. — Когда один из самых известных героев, которые Америка когда-либо знала, решает досрочно закончить свою реабилитацию здесь?

Что?

— Я, эм, не уверена, — моргаю я в удивлении. Мой мозг пытается разобрать его слова, словно золотоискатель ищет крупинки золота в земле Клондайка.

— Это выглядит абсолютно не хорошо, — он поднимает на меня глаза, и его брови вздымаются просто к небесам, пока тучи застилают его взгляд.

— Я не думаю, что кто-то заметит, если Мак, то есть, Капитан Форрестер больше не будет наблюдаться у нас, — пытаюсь убедить его я. — Не то, чтобы они знали его программу здесь или сроки времени, которое он собирался здесь провести.

— Они знали. Я рассказывал им о них, когда давал пресс-интервью, — угрюмо отвечает он.

Ну, конечно же. Он рассказывал.

— Ладно, но всё равно, люди выписываются раньше срока по разным причинам постоянно. Я, правда, не думаю, что нам есть о чём волноваться, — уверяю я его.

Гэлт опускает брови, и уголки его губ едва заметно подёргиваются. Не уверена, но думаю, он счастлив.

— Это — правда, пока он не польёт грязью наше учреждение вовремя своего скорого

интервью, — уголки его губ снова опускаются. Было лучше, пока они были приподняты.

— Он этого не сделает. Я знаю Мака с детства. Это пустые слова. Он ничего не скажет что могло бы навредить больнице, — моё материнское сердце сжимается при виде Гэлта и мне хочется потянуться через стол и сочувствующе сжать его руку.

Почти. То есть, давайте не будем сходить с ума.

Гэлт медленно кивает, переваривая мои слова.

— Он сказал тоже самое, когда чуть ранее я разговаривал с ним.

Подождите секундочку. Мак ответил на его звонок, но не мог ответить ни на одно сообщение от меня?

— Он попросил дать вам несколько дней отпуска, чтобы вы разобрались с вашими личными проблемами, которые у вас появились. Это не проблема, конечно, когда ваш единственный пациент сегодня уехал, и оставил в вашем расписании огромную дыру.

— Простите, но вы говорите о Маке? И что именно он вам сказал? — я отбрасываю своё постоянное «Капитан Форрестер», и перехожу к самой сути. Думаю, будет честно, если я выпущу кота из мешка.

— Он упомянул, что у вас проблемы с вашим сыном, а с разработкой вашей программы, я не вижу проблемы в том, чтобы вы взяли несколько дней отпуска. Конечно, было бы лучше, если бы вы сами рассказали мне о ваших проблемах. Поэтому я здесь, — он мимолётом ловит мой взгляд, но я не вижу в нём никакой искренности.

— Ну, это очень мило с вашей стороны, — отвечаю я через стиснутые зубы. Какого хера Мак о себе возомнил? Сначала, он идёт за мной в кладовку и из-за него меня почти увольняют, потом он пытается решить это, раскрывая мои семейные секреты? Чему я, блять, удивляюсь? — Хотя, мне не понадобится много времени. Я всё держу под контролем, умеряю вас, — шиплю я.

— Не нужно меня благодарить, — перебивает меня доктор Гэлт. Он вообще слышал, что я сказала? — Я надеюсь, что за эти несколько дней вы успеете поговорить с Капитаном Форрестеру и напомнить ему, как хорошо к нему здесь относились? На всякий случай, если у него остались какие-то обиды от нашей небольшой ссоры этим утром, — он не ждёт моего ответа. Вместо этого, окатывает своё кресло назад и выдвигает ящик стола, явно что-то ища.

— Уверяю вас, я точно поговорю с Капитаном Форрестером, — киваю я. Я не рассказываю Гэлту, что вынесу Маку мозг, но у меня нет намерений становиться ходячей рекламой «Spalding». («Spalding» фирма-производитель баскетбольных мячей. прим. перев.)

— Я очень ценю это, — он тянется к ящику, шарит внутри, и вытаскивает розовый лист плотной бумаги. — Вот, вы могли бы передать это ему? Это от моей дочери. Я должен был отдать это ему, когда он приехал, но, вероятно, забыл, — он протягивает мне сделанную вручную открытку.

Я поднимаю её и смотрю на растянутое сообщение, написанное детским почерком. На ней фотография — как я понимаю — Мака, окружённая сердечками. Внутри она написала: «Спасибо тебе мой герой!»

Рука слегка дрожит, и я чувствую, как сжимается горло. Пытаюсь проглотить ком слёз, которые грозятся прорвать плотину.

Я не уверена, что более грустно: тот факт, что моему боссу было наплевать на открытку, которую сделала его дочь, насколько, что он забросил её в ящик стола, или тот факт, что он отдаёт её только сейчас, пытаясь манипулировать Маком, чтобы тот не полил грязью его больницу. Моё сердце обливается кровью за маленькую девочку, с которой я никогда не

встречалась.

— Конечно, я передам, — бурчу я, так и не оторвав глаз от карточки.

— Фантастика. Ладно, эм, наслаждайтесь выходными! — он отпускает меня, я встаю и направляюсь к двери. — И мисс Брикмен?

— Да? — я поворачиваюсь, чтобы посмотреть в его лицо.

— Просто помните, насколько *по-другому* пройдёт эта встреча, когда вы будете с ним разговаривать. Ладно? — он прищуривает глаза и мою кожу начинает покалывать от злости.

— Запомню, — просто отвечаю я, и выхожу в коридор.

Какое же ёбнутое чмо.

Глава 30

Лорен

2014

Я знаю, что мне нужно ехать напрямик к маме и забрать Криса, но вместо этого я поворачиваю на свою улицу. Мне просто нужно спокойно всё обдумать. Ничего безумного. Просто, типа, часок для своей головы, чтобы переварить всё случившееся сегодня. Я снижаю скорость до черепашьей, когда подъезжаю к своему дому. Серебристый внедорожник Челси припаркован на моей подъездной дорожке.

Вот и подумала.

Я могу проехать дальше. Могу кататься, пока не закончится топливо, или моё сердце не отпустит всю ярость, или наконец-то не разгребу этот бардак.

Я останавливаюсь возле своего дома. Побег никогда ничего не решит. Я выучила этот тяжёлый урок. Я тянусь к пассажирскому сидению за своей сумочкой, и смотрю на розовый конверт, который бросила туда перед тем, как уехать из «Спэлдинга». Нет смысла отдавать его Маку. Он увидит жалкие попытки Гэлта манипулировать на расстоянии.

Я вздыхаю, глядя на рисунок на конверте. Ребёнок так старался нарисовать эти кривые сердечки. Нет, на хрен это. Я отдам его ему. Не потому что мне не наплевать на босса или его игры, а потому что кому-то нужно подумать о той маленькой девочке, которая так старалась, чтобы сделать это для Мака.

Хватаю конверт и спешу в дом, чтобы узнать, почему Челси здесь. Не одно, так другое.

— Она здесь! Она здесь! — я слышу крики своего сына через окно гостиной, пока иду.

Преступая порог, я вижу, как Крис прыгает от восторга. Челси сидит на диване, попивая кофе. Если бы она только знала, что мы с Маком вытворили на этом диване прошлой ночью, она бы там не сидела. Она бы приняла душ с лизолем.

— Эй, что происходит? — я смотрю на свою сестру.

— Мы едем в «Элитч Гарденс»! Это отель! Это же будет круто! — Крис чуть ли не выпрыгивает из штанов.

— Что? — я поднимаю брови, глядя на Челси, но она просто отпивает кофе в ответ. Её глаза фокусируются на мне. Она что-то задумала.

— Доброго дня, красавица, — Мак шагает в комнату из кухни с кружкой в руках, на которой написано «Супермама». Не он один, к кому приклеилось имя из комиксов. Хотя, я не думаю, что дети готовы отдать свои сбережения, что купить последнее издание комиксов про супермаму.

Что он здесь делает? Просто расхаживает по моему дому, будто жил здесь сто лет. Он

протягивает мне кружку.

— Вот, держи. Там много молока. Как ты любишь.

Его коронная ухмылка уже на лице.

— Ооооуу, разве это не мило? — вмешивается Челси. — Лорен, почему бы тебе не перелить его в дорожную термокружку, чтобы мы могли насладиться шоу по дороге? Не хочу застрять в пробке, — моя старшая сестра командует мною в своей привычной манере.

— Куда мы едем? Что происходит? — я обхватываю пальцами теплую кружку, игнорируя Мака.

— «Элитч Гарденс»! Мы будем кататься на всём, и будем жить в отеле, и у нас будет обслуживание номеров. Да, Мак? — Крис прыгает вокруг, будто ребёнок в Рождественское утро. Будто этот ребёнок ещё и на амфетаминах

— Ого? Что? — мой взгляд мечется от гиперактивного ребёнка к его раздражительному отцу. — Мак, я могу поговорить с тобой секундочку? — я ставлю кружку с кофе на камин, и прохожу через кухню во дворик. Я не проверяю, идет ли он за мной. Я знаю, что он не настолько тупой, чтобы не пойти.

— Оу! А зачем им говорить? — воет Крис внутри.

— Просто дай им минутку, солнышко, — успокаивает его моя сестра, пока Мак закрывает за нами раздвижную дверь.

Внезапно, его руки спускаются по моему телу, и он обнимает меня сзади.

— Я хотел сделать сюрприз, и немного побаловать тебя, — мурлычет он мне на ухо, и я инстинктивно откидываю голову ему на грудь. — Я знаю, что сегодняшний день был весьма стрессовым для тебя, так что я заказал пару комнат, в «Четырёх Сезонах», и получил несколько пропусков в «Элитч». Думаю, отпуск посреди работы будет для тебя полезным. Челси разделит комнату с Крисом, так что у меня будет два дня в отеле тобой, и я смогу делать всё, что захочу, — его голос становится глубже от желания.

Ресницы на закрытых глазах трепещут, и я чувствую, как напряжение спадает с моих плеч. Тупое лицо доктора Гэлта, всплывает перед моими глазами, и напряжённость снова накрывает меня с головой.

— Мак, ты не можешь вот так вот взять и свалить все новости мне на голову, позвонить моему боссу и потребовать, чтобы мне дали несколько выходных, — я отталкиваюсь от него и разворачиваюсь лицом. — Сегодняшний день был просто смехотворным. Ты знаешь, что меня могли уволить. И ты срываешься с места, не отвечая на мои сообщения или звонки, что было весьма паршивым для меня. О чём ты думал?

— Я думал, что отреагировал слишком бурно. Я не собирался позволять тому ослу лишить тебя работы из-за меня. Знаю, что решил это не лучшим образом.

— Решил не лучшим образом? Мак, ты не можешь делать всё, что взбрет тебе в голову. Мы теперь взрослые, поэтому иногда тебе стоит вести себя соответствующе. Я не уверена, что с тобой происходит. А после ты ещё строишь планы с Крисом и Челси, даже не поговорив со мной? Как ты думаешь, я должна реагировать? — зубы стиснуты так сильно, что челюсть начинает болеть.

Мак напрягается и расправляет плечи, заглядывая мне в глаза.

— Я знаю, что сегодняшнее шоу было показухой, Лорен. Я облажался.

Я чувствую, как злость вместе с энергией буквально сочится из пор моего тела.

— Послушай, я не хочу ссориться с тобой. Правда в том, что я переживаю за тебя. Крис сказал мне о том, что случилось на кладбище прошлой ночью, — понижаю голос, и слегка

касаюсь его руки.

Ярость вспыхивает в его глазах. Мак отдёргивает руку.

— Я в порядке, — резко отвечает он.

— Ты уверен? Потому что я знаю, что все бы поняли, если бы тебе понадобилась помощь. Ты через многое прошёл. Больше, чем кто-либо может представить. Крис дважды побывал на сеансах групповой терапии, и посмотри, как сильно это ему помогло. Может, тебе нужно найти группу...

— Я сказал, что в порядке, — он выпячивает подбородок и сжимает кулаки. Я вижу, как он сражается со своим демонами и нравом. Не уверена, сможет ли он выиграть эту битву. Мак делает глубокий вдох, и закрывает глаза. Когда снова открывает их, ярость исчезает и на её место закрадывается сожаление.

— Я знаю, что не совсем справлялся лучшим образом, ладно? Но я в порядке. Просто дай мне возможность разобраться во всем лучшим для меня образом. Так или иначе, я хотел извиниться за то, как всё пошло сегодня. Это потому что я всё хотел сделать правильно, и провести с вами несколько весёлых дней. Я думал, что будет хорошо провести время вместе, как семья, — его кристально голубые глаза сканирует моё лицо, пока на нём сражаются злость и прощение.

— Семья? — бурчу я, но его глаза не покидают меня.

— Да. Ты, Крис и я. Наша семья. Я попросил Челси приехать, потому что у меня нет машины, и мне всё равно с новой ногой придётся заново учиться водить, — он устало смотрит вниз на свой протез. — И она согласилась приехать и присмотреть за Крисом. Теперь мы вместе можем начать наверстывать упущенное время. Нам больше не придётся скрывать отношения, потому что я уехал из «Спэлдинга». Теперь всё в порядке.

У меня в голове все ещё крутится слово «семья». Это то, о чём я всегда мечтала — разделить жизнь с Маком.

— Что у тебя в руке? — он нежно вытягивает карточку из моих рук.

— Это открытка. Дочка шефа сделала её для тебя, — я не берусь рассказывать ему о том, почему он отдал мне её. Это не имеет значения.

У Мака на лице появляется улыбка, пока он смотрит на розовую бумагу.

— Это мило, — он поднимает на меня глаза, — не могу дождаться, когда буду получать такие милые открытки от нашей дочери.

— Нашей дочери? — воздух застревает у меня в горле. Мак делает шаг ко мне и обнимает.

— Конечно. У нас получатся красивые дети. Было бы чертовски позорным останавливаться на одном, — его голос звенит у меня в ушах, и я чувствую, как тает моё сопротивление. — Почему бы нам не поехать в «Элитч»? Давай сегодня сделаем

по-твоему? Я бы взял Криса куда-нибудь развлечься, а потом, когда бы мы оказались в комнате отеля, я бы сделал всё правильно, — его глаза блестят.

— Ну, — я прижимаюсь к нему, — думаю, теперь у меня есть свободное время.

— Есть.

— И Крис очень возбуждён поездкой.

— Возбуждён.

— Так что думаю, мы можем это сделать, — соглашаюсь я.

Мак целует меня, и я таю в его руках. Мне нравится то, как тот самый мужчина, из-за которого моя жизнь превратилась в полный хаос, может заставить меня почувствовать себя

защищённой от этого хаоса. Как он это делает?

Я отстраняюсь и смотрю ему в глаза.

— Но Мак?

— Да.

— Ты должен пообещать мне, что у тебя больше не будет вспышек прошлого, или чего-то подобного. Ладно? Я не хочу, чтобы Крис видел, как ты становишься таким. Его это очень расстраивает.

— Вот тебе крест на сердце, — улыбается он, и проводит пальцем крестик на груди.

Я не могу не рассмеяться. Мак никогда не повзрослеет, но именно поэтому с ним так весело находиться рядом. Несколько дней рядом, как семья, не принесут вреда. Семья. Это слово так прекрасно нам подходит. Теперь мы снова вместе.

Как семья.

Глава 31

Мак

2014

— Мам! Ты видела нас? С ума сойти! — Крис в восторге попрыгивает к Лорен.

— Так держать, малыш! Эти американские горки — просто сумасшедшие! Я бы на них умерла, — Челси поднимает руку вверх, чтобы он отбил ей «пять».

— Я тоже видела. Было весело? — Лорен смотрит на него с улыбкой.

— Это было потрясающе! Можно мне ещё раз сходить? Правда, мне сначала нужно пописать, но вы поддержите для меня место в очереди, чтобы я успел, когда вернусь, — указывает он. Стоит уважать человека с планом.

— Нет, солнышко. Здесь я согласна с Челси. Они ездят слишком быстро. Мы не такие, как этот Капитан Америка, — она подмигивает мне. — Колесо обозрения будет таким же увлекательным.

— Это точно. Не все могут быть героями, — дразню я её.

— Ага, ага. Думаю, эту карту ты уже разыграл, — бросает она мне в ответ. Один-ноль. Боже, я её люблю — Кроме того, — она смотрит на Криса, — мы с твоей тётёй проголодались. Разве вы не хотите поесть?

— Да! — подпрыгивает Крис, тут же забывая о том, что снова хотел проехаться на «Brain Drain».

— Вот, что я скажу тебе дружок, — Челси смотрит на него, — как насчёт того, чтобы вы с твоей мамой пошли и поискали туалет, а мы с Маком найдём какую-нибудь пиццу? И это сократит наше время ожидания в очереди, пойдет?

Лорен смотрит на свою сестру с вопросом в глазах.

— Разве не будет больше смысла в том, чтобы ты пошла с ним, а мы с Маком заказали еду?

— Не-а, — как обычно отмахивается Челси. — Не то, что тебе нужно сводить его в туалет или что-то в этом роде. Он большой ребёнок. Кроме того, нам с капитаном будет полезно немного поболтать.

Лорен сначала смотрит на свою сестру, а потом на меня.

— Ладно, — медленно отвечает она. — Думаю, мы встретимся с вами у столиков для пикника, — она кладёт руку на плечо Крису и легонько направляет его от нас, бросая на

свою сестру взгляд полный подозрения, прежде чем отойти с нашим сыном.

— Давай найдём нарезную пиццу! — Челси улыбается мне, и хлопает в ладоши, чтобы оторвать меня от наблюдения за тем, как Лорен в походке раскачивает бёдрами.

— Конечно, — мы идём мимо очереди из уставших родителей с их бесконечными жалобами на то, сколько же энергии в этих детях.

— Эй, это было потрясающей идеей, кстати. Думаю, Лорен нужно было некоторое отвлечение после проделок Криса, — Челси беспрепятственно прокладывает путь через неприветливую толпу. Должен признать, находиться в окружении такого количества людей целый день действует мне на нервы. Сейчас середина дня, парковка забита, и я чувствую, как у меня поднимается давление от того, с какой скоростью толпа вокруг меня сгущается.

Мне никогда не нравилась большое скопление людей, а Афганистан укрепил моё отвращение. Там, в окружении толпы означало, усиление концентрации, которая была необходима. Постоянное наблюдение за рынками ли улицами, переполненными народом в поисках опасности или врагов. Там наличие толпы означало, что ты видишь, как на твоих парней трусливо нападают из засады. Там слишком большое количество людей означало смерть.

— Я счастлив от того, что счастливы они, — и это не ложь. Это причина, по которой я борюсь со своими инстинктами убраться нахер отсюда каждый раз, когда я слышу звонкий смех или вижу странные лица, которые подводят меня к краю.

— А, я это вижу. Хорошо, что ты пытаешься сделать их счастливыми, Мак. То есть, Лорен очень долгое время было нелегко. Я уверена, ты в курсе. — Она стреляет в меня острым взглядом, который тут же вытаскивает меня из битвы со своей клаустрофобией и заставляет меня чувствовать так, будто я сейчас должен стать примерным семьянином. У неё и её сестры очень хорошо получают этот взгляд. — Я имею в виду, потому что когда ты отнял у неё десять лет жизни, не было похоже, что ты тогда думал о её счастье, — продолжает она. Изощрённый удар ножом в грудь, вы не находите?

— Я тоже тогда хотел остаться с ней, но она этого не понимала, — отвечаю я, но с тем, как Челси смотрит на меня искоса, убедительности в моём голосе не хватает.

— Ага, парочка тупоголовых сорванцов, — соглашается она. — И я вижу, что вы изменились. Ты стал хорошим человеком. Мужчиной, который будет иметь огромное влияние на жизнь Криса, — продолжает она.

— Спасибо, — я следую за ней, пока она проходит мимо пожилой пары, которая двигается со скоростью четверть мили в час. В воздухе витает смесь духов: похожая на смесь специй с рынка Афганистана. Зрение застилает туманом, и внезапно там, где несколько секунд назад под ногами был асфальт, хрустит песок. Я на своей коже чувствую жар афганского солнца и капельки пота на лбу. Сильно моргаю, и набираю воздух в лёгкие. Сфокусируйся.

Когда я открываю глаза, Челси пристально на меня смотрит. Наверное, я прекратил идти, потому что теперь мы оба стоим.

— Ты как? — она пялится на меня, как ребёнок на жука, которого видит впервые в жизни.

— Ага, в порядке. Просто, эм, голова закружилась на секунду. Я в порядке.

— Ладно, — она смотрит на меня, вздёрнув бровью. — Ну, давай найдём нарезанную пиццу. Может, и тебе нужна еда, — она кивает на вагончик с пиццей, и мы становимся в очередь.

— Как бы то ни было, я не пытаюсь усложнить тебе жизнь, — Челси продолжает с места, где закончила.

— Ты уверена в этом? — я смотрю ей в глаза. Не из-за нашего разговора, а из-за того, что это помогает мне остаться сфокусированным на настоящем.

— Да. Вообще-то, я пытаюсь тебе помочь. Я вижу, что у тебя доброе сердце и хорошие намерения касательно моей сестры. Я верю, что люди могут измениться в лучшую сторону, и ты точно это сделал.

— Спасибо. У меня вообще-то есть план на попозже, — я тянусь в карман.

— Эй, мне не нужно знать, что ты собираешься сделать позже. Мы даже не приблизились! — она смеётся и морщит нос так же, как это делает Лорен.

— Нет, не это. Ну... — я пожимаю плечами. — И это тоже.

— Фууу, — она высовывает розовый язык. — Можно мне четыре куска пиццы с пеперони и четыре банки колы? — она переводит своё внимание на мужчину, который принимает заказы.

Он кивает, и я убираю пальцы с бархатной коробочки в кармане, и вместо этого достаю кошелёк. Я передаю парню несколько купюр, а Челси бросает мне банки с колой, пока балансирует с четырьмя кусками пиццы в руках.

— Какая разница. Я собираюсь сделать ей предложение. Так что тебе не стоит переживать о моих намерениях, или о том, что я уйду. Я знаю, что ты просто выполняешь свою работу старшей сестры, и я ценю это, Челси.

Правда в том, что Челси, так или иначе, всегда присматривала за Лорен, даже когда мы были детьми. Я помню, когда мне было семь, я отрывал головы куклам Барби Лорен, и бросал их в грязь. Лорен плакала, будто я убил человека, а Челси преследовала меня по двору со скакалкой. И я не говорю о том, что она напугала меня ею, чтобы я ушёл. Я имею в виду, она обернула эту скалку вокруг руки и стегала ею, словно хлыстом. Она никогда не заморачивалась со мной, даже когда ей было девять.

Она останавливается, и её карие глаза расширяются.

— Ты делаешь предложение? Серьёзно? О, Боже, это же круто! — она обнимает меня своими руками, с которых опасно свисает пицца, и это самое странное объятие в мире.

— Спасибо, — улыбаюсь я, и похлопываю её по спине руками, в которых держу банки с колой.

— Ладно, это явно хорошие новости, — сияет она. — Давай найдём какие-нибудь места и станем их выглядывать, — она сканирует столики для пикника перед нами, которые усеяны людьми и едой. — О, подожди! Ты когда-нибудь видел этого парня? — Челси локтем указывает на один из вагончиков с едой. — Тебе нужно увидеть его! Это потрясающе! — она срывается в направлении вагончика с надписью «Фрут Ниндзя» сбоку.

Думаю, столик подождёт. Я лавирую между людьми к представлению, и борюсь с тревогой, которая карабкается вверх по моему горлу.

Мы с Челси присоединяемся к толпе зрителей сбоку вагончика. За прилавком белый мужчина, среднего возраста, с поясом боевых искусств, повязанным на голове, типа Карате-пацан.

Эм, ладно. Какого хера?

На разделочной доске перед ним лежит грейпфрут, арбуз, ананас и другие фрукты.

— В чём фишка? — спрашиваю я Челси.

— Он делает замороженный йогурт с этой начинкой, но просто смотри. Это круто. Я

видела его шоу в вагончике по Food Network.

Мои глаза дрейфуют обратно к фруктовому ниндзя, пока он делает глубокий вдох и за чем-то наклоняется вниз под прилавок. Внезапно он появляется с японской катаной в руках. Лезвие блестит на солнце, пока он поднимает голову и меч вверх.

— Ха-йййя-аа! — выкрикивает он, взмахивая мечом, и разрезая ананас напополам.

Толпа вокруг меня взрывается восторгом и аплодисментами. Кто-то бьет меня локтем, и я роняю банки с колой на землю.

Вот дерьмо.

Я не могу отвести глаз, даже когда вижу, как лезвие трансформируется у меня на глазах. Сверкающий меч трансформируется в короткий и грубый, и становится топором в его руках.

Блядь.

— Ха-йййя-аа! — кричит парень, и топор раскалывает грейпфрут, пока не веря, я пялюсь на то, как пояс на его голове превращается в тюрбан. Его белая кожа становится на тон темнее у меня на глазах, и его маленький подбородок выпячивается вперед, обрастая седоватой тонкой бородой.

Я замираю на месте. Горло горит от сухости, и я не могу произнести ни слова. Вагончик с едой исчезает, и превращается в песок. Я снова на разведывательной операции.

Он поднимает топор, и снова громко выкрикивает.

— Нет! — удаётся крикнуть мне, но становится слишком поздно. Я вижу, как лезвие погружается в голову Томпсона, и кровь течёт по его губам, когда красное содержимое его мозгов, выплескивается наружу.

Я заставляю свои ноги двигаться, и подо мной снова появляется асфальт, когда я перепрыгиваю через мусорный бак. Желчь поднимается по моему горлу, и меня тошнит в бак, пока я хватаюсь за его края для поддержки. Вытирая рот тыльной стороной ладони, я оглядываюсь через плечо на сцену. Вагончик фруктового ниндзя появляется перед глазами, и парень пополам разрезает арбуз. Это не голова моего Капрала.

Люди, которых я никогда не встречал, пялятся на меня и осуждают, но мне плевать. Нахуй людей.

— Дерьмо, ты в порядке? Что случилось? — Челси мгновенно мчится ко мне.

— Да, — лгу я. — Со мной всё хорошо. Я, эм, думаю, американский горки сказались на мне хуже, чем я думал, — я пытаюсь говорить убедительно.

— Правда? Значит, нам лучше найти Криса и Лорен и вернуться в отель.

— Нет!

Она отступает и пялится на меня.

— Прости, я просто не хочу портить такой хороший день. Со мной всё в порядке, правда. Я просто не так молод, каким привык себя считать, и больше не могу выдерживать такие дикие поездки, — в моём голосе теперь больше уверенности. Я почти сам себе верю. — Плюс, я всё ещё хочу сделать Лорен предложение на колесе обозрения. Вот где я хочу сделать это. Клянусь, я в порядке, ладно? Не говори ей об этом, иначе она снова начнёт переживать, — умоляю я.

Челси прикусывает губу и смотрит на меня в поисках подтверждения правды.

— Ладно, — наконец-то соглашается она. — Давай найдём их. Но больше никаких американский горок! — упрекает она.

— Вот тебе крест, — я следую за ней к столикам для пикника.

Я могу пообещать, что больше не пойду на американские горки, но как я могу

пообещать, что *это* никогда не повторится?

Никак.

Глава 32

Лорен

2014

— Нам стоит уже, наверное, вернуться в отель, — я смотрю, как по небу вниз скользит солнце, словно барометр нашей энергии опускается в конце каждого дня.

— Ооооо, мам, я даже не устал, — зевает Крис, как только произносит свои слова. Я не могу не засмеяться. Он не изменился с тех пор, как ещё носил подгузники. Всегда пытается заполучить ещё одну историю или сыграть в ещё одну игру перед тем, как пойти спать.

— Ну, может, ты и не устал, но этого не скажешь обо мне, — я провожу рукой по его коротким чёрным волосам.

Мак ничего не говорит, он выглядит отрешённо. Так он ведёт себя с полудня. С тех пор, как они вместе с моей сестрой сходили за едой. Я знаю, что Челси хотела поговорить с ним о чём-то, и просто надеюсь, что она не забралась под его кожу. Я знаю, что у моей старшей сестры лучшие намерения, и что он рьяно защищает меня, но она может слегка перегнуть палку.

— Что думаешь? Готов продолжать? — я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Мака. Он красив. Солнце пляшет в его голубых глазах и подчеркивает рыжеватый оттенок его щетины. Он выглядит сурово сексуальным. У меня даже может открыться второе дыхание, когда мы доберёмся до отельных апартаментов. Даже ещё больше воодушевления, когда я наслажусь таким представлением по дороге.

— Хммм, — он медленно стряхивает мысли, которые его поглощали. — Уходить? О, нет. Я хотел прокатиться ещё раз перед уходом, — он смотрит на меня, и затем бросает на Челси быстрый взгляд.

— Боже, ты такой же, как и Крис, — хохочу я. Конечно, он такой же. Каков отец, такой и сын.

— Нет, я имею в виду, я хочу взять тебя на колесо обозрения перед уходом. Только мы вдвоём, — от улыбки в уголках его рта собираются морщинки. Как я могу сопротивляться чему-либо, чего хочет этот мужчина?

— Эй, дружок, — вмешивается Челси, — что скажешь, если мы пойдём в нашу комнату и посмотрим телевизор: я разрешу тебе заказать обслуживание в номер и немного мороженого, — Челси закидывает руку на плечо моего сына и слабо сжимает его.

— Правда? Да! Ладно, — Криса легко осчастливить. Я так счастлива, что мой сын наконец-то вернулся. Беззаботный мальчик, которого так легко заставить улыбаться.

— Увидимся с вами двумя завтра за завтраком, — Челси подмигивает мне. По крайней мере, я думаю, что мне. У меня складывается ощущение, что это адресовалось Маку.

— Спасибо, — я улыбаюсь ей в ответ, но она даже не смотрит на меня. Всё её внимание на Маке. В чём дело?

— Веди себя хорошо с тётей, и не засиживайся долго, ладно? — я кладу руки на плечи Криса, и обнимаю его так сильно, как он позволяет обнять его на публике.

— Мам! — стонет он, тревожно оглядываясь по сторонам. Думаю, мне удалось смутить его.

— С нами всё будет в порядке. Ребята, просто наслаждайтесь ночью, — Челси наконец-то смотрит на меня, и подталкивает Крису, обняв его рукой.

Я смотрю, как они уходят, а потом поворачиваюсь к Маку. Он выглядит так хорошо в розоватом оттенке заходящего солнца. То есть, он в любое время дня выглядит красиво, но золотому часу не просто так дали такое название. Желание покалывает во мне, и я обнимаю руками его плечи, и становлюсь на носочки, чтоб подарить ему поцелуй.

— Ты знаешь, мы тоже можем пойти в отель. Я не заинтересована в просмотре фильма, но я думаю, что смогу тебя занять, — мурлычу я у его щеки.

— Я собираюсь туда подняться с тобой, — он скользит руками вверх по моей спине, и слегка прижимает меня к своему телу. — Сразу после того, как мы вместе сходим на колесо обозрения.

Серьёзно?

— Оу, ладно. Думаю, — должна признать, я слегка выпячиваю губы. Как тупой подъём может быть более важным, чем мы вместе голые?

— О, давай же, отпусти эту губу, — улыбается он, сдавливая меня немного, — Я знаю тебя с шести лет, а мы даже ни разу не прокатились вместе. Давай сделаем это на колесе, а потом я по-другому прокачу тебя, — тембр его голоса понижается, и моя киска сжимается от мысли.

— Ну, если ты так настаиваешь, — я отхожу от него, но удерживаю его руку, — веди.

Пока мы пересекаем парк, держась за руки, я вспоминаю, как мы ходили таким образом во время обеденных перерывов. Я так гордилась, держа за руку Мака Форрестера, пока остальные девочки давились завистью и хотели быть на моём месте. Когда я чувствую тепло его ладони, которое уверяет меня, что я всё ещё его девочка, чувство такое, будто между нами не было прошедшего времени.

Мы становимся в очередь на колесо обозрения, и я счастлива увидеть, что она редет, и мы поедem со следующим подъёмом. Не то, что я не хочу провести время с Маком, я ценю сентиментальность и всё остальное, но у меня всё больше и больше причин отправиться в отель. Например, снять всю его одежду и боготворить каждый дюйм его точёного сильного тела. И другие подобные вещи.

— Подожди здесь секунду, ладно? — Мак ухмыляется мне, и я отпускаю его руку. Он отходит прежде, чем я отвечаю, и я наблюдаю, как он идёт в начало очереди, и начинает разговаривать с парнем, который отвечает за подъем колеса.

Что, мать его, он делает?

Парень встаёт и энергично пожимает руку Мака. Мак достаёт кошелек и выуживает оттуда пару купюр, сворачивая их в руке и вжимая в ладонь паренька, но тот отказывается. Он машет руками, словно они щетки-дворники на машине, которые смахивают воду со стекла. И что он задумал? В последний раз, когда я видела Мака за подобным занятием, было в вечер нашего выпускного, когда он заплатил парню в гараже гольф-клуба Колорадо, чтобы тот дал нам гольф-кар. Они пожимают руки, и Мак возвращается ко мне коронной походкой и с улыбкой.

— И к чему это всё было? — я подозрительно смотрю на него.

— Ничего, о чём стоило бы переживать. Просто мило поболтали, — поддразнивает меня Мак.

— Аа-га, — я знаю Мака Форрестера, и я знаю, что он что-то замыслил. Хотя у меня нет времени выплескивать это на него потому, что очередь начинает двигаться вперёд, и мы

проходим к нашим местам.

Когда мы достигаем передней линии, где стоит управляющий колесом, он смотрит на Мака, и по-дружески кивает ему. Мы занимаем наши места, и я притягиваю решётку на бёдра, закрывая её.

— Я знаю, что ты что-то задумал, Мак.

Он широко распахивает глаза, в попытке изобразить невинный взгляд.

— Понятия не имею, о чём ты говоришь.

— Ну да.

Кабинка двигается вперёд, и начинает подниматься на колесе обозрения. Что бы Мак ни задумал, это ускользает от моего мозга, пока мы поднимаемся на самый верх, и я окидываю тронутый розовыми лучами мир вокруг нас.

— О, Боже мой, какой же потрясающий закат отсюда, — шепчу я, и Мак обнимает меня рукой.

Стук!

Наша кабинка замирает на месте, как только мы достигаем пика подъёма. Вы надо мной издеваетесь? Я смотрю на Мака, я думаю, мне не нужно много времени, чтобы раскусить его план.

— Мак, если ты хоть на секунду задумался о том, что я займусь с тобой сексом здесь, тебе лучше подумать ещё раз, — громко шепчу я.

Он не говорит ни слова. Его глаза коварно блестят.

— У тебя абсолютно, серьёзно никакого шанса! Ты с ума сошёл? — нервно шиплю я, оглядываясь вокруг.

— Лорен, успокойся. Я не поэтому попросил его остановить колесо, — он засовывает руку в карман, и достаёт маленькую коробочку. Прежде, чем я могу осмыслить, он щёлкает бархатной крышкой, и вытаскивает кольцо с алмазом.

— О, Мак!

— Лорен, послушай, у меня были большие планы, привести тебя сюда и сказать тебе, как красиво ты выглядишь в лучах такого заката, — он кивает на темнеющие тени розового и фиолетового цветов, которыми окрашено небо вокруг нас. — И как блеск этих первых звёзд, которые ты видишь, не идёт в сравнении с блеском твоих глаз. Не пойми меня не правильно. Это правда. Но, на самом деле, я просто хочу, чтобы у нас были воспоминания всей жизни, которые будут стоять таких закатов. Я хочу, чтобы ты взяла мою фамилию, была моей женой, и родила мне детей. Ну, ещё детей. Я хочу тебя. Навсегда.

— Конечно. Да... Да! — мой голос дрожит, и я учувствую себя, будто во сне. Мак вытаскивает кольцо из коробочки и берёт мою руку, скользя сверкающим алмазом по моему пальцу.

— Ты — моя. Навсегда, — счастливо мурлычет он.

— Навсегда, — соглашаюсь я, опуская голову на его плечо, и поднимая руку к небу, любуясь кольцом в лучах уходящего солнца. Я хочу запечатлеть у себя в памяти картинку этого момента и запомнить её навсегда как день, когда моя жизнь началась сначала.

Глава 33

Лорен

2014

Дверь лифта открывается, и Мак выносит меня из него на руках.

— Что ты делаешь? — пишу я, болтая ногами в воздухе. Мне нравится, с какой лёгкостью Мак может смести меня с ног. Буквально.

— Собираюсь перенести невесту через порог, — нет ни единой ошибки в его намерениях, которые написаны у него на лице. Если бы я была раненной газелью, я бы нервничала, видя, как животное смотрит на меня таким взглядом. Но Мак ещё не знает, что я — не газель. Я — лев.

— Мы ещё не женаты, — я изображаю фальшивый протест. Четно говоря, я не надеюсь, что он поставит меня назад на ноги. Мне нравится быть в его руках.

Мак останавливается перед дверью нашей комнаты, и придерживает меня хваткой одной руки, пока второй выуживает ключ-карту из кармана.

Шш-вик! Бип! Дверь перед нами открывается. Мак проходит внутрь и протезом захлопывает дверь.

Он прошёл длинный путь, даже за короткое пребывание в «Спэдлинге». Теперь его движения грациозные, он овладел искусством маневра на ноге или ношения женщин в кровать. Могу поспорить, он готов снова сесть на мотоцикл. Мысль накатывает на меня несколькими волнами желанья. Мысль о том, как он сидит на своем майке, в кожаной куртке и его татуировки выглядывают из-под горловины.

И почему на нас сейчас до сих пор одежда?

— Может, это ещё и не наша первая брачная ночь, — Мак подносит меня к кровати и бросает на неё, — но я собираюсь трахнуть тебя, будто у нас медовый месяц.

— Разве не это ты делал на выходных? — мои глаза жадно блуждают по нему, пока он расстёгивает рубашку. Мак скользит ею по своим плечам, и татуировки показываются одна за другой. Каждая создана как этап его жизни, в которой меня не было. Так же сильно, как я люблю его тату, мне больно видеть, как время оставило свой вечный отпечаток на нём и его коже навсегда.

— Выходные были неплохим тест-драйвом, — он бросает футболку на пол позади себя, — но в данный момент я собираюсь объездить тебя, будто я тебя украл, — его голубые глаза блестят от приглушенного света, и я слышу у себя в своё сердцебиение.

— Стань сюда, — Мак тянется вперёд и тянет меня за руку, чтобы я могла встать на пружинной кровати. — У меня отсюда прекрасный вид, — ухмыляется он мне снизу.

— Вид на что? — я смотрю вниз на него и устойчиво становлюсь на кровати.

— Тебя, устраивающей мне стриптиз, солнышко, — он отпускает мою руку и разворачивается, хватая небольшой стул у стола через комнату. Подтаскивая его к кровати, он усаживается и выжидающе смотрит на меня.

Я никогда ни перед кем не раздевалась. Джоел был хорошим мужчиной, но он не был особо возбуждающим в постели. Я чувствую себя немного глупой, но огонь в глазах Мака помогает мне найти храбрость.

— У меня нет музыки, — говорю я, выпаливая своё самое лучшее оправдание.

— Ну, дай мне это исправить, — Мак встаёт и поворачивается к телевизору с MP3 станцией. Ники Минаж появляется на экране, пока голос Сэра Микс-Э-Лота даёт мне вдохновение. — Моя анаконда не хочет ничего, кроме твоих кроликов, зайчик (прим. перев. — слова песни «*My anaconda don't want none unless you got buns, hun*»).

Мак садится назад на своё место.

— Идеальная песня для тебя, — улыбается он.

Ладно. Я поняла.

Я начинаю вилять бедрами и просто падаю на свою большую задницу. Я не могу лежать.... Это смущает. Не обращая внимания на смех, который пытается подавить Мак, я смотрю на телевизор. Никки как всегда, заставляет Дрейка переоценить свою жизнь, пока он трясёт её задницей.

Хорошо, я поняла.

Я быстро стягиваю рубашку, и бросаю её в лицо Маку.

— Эй, ты что делаешь? — он стягивает рубашку, а я ёрзаю на спине, снимаю штаны.

— Тебе нельзя разговаривать. Ты должен смотреть, — мурлычу я, опуская джинсы на пол возле кровати. Сдавленный смех Мака прекращается, а его брови сходятся вместе, но его внимание на мне.

Я переворачиваюсь на руки и колени, смотрю на изголовье кровати, поворачиваясь к Маку своими полными изгибами. Наклоняясь вперёд на локтях, я выставляю свою попку вверх и работаю бедрами, пока моя полная попка не начинает трястись под бит песни. Я оглядываюсь на него через плечо. Мак сидит, будто под заклинанием. Порыв уверенности прокатывается по мне, и я по кровати ползу вперёд, медленно вытягивая ноги. Затем я отталкиваюсь назад, пока не остаюсь у самого края кровати, а моя попка и киска подрагивают в дюймах от лица Мака.

От его рта.

Снова опускаю голову к одеялу, но моя попка до сих пор дрожит, пока я прижимаюсь ухом к кровати. Я прижимаюсь грудями к матрасу так, что моя попка ещё больше становится центром внимания. Я слышу дыхание Мака внутренней частью бёдер, а моя киска становится всё влажнее от желания.

— Не двигайся, — рычит Мак. Прежде, чем у меня есть шанс, я чувствую его сильную руку на бедре, которая пришивает меня к месту. Он наклоняется вперёд, пока его губы не касаются края моих трусиков, и проводит зубами по коже моей попке, пока сжимает на них зубы и тянет вниз по заднице так, что киска становится выставленной напоказ.

Я дышу в одеяло, грудь прижимается к матрасу каждый раз, когда я делаю вдох. Теплый язык Мака без предупреждения ударяет между моих складок и быстро находит мой уже болезненный клитор. Его нос прижимается между моих ягодиц, пока он хоронит своё лицо во мне. Он закручивает язык, проводит им по щели, а потом расслабляет его, заставляя меня застонать и сжать одеяло пальцами.

Руки Мака падают с моих бёдер, и тут же скользят между ними, зарываясь в мою плоть, и отрывают меня для него почти болезненно широко. К счастью для меня, его поцелуй там утоляет боль. Его губы окружают мой клитор, а его мягкий язык без усталости ударяет по мне. Всё, что я могу делать, это стонать, пока удовольствие выворачивает мое тело.

— О, блядь, не останавливайся! — выкрикиваю я. Экстаз накатывает на моё тело, будто звезда взрывается в супернову. Взрыв начинается в моей киске и курсирует по мне. Пальцы на ногах подгибаются, захватывая простынь, пока я закатываю глаза назад и кричу.

Мак отодвигается от меня, и я замираю на месте. Ни один мужчина не заставлял меня чувствовать такое. Я чувствую себя богиней, которую боготворили языком.

Пора вернуть должок.

Я сажусь на пятки, кровь шумит в голове. Когда я прекращаю видеть звезды, я поворачиваюсь, и Мак уже стоит перед стулом абсолютно голый.

Чёрт подери, он большой. Его толстый член уже готов для меня, слегка покачиваясь под

своим весом.

Скользя с края кровати, я становлюсь перед ним и стягиваю с себя трусики, которые до сих пор висели на середине бёдер.

— Тебе нужно сеть, — инструктирую я. — Я ещё не закончила шоу, — я легонько толкаю его, и он падает на стул.

— О, и что ты надумала? — мурлычет он.

Но я не скажу ему. Я покажу. Я скольжу между его бёдер и опускаюсь на колени перед моим мужчиной. Его прохладный протез касается моей кожи с одной стороны, и это ошеломляющий контраст по сравнению с теплом, которое исходит от второй его ноги. Я помню, что мы занимались сексом в моём доме, мне нужно было привыкнуть к новым ощущениям, но я люблю это.

Мак был моим героем с тех пор, как мы были детьми и он врезал Бенджамину Риду в нос просто за то, что тот толкнул меня в лужу с грязью. Я помню, какой опустошённой я была, когда грязь пропитала моё пастельное жёлтое платье, и как Мак поднял меня на ноги, и направился напрямик к Бенджамину. Я не могла не улыбнуться, когда он стирал мои слёзы опухшими костяшками пальцев. Я знала, что он был героем моей жизни.

Его нога — всего лишь физическое напоминание того, что мне придётся делить моего героя с остальной Америкой.

Его член так близко к моим губам. Я могу почувствовать жар его кожи. Высовывая язык, я облизываю всю его твердую длину от основания и медленно возвращаюсь к головке. Я смотрю ему в глаза, пока обворачиваю языком вокруг его самой чувствительной части, и он стонет, пристально наблюдая за мной. Широко открывая рот, я беру его глубоко, скользя его членом по своему языку, пока он не касается горла. В последний раз, когда он вошёл в мой рот так глубоко, я подавилась. В этот раз я расслаблена и контролирую свои рефлексy, пока отталкиваю свой комфорт, пока мои губы не обнимают основание его члена.

— О, чёрт, — шипит он.

Я поднимаю голову, позволяя его члену скользнуть по моему языку, а потом в моё горло снова и снова. Это немного медленнее, чем когда я использую и рот, и руки одновременно, но я не думаю, что кто-нибудь из нас спешит. У нас впереди вся ночь.

— Встань, — хрипит Мак.

Думаю, один из нас всё-таки немного торопится.

Я выпускаю его член из своих губ и поднимаюсь перед ним в полный рост.

— Хорошая девочка. А теперь повернись. Я хочу увидеть, как твоя толстая задница дрожит, пока я трахаю тебя, — его руки направляют мои бёдра, с лёгкостью опуская меня на его толстый член. Я такая влажная от того, что он заставил меня кончить, что в этот раз он скользит во мне легче. Я полностью опускаю задницу вниз, пока не сажусь на его бёдра, а его член не наполняет меня до предела.

Используя подлокотники стула и силу ног, которая, я знала, у меня была, я объезжаю Мака, будто девочка-ковбой объезжает быка. Мак оборачивает руки вокруг меня, хватая меня за грудь, пока моя киска тесно сжимается вокруг него.

— Господи, Лорен, ты так чертовски красиво выглядишь, — мурлычет он мне на ухо. Мак внезапно подталкивает меня вперёд, и я падаю на кровать лицом вниз без предупреждения. Через секунду он стоит позади меня между ног, пока я нагнута над кроватью.

— Что ты делаешь? — я удивлена тем, как он меня бросил, будто тряпичную куклу, но я

не расстроена. Это чертовски горячо.

— Я сказал тебе, что собираюсь трахнуть тебя, будто я тебя украл, — он оборачивает руку вокруг моего горла и тянет вверх голову от кровати, пока вколачивается членом обратно в мою киску одним гладким толчком. Я стону от ощущения наполненности им. Мак придерживает моё лицо под подбородком так, чтоб я смотрела на потолок, моя спина выгнута и я полностью под его контролем. Его толчки становятся быстрее, и я стону, пока он продолжает жёстко трахать меня.

Я чувствую, как в моём теле зарождается всё больше удовольствия, пока Мак берёт то, что принадлежит ему. Моё тело резко напрягается, пока волна оргазма прокатывается по мне. Последний был горяч и интенсивен, будто взрыв, но этот — медленней, а блаженство больше напоминает жидкий огонь в холодную ночь.

Мак трахает меня ещё жёстче, и всё, что я слышу, это звук наших шлёпающих тел, пока он вколачивается в меня сзади, а его движения становятся безудержными до тех пор, пока он не наполняет меня спермой. Мак отпускает мой подбородок, и я падаю на кровать, счастливая лечь в объятия своего экстаза.

Он присоединяется ко мне на матрасе, притягивая к себе так, что мои ноги больше не свисают с края кровати.

— Я люблю тебя, Лорен, — шепчет он в мои волосы.

Я чувствую, будто обрела свой хеппи-энд. Я обручена с единственным мужчиной, которого любила с самого детства. Ради Бога, он — мой герой. Мак Форрестер.

— Я тоже тебя люблю, — шепчу я в ответ. Чувствую, как дремота накрывает меня, унося меня в царство сна. Я буду спать, зная, что у меня всё наконец-то получилось. У нас получилось. И что мы больше никогда не расстанемся.

Глава 34

Мак

2014

— «Потому что ты знаешь, что я здесь из-за басов, из-за басов. *Никаких высоких частот!*» (прим. перев. — слова из песни «Because you know I'm all about that bass, 'bout that bass. No treble») — Лорен и Челси подпевают самому горячему треку в данный момент, пока мы с парнишкой едем сзади. Очень мило, что Лорен веселится и расслабляется хоть раз. Отдых за эти последние несколько дней пошёл ей на пользу.

— «Ага, совершенно понятно, что это не второй размер», — Лорен и Челси смотрят друг на друга с широчайшими улыбками, пока подпевают словам. — «*Но я могу потрясти ими, потрясти ими, как и должна*», — Лорен смотрит назад на меня и подмигивает.

Разве это не так? Она доказала это в отеле. Чёрт, я до сих пор не могу выбросить картинку из головы её, стоящей на четвереньках и трясущей своей попкой перед моими лицом. Не уверен, хочу ли я даже. Я всегда знал, что в ней есть диковинка, но тогда в школе мне стало намного легче, когда она позволила мне трахнуть её. Я был так счастлив снова и снова заниматься сексом в миссионерской позе. Теперь мне кажется, она могла бы научить меня одному-двум трюкам.

Я смотрю на Крису, но он прислонил голову к окну и закрыл глаза. Умный ребёнок. Я бы тоже хотел прикрыть глаза, но после армии я никогда не мог расслабиться во время длинных поездок. Отъезжать от базы на большое расстояние — одна из самых опасных

вещей, которые ты можешь сделать в военной зоне. Это отличная возможность для врага окружить твой транспорт и открыть по нему огонь. Так мы потеряли очень много хороших мужчин и женщин, на которых я мог рассчитывать.

Вместо этого я плююсь за окно и пытаюсь расслабиться. Мне стоит просчитать свой следующий шаг. Например, где я собираюсь жить. Лорен предложила остаться с ней. Переехать. Я хочу, но я не уверен, не будет ли это слишком быстро для Криса. Последнее, что я хочу сделать, это начать нашу семью с кислой ноты. Я хочу, чтобы ему было комфортно со мной всю жизнь.

Скажет ли Лорен Крису, что я — его отец? Как он это воспримет? Я не перестаю думать о том, что мы все приближаемся к минорной ноте. И под минорной нотой я имею в виду жизнь под влиянием перемен. Я предполагаю, что нужно сосредотачиваться на одной вещи за раз. Сначала прояснить ситуацию с жильём, а потом и остальное.

Песня подходит к концу, и начинается обзор новостей.

— Сегодня мы все скорбим, потому что мы потеряли ещё одного солдата в подстроеном взрыве в Афганистане. Всего лишь спустя три месяца после того, как наши подразделения были отозваны с войны, потеря девятнадцатилетнего Прайвета Беккета очень болезненна...

— Выключи, — шипит Челси на Лорен, и дёргает головой в мою сторону. Лорен быстро нажимает на кнопку, и в машине воцаряется тишина.

— Тебе не стоит делать это, Лорен. Я в порядке. — Но мой голос не совет за меня. Его тембр говорит мне правду. Они знают, как тяжело для меня слышать о том, что ещё один из моих братьев потерял жизнь там.

Девятнадцать. Господи, я почти на десять лет старше его. Он был ещё совсем ребёнком.

Мои глаза возвращаются к окну, и я наблюдаю за пылью, которая проносится мимо нас. Челси замедляет внедорожник, когда оранжевый знак на дороге сообщает нам, что впереди пробка из-за ремонтных работ. Проклятые дорожные работы. Почему нельзя было сделать всё ночью, чтобы сейчас люди могли спокойно проехать? Я никогда этого не понимал. Вместо этого они перекрывают дорогу, делая неудобным движение транспорта, когда все куда-то спешат. Кажется, смысла в этом предостаточно.

— Ты можешь как-нибудь объехать? — я пытаюсь скрыть резкость в своём голосе. Ладони начинают потеть от мысли, что мы застрянем в длинной пробке.

— Объехать? Нет, нам просто нужно подождать, — Челси замедляется до черепашьей скорости, когда мы приближаемся к машине впереди нас. Дорогу сузили до одной полосы, и все машины пропускают по очереди.

— Замечательно, — бурчу я, потирая ладони одна о другую.

Снаружи пыль от крупного песка и грязи из выкопанной впереди посреди дороги ямы окутывает машину со всех сторон. Это напоминает мне о песочных смерчах, с которыми мы сталкивались каждый день в Афганистане. Чёрт, я не скучаю по ним. Крупинки песка царапали мне лицо, словно маленькие лезвия. Я инстинктивно рту тыльной стороной ладони по лицу, и прищуриваю глаза. Пусть хоть крутящийся песок и снаружи окна, реакция — машинальная.

— Ого, посмотрите на эти огромные фуры, — Лорен смотрит за окно, когда наша машина начинает подрагивать и трястись. Массивные нагруженные фуры спешат вперёд нас, везя асфальтную крошку и камни.

— Они шумные, — жалуется Челси, повышая голос, чтобы её услышали.

Я закрываю глаза на мгновение, и борюсь с паникой, которая поднимается по задней стенке моего горла. Дыши. Это строительная зона, а не военная. Просто дыши. Я оглядываюсь на окно позади, и чувствую, как от капелек пота покалывает затылок, когда перегруженные жёлтые грузовики исчезают за рядами старых жёлтых автобусов. Окна закрыты черными пластиковыми пакетами для мусора, так что вы не увидите, что внутри.

— Езжай! Нам нужно ехать! Давай! — приказываю я, но мой человек за рулем не двигается. — Почему ты не едешь? Нас окружили!

— Я не могу проехать, — звучит отдалённый голос, будто плохая передача по радио. — Парень впереди меня не двигается!

— У нас нет на это времени. Нам нужно убираться отсюда, — я открываю дверь нашего «Хаммера» и выпрыгиваю. Песок окутывает мои сапоги, пока я марширую к водителю нашего конвоя, который решает рискнуть жизнями других, пока враг приближается.

— Что ты делаешь? — я барабаню в его окно. — Езжай! Сейчас же! Из-за тебя нас все убьют! — я хлопаю ладонью по стеклу, водитель подпрыгивает на месте и смотрит на меня. — Не смотри, блять, на меня просто так! Я сказал заводи и езжай. Нас окружили! Неужели ты не видишь те автобусы?

Он ничего не делает, этот дезориентированный ублюдок. Может, он боится. Говорят, некоторые просто замирают с неподходящий момент. Этот парень худшего выбрать не мог. Я дёргаю ручкой его двери и хватаю его за униформу, моё лицо в дюймах от его:

— Послушай меня, тебе нужно ехать, или всех нас здесь убьют! Ты слышишь меня? Заводи свой транспорт немедленно! — кричу я. Его напарник тоже начинает кричать, но я не могу разобрать слов.

Водитель просто пялится на меня. Он явно не собирается убирать свою машину с моего пути. Я не могу вот так потерять своих людей. Мне нужно что-то сделать. Быстро. Я наклоняюсь вперёд, отстёгиваю его ремень безопасности, и вытаскиваю его из «Хаммера». Если он не сдвинет с места эту машину, это сделаю я. Я забираюсь внутрь, и у меня сводит живот.

Рядом со мной женщина. Откуда она взялась? Я осматриваюсь вокруг и «Хаммер», в котором я сидел пару секунд назад, исчезает. Вместо него я сижу в минивэне, ужас сковывает моё сердце, и в груди появляется чувство, будто её сжали до хруста, пока крик женщины рядом со мной наконец-то доходит до моего слуха.

— О, Боже мой! Пожалуйста, пожалуйста, не причиняйте нам боли! Отпустите нас! Можете забрать машину, просто отпустите нас с детьми! — визжит она.

Я смотрю в зеркало заднего вида на плачущих детей на заднем сидении. Что происходит?

— Выйдите из машины, и опустите руки за голову! — рывкает мужчина с моей стороны. Я поднимаю голову, и вижу полицейского, стоящего в полуметре от меня с наставленным пистолетом в мою сторону.

Блять.

— Я сказал, выйдите из машины, сэр! — он повторяет, и я подчиняюсь, медленно скользя с сидения пока мои ноги не опускаются на асфальт подо мной. Я опускаю ладони на свою голову, и меня тут же прижимают к асфальту. Руки скручивают у меня за спиной, и холодный укол металла касается моих запястий.

Меня с легкостью поднимают двое мужчин, и я впервые замечаю красные и синие лампы полицейской машины. Всё кажется нереальным. Будто сон. Это не может быть на

самом деле. Я просто моргаю, и жду, пока мой мозг проснётся, но он не просыпается.

Оглядываясь по сторонам, я вижу, как люди стоят у своих машин, вытянув руки с телефонами. Их лица перекошены от ужаса и неприятия.

— Мак! — я дёргаю голову на голос Лорен, и вижу, как она кричит с обочины. Крис под ее рукой, и его лицо вжалось в её рёбра. Челси стоит рядом с ними обоими и смотрит на меня.

— Берегите голову, сэр.

Один из полицейских надавливает на мой череп, и я опускаюсь на заднее сидение полицейской машины. Он хлопает дверью перед моим лицом, и я вижу, как снаружи машины Лорен продолжает выкрикивать мое имя.

Это не сон. Это ебанный кошмар.

Глава 35

Лорен

2014

Как так получается, что я снова паркуюсь перед полицейским участком, чтобы забрать одного из моих мальчиков? Маку сказали, что после пару-часового задержания он может быть свободен. Он позвонил мне и попросил забрать его. Конечно, я сказала «да», но не по тому, что я счастлива это сделать. Нам с ним нужно серьёзно поговорить. Некоторые вещи выходят из-под контроля.

Мак, вероятно, заметил меня, когда я припарковалась, потому что он быстро пересекает парковку в направлении моей машины. По его обычной походке и лёгкой улыбке я бы никогда не сказала, что он тот самый человек, который сегодня в ужасном утреннем инциденте вытащил бедного мужчину из его машины.

Он открывает дверь и низко наклоняет голову, чтобы посмотреть на меня.

— Эй, красавица, спасибо, что забираешь меня из этой дыры, — дразнит он с блеском в глазах.

— Садись, Мак, — звук моего голоса напоминает сигнал плоской линии на кардиомониторе. Счастьем здесь и не пахнет.

Улыбка Мака исчезает, и уголки его губ опускаются, скрывая зубы, но он не возражает. Он скользит на пассажирское сидение и закрывает дверь с громким хлопком.

— Как насчёт ужина? Я куплю бутылку хорошего вина, и мы сможем устроить тебе отдых, когда вернёмся домой. Твой сладкий нектар может стать моим десертом, — он прищуривает глаза, и понижает голос.

Он такой сексуальный. Я могла бы потерять все свои ощущение, своё зрение, слух, обоняние, и всё равно не ошибусь в этом. Мысли о его лице, похороненном между моих ног на самом деле достаточно, чтобы отвлечь меня на секунду.

Но этого никогда не будет достаточно, чтобы исправить то, что случилось сегодня на дороге.

— Мак, нам нужно поговорить, — ухмылка сбегает с его лица, и он отказывается смотреть на меня. Вместо этого, он сжимает челюсти, и просто пялится перед собой.

— Лорен, послушай, я знаю, что сегодня все пошло немного по-сумасшедшему, но всё будет нормально. Полиция решила, что в этом случае не стоит выдвигать серьёзные обвинения, так что я не думаю, что нам нужно переливать из пустого в порожнее.

Если бы это был иностранный фильм, в субтитрах под его словами было бы написано только два слова: оставь это.

Часть меня хочет отпустить. Поверить, что это была лишь внештатная ситуация. Что ничего не нужно менять.

Та часть меня — сраная лгунья.

— Нет, Мак. Нам нужно обсудить это, потому что это не может так продолжаться. Ты хоть помнишь, что ты сегодня сделал? Ты помнишь, как выволок отца из его же машины перед его женой и детьми, и попытался уехать? Потому что это сцена, которую, я не думаю, что забуду.

Брови Мака сходятся вместе, будто тёмные тучи накатывают на небо. Я ищу признак воспоминания на его лице. Какой-то маленький знак того, что он на самом деле помнит, но его отсутствующий взгляд простирается вперёд на миллионы миль и говорит мне, что он не помнит.

— Полиция просветила меня по этому поводу, — наконец-то бурчит он.

Его веки выглядят, будто он не спал несколько дней. Ясно, что он не оставил войну в прошлом. Может, он и ушёл живым из Афганистана, но его душа всё равно барахтается в ловушке где-то там, и её, словно военнопленного, мучают до смерти.

— Мак, я... — мой мозг находится в поиске. Я хочу быть с ним нежной. Хочу найти правильные слова, чтобы сказать то, что должна. Хотя я знаю, что он просто почувствует дерьмо, даже если обложить его цветами.

— Я хочу, чтобы тебе помогли. Тебе нужна терапия.

— Нет.

В его голосе нет злости, но его единственное слово бьёт по мне, будто кулак по грудной клетке.

— Мак, пожалуйста, просто послушай.

— Нет, это ты послушай, — он опускает голову и его голос звучит едва ли громче шёпота. — Со мной нет ничего неправильного. Мне не нужен анализ меня от шарлатана и вопросы о том, любил я свою мать или нет. Я — солдат, Лорен. Я был на войне, и видел, как умирают мои люди. У меня есть плохие дни. Так это работает. Мне не нужно ходить к какому-то священнику Кумбая или на сеансы а-ля «обними меня», чтобы узнать это.

— Послушай, не мне судить, ладно? Так что я не собираюсь притворяться, что могу поставить тебе диагноз или что-то в этом роде, но я думаю, у тебя может быть посттравматический стресс, Мак. — Он фыркает, и кривит губы в возражении. — В этом нет ничего позорного! — быстро добавляю я, пытаюсь сгладить удар по его эго. — Чёрт, после того, через что ты прошёл, было бы более шокирующе, если бы у тебя не осталось шрамов, которые нужно исцелять. Я просто хочу наилучшего для тебя и для нашей семьи. Я не могу позволить, чтобы в жизни Криса ты ходил, словно тикающая бомба.

— Не говори мне о бомбах, Лорен. Я достаточно их видел. Ты единственная, кто раздувает из этого проблему. Я не собираюсь отсиживаться на кушетке терапевта просто потому, что у меня был плохой день. Этого не будет. Конец. Грёбаной. Истории. — Он вколачивает свой кулак в другую свою ладонь с каждым отчеканенным словом.

Огромная часть меня хочет просто отпустить и поставить точку в этой истории. Вспоминаю лицо нашего сына, когда он увидел Мака в смятении, и ярость бурлит в моём мозгу. Я не могу поставить точку в этой истории. Крису нужна стабильность, ему нужен отец, а Мак не в том состоянии, что им быть.

— Это не просто плохой день, Мак, и ты это знаешь. Челси рассказала мне о том, что случилось возле фруктового вагончика. Я знаю об этом. Крис сказал мне, что на кладбище с тобой было что-то не так. Мак, ты бросил меня на землю, когда мы были на беговой дорожке. Ты помнишь? Я думала, ты просто пытался валять дурака, но я много об этом думала. Это случилось потому, что раздался скрип тормозов машины, не так ли? Это не просто единичный случай, или один день. Становится хуже, и я не могу позволить этому стать частью нашей жизни.

Я тянусь через машину и кладу свою руку в его. Он пялится на меня, как и его сын, когда ему нужно утешение. Я достучалась до него?

Внезапно он отдёргивает свою руку, словно от укуса змеи. Нет, нет, не достучалась.

— Ты сама сказала, не тебе судить, Лорен. Ты не терапевт. В последний раз, когда я проверял, ты была медсестрой. Так что, что насчёт того, чтобы позволить большим мальчикам делать свою работу, а тебе переживать о своей? — Его глаза блестят от ярости, и лицо обретает алый цвет. — В последний раз говорю, со мной всё нормально. Я не какой-то изящный цветок, поняла? Мне не нужно сидеть и рыдать над и чувствами. И я не собираюсь на сраную терапию! — он выплёвывает последние слова, словно ядовитую отраву.

В машине воцаряется молчание, и накрывает нас, словно волной прилива.

— Хорошо, — я нахожу свой голос и смотрю на руль. — Если ты не хочешь помощи, тебе придётся уйти. Я не могу взять тебя домой, Мак, — слёзы колют глаза, когда я понимаю, что мне нужно сделать.

— О чём ты говоришь? Ты пытаешься шантажировать меня?

— Шантажировать? Нет. Это ультиматум. Ты или получаешь помощь, в которой нуждаешься, или больше не сможешь стать частью нашей жизни. Я не могу постоянно думать о том, когда же ты снова взорвёшься. В этот раз ты вытащил невинного человека из машины. Ты знаешь, как увиденное сегодня расстроило Криса? Что ты сделаешь в следующий раз? Изобьёшь кого-то до смерти? Нет. Ты или получаешь помощь, или уходишь, — мой голос дрожит, но я приняла решение.

Снова молчание. Оно режет мой слух больше, чем мой крик или крик Мака. Я продолжаю пялиться на руль, надеясь, что Мак услышит причину. Что он поставит семью, не говоря уже о его здоровье, выше своего раздутого эго и упрямства.

— Хорошо, — вздыхает он.

О, слава Богу. Я молча молюсь. Спасибо тебе!

Мак тянется к дверной ручке и открывает дверь, выходя из машины прежде, чем я полностью понимаю, что происходит.

— Значит, я уйду.

Он хлопает дверью перед моим лицом, и марширует назад в полицейский участок, пока я, не веря, наблюдаю за ним.

Мак Форрестер менее чем неделю назад, только вошёл в мою жизнь снова, и теперь он опять сбегает. И в этот раз, я думаю, это к лучшему.

Глава 36

Мак

2014

Дубовый стол под моей рукой — твёрдый, а кружка пива — холодная, словно мороз.

Оба чувства удерживают меня в приземлённом состоянии. После того, что случилось сегодня, я знаю, что мне нужно это состояние. Нахмуренные брови Лорен и её мягкие глаза отпечатались у меня в мозгу, и внезапно я больше не хочу этой приземлённости. Я хочу нажраться в хлам.

Сейчас всего лишь четыре часа дня, и паб больше напоминает город-призрак. За исключением бармена есть молодая пара, хохочущая в кабинке и неряшливый пьяный парень, который вцепился за барную стойку, будто это жена, которая от него ушла.

Напротив меня новостной канал рассказывает нам своё мнение о фактах. Ведущие новостей продолжают кричать друг на друга, словно дети, сражающиеся за внимание матери. Они обсуждают каждый момент, будто всё имеет одинаковый вес, будь то инцидент с пьяным водителем, или Ким и Кейн — всё под одну гребёнку.

— Будут ли отбивание на каблуках в моде для хип-хопа? Выясните это в новостном обзоре для грядущего лета, который пройдёт в следующем часе.

Комментарий пытается заманить нас энергичными историями. Серьёзно? Это новости, или доктор Сьюс, мать его? Это раздражает больше, чем белый шум. Пока моё лицо не мелькает на экране.

О, это не хорошо.

Конечно, они используют фотографию с моего выпускного в военном училище, где я одет в униформу. Как долго нужно побыть бывшим военным, чтобы они перестали использовать такие фото? Пять лет? Десять?

Мой мозг возвращается к моему первому дню в Вест Поинте, когда Старший Сержант Скильник построил нас в гражданской одежде и обратился к нам со вступительной речью.

— Добро пожаловать в Вест Поинт, дамы и господа. Давайте я проясню вам, что это будет последний раз, когда кто-то обращается к вам таким образом. Отныне не важно, что вы делаете. Не важно, куда вы идёте. В первую очередь вас будут узнавать по вашему отношению к армии. Для некоторых быть награжденными — честь, и ни с кем не будут обращаться как с принцессой. Так что запомните это, когда будете покупать свой первый дом или когда вас арестуют за первое преступление. Это будет ваше звание, ваша служба, и именно армия Соединённых Штатов — та, кто открывает для вас эти двери, и та, которую вы запятнаете плохими решениями. Выбирайте осторожно.

Блять.

Моё внимание мечется обратно к телевизору, когда я пытаюсь вслушаться в комментарии того же ведущего, который секунды назад, я думал, подавится на смерть в прямом эфире.

Блондинка со строгим макияжем и слишком завитыми волосами вмешивается в разговор.

— ... понято, что капитан Форрестер потерял его. — Она делится своим профессиональным объективным взглядом. — Вы видели видеосъёмку? — интересуется она. — Это просто постыдно. По моему мнению, ему стоит отдать обратно медали, которыми его награждали. Такой человек не должен иметь высшую награду за отвагу.

— Эй, — я перекрикиваю программу и машу рукой бармену. — Ты не против переключить канал?

Парень за прилавком даже не отрывается от своего телефона. Он просто поднимает пульт и переключает канал на кулинарное шоу.

— Эй, чувак. Прости за опоздание, — Камерон Армстронг подходит сзади, и ставит

стул рядом. — Долго уже ждёшь? — он смотрит вниз на пиво, которое в глотке от того, чтобы закончиться.

— Не-а, выпил только одно, — я поднимаю бутылку и приканчиваю пиво.

— Ладно, ладно, возьмём нам еще парочку, — он подрывается со стула и направляется к бару.

Как насчёт парочки десятков?

Я отвлекаю себя, отдирая этикетку от своей пустой бутылки из-под «Стеллы», а Камерон со стуком ставит на стол еще две, и снимает свою крутку, вешая на спинку стула.

— Я рад, что ты позвонил, старик, — он искренне смотрит на меня. — Я надеялся, что мы когда-нибудь сможем выпить.

— Спасибо за то, что выбрался. Я знаю, что это было по первому требованию.

— Я всё равно много не планировал на сегодня, так что это идеально, — от его куртки доносится звук булькающей воды. Камерон тянется в карман, и выуживает телефон. — Дерьмо, прости за это, — он проводит большим пальцем по экрану, и пара огромных сисек заполняет экран в сообщении. — Я забыл поставить на виброзвонок. Сейчас сделаю, — он оставляет сиськи, и роется в настройках.

— Кажется, у кого-то жизнь бьёт ключом, Армстронг, — я киваю на телефон. — Подфартило, а?

Мой старый капрал пожимает плечами.

— Ты знаешь, как это. Все эти девушки — всего лишь вспышка, и ничего стоящего. Не так, как у тебя с этой девушкой Лорен. Это дерьмо выглядит как реальная вещь, — он давится смешком, глядя на телефон, и прячет его в карман, делая большой глоток пива.

Будто нож в спине провернули, не так ли?

Вместо того чтобы смешивать себя с ещё большим дерьмом, я просто приканчиваю треть своего пива.

— Ты знаешь, это самая сумасшедшая вещь, — продолжает он, глядя на горлышко бутылки. — Мне доступна любая вагина налево и направо, но я не могу выбросить сестру Лорен из головы после игры. Она...эм... вообще меня не упоминала? — он смотрит вверх на меня.

— Что? А, нет. Не при мне, по крайней мере. Мы с ней не близки или что-то в этом роде.

Его рот кривится в улыбке, будто он о чём-то глубоко задумался.

— Эй, старик, ты думаешь, смог бы привести её на еще одну игру для меня? Или... может дать ей мой номер?

— Серьёзно? Армстронг, сколько нам лет? Мы что, в старшей школе? Может, ты ещё хочешь оставить ей записку в научном классе? — мои слова переплетены с раздражением, как узлы на шнурках кроссовок звезды Мистера Квотербека.

— Господи, чувак, кто нассал тебе в тарелку? — он хмурится на бутылку, и я улавливаю волну понимания на его лице. — О, эм... ты знаешь что? Ты прав. Мой промах, старик. Я знаю, что у тебя был хреновый день, — он смотрит вверх и делает скромный глоток.

Я вздыхаю. Очевидно, он знает о сегодняшнем инциденте. Думаю, все знают. Эту пилюлю тяжело проглотить.

— Нет, об этом не переживай, — отмахиваюсь я, будто пытаюсь отвадить от себя плохие флюиды. — Я дёргаюсь, потому что мы с Лорен порвали.

Камерон медленно проглатывает полный рот пива, а его брови взлетают до небес, пока

он осматривает меня.

— Я не знал. Это дерьмово, старик.

— Ага. Я просто пытаюсь понять, что делать. Я думал, что смогу пожить у неё, но теперь, думаю, мне нужен план Б.

— Ты остаёшься со мной, — быстро перебивает Камерон. Он не спрашивает меня. Это не приглашение. Это — утверждение.

— Это мило в твоей стороны, но тебе не стоит делать этого. Поверь мне, я не поэтому попросил тебя прийти.

— Нахер это. Ты остаёшься со мной. Решено. Бросишь кости у меня настолько, сколько потребуется, чтобы разобраться в себе... Эм, то есть, понять себя, — он нервно смотрит на меня.

— Спасибо.

Почему-то слово кажется мне таким ничтожным, чтобы выразить свою благодарность.

— Не начинай, — он пожимает плечами. — Звучит так, будто в последние дни ты побывал в аду. Если проживание у меня поможет, дом в твоём распоряжении. Я никогда не смогу отплатить тебе за то, что ты сделал для меня, капитан. Немногие рискнули бы своей жизнью, как ты, чтобы спасти меня. Если сон на моём диване — это то, что может тебе помочь, значит, можешь оставаться столько, сколько понадобится, — он чеканит слово за словом.

— Ты хороший человек, Армстронг, — я отпиваю ещё немного моей девочки «Стеллы», и она так легко идёт.

— Не начинай, Капитан. Но... — его глаза мечутся к моим, и он нервно облизывает губы.

— Да?

— Я просто хочу, чтобы ты знал, что я помогу тебе всячески, как смогу. Типа, если тебе нужно будет плечо, чтобы опереться при ходьбе или что-либо ещё, с этим я тоже могу помочь.

— Мне не нужна помощь, спасибо, — мои ледяные слова заканчивают разговор.

Камерон поднимет этикетку от своего пива и странным образом скручивает её. Он выглядит будто на распутье.

— Я думаю, нужна, — наконец-то отвечает он, и его голос едва ли громче шёпота, но намек ясен как никогда.

— Послушай, мне не нужна помощь, — в третий раз за день повторяю я. — Если это что-то типа верёвочек, за которые ты хочешь подергать, чтобы я остался, значит, забудь, — я со стуком ставлю бутылку и встаю. Я не имею понятия, куда я направляюсь, но я не собираюсь сидеть здесь и слушать это дерьмо.

На экране начинаются пятичасовые новости, и включается дневное видео с дрожащей картинкой, которое я уже видел сегодня ранее. Я остаиваюсь и в ужасе плююсь, когда я вижу себя — яростного, паникующего и кричащего на бедного мужчину в минивэне, чтобы он проехал. Ужас на моём лице — неоспоримый, и мой желудок бьётся в конвульсиях, как рыба на льду, когда я, словно призрак сверху, наблюдаю за собой возле машины.

— Это история сегодняшнего дня, — ведущая с ярко-красными губами сообщает в камеру. — Капитан Мак Форрестер, выпускник Вест Поинта, и известный герой, ветеран, который потерял ногу, спасая несколько человек на войне в Афганистане, был арестован за инцидент, свидетелями которого вы только что стали.

Я плюхаюсь назад на своё место, разрушенный. Запускаю пальцы в волосы, и спускаюсь ими по затылку, пока пытаюсь переварить то, что только что увидел.

Блять.

Я поднимаю взгляд на Камерона, и тяжело сглатываю, чтобы утрясти чувство, будто однотонная фура с кирпичами только что вывалила на меня всё своё содержимое, и придавила насмерть.

— Ладно, старик, — я киваю, и закрываю глаза, пытаюсь найти слова: — Мне нужна помощь.

Глава 37

Лорен

2014

Мой телефон звонит, сообщая о ещё одном сообщении от Челси. Я уже проигнорировала пять её звонков на домашний телефон. Теперь она разрывает мой мобильный.

Я поднимаю его с кофейного столика и читаю сообщение:

«Прозвони мне. Это срочно».

Лучше бы кому-то быть мёртвым или попасть в неприятность. От такой мысли внутри меня тут же закипает вина. Я звоню своей сестре, но не проходит и одного гудка, как она берёт трубку.

— Лорен! Ты слышала что-нибудь от Мака? — задыхается она.

— Челси, ты, правда, названиваешь мне каждые две секунды, чтобы спросить об этом? Я кладу трубку, — то, что было виной несколько секунд назад, теперь кипит и шипит от злости у меня в желудке.

— Нет, подожди! Я не имею в виду вас двоих, я имею в виду, ты видела, что он даёт интервью? Я отправила тебе ссылку. Завтра у него встреча с Купером Сандерсом, и они запишут интервью вживую. Он никогда не даёт интервью на CNB, — тараторит она.

Я иду к своему компьютеру и открываю имейл, который она мне отправила. Конечно же, в нём ссылка с домашней страницей CNB. Кликаю по ней, и на меня пялится фотография Мака в военной форме. Та же фотография, которую используют в новостях всю неделю. Просто под ссылкой видео с YouTube с чрезмерно большим значком «проиграть» посередине. Мне не нужно кликать по нему. Я уже видела сцену с Маком на дороге сотни раз за несколько прошедших дней. Чёрт, я видела её столько раз, что крупнозернистое изображение видео проигрывается у меня в голове машинально.

Челси всё ещё булькает о чём-то в телефоне, но я не слушаю. Мои глаза сканируют статью под видео, и она права. Мак даёт эксклюзивное интервью с Купером Сандерсом завтра вечером.

— Ты думаешь, они будут говорить о нас? — я не могу сказать, льстит ли Челси эта идея или пугает. — Ты думаешь, он собирается рассказать о том, что случилось? — продолжает она.

— Я не могу тебе сказать, — угрюмо отвечаю я. Одно известно точно — я включу канал, чтобы узнать.

Глава 38

— Я нанесу немного пудры на твой нос, и всё. Ты не захочешь, чтобы твоё лицо блестело перед камерой, — девушка, которую я трахнул на заднем сидении машины в Афганистане наклонилась ко мне и провела мягкой кисточкой для мейкапа по моему лицу. Её сиськи выглядывают из-под низкого декольте её рубашки. — Всё, готово, — она отходит на шаг назад и восхищается своей работой, моргая длинными ресницами.

Она хорошенькая, это грех отрицать. Слишком глупо смотреть в её глаза. Это будто посмотреть вниз из Великого Каньона. Бесплодная, лишённая чего-либо, безграничная пустота. Что там недавно Камерон говорил о таких чиках? Всего лишь вспышка, и ничего существенного.

Но не Лорен. Внутри всё выворачивается, когда я в десятый раз вспоминаю последний час, когда оставлял свою женщину. Снова.

— Спасибо, эм... — нет ни единого шанса, что я вспомню имя этой женщины. Лорен назвала бы её бимбо, приносящей карточки из моего фан-клуба, но она оценила бы её кличку. Хотя по бессодержательному взгляду, который она мне возвращает, я могу и не волновать её так, как вы думаете.

— Тиффани, — она радостно заполняет пробел. По тому, как её лицо не сдвигается ни на дюйм, понимаю, что в нём либо полно ботокса, либо ей всё равно, что я забыл.

Или и то, и другое.

— Ладно, давай уберём отсюда эту хрень, — Купер идёт к стулу, который стоит напротив меня и готовится к интервью. — Спасибо, Тиффани, ты тоже можешь идти, — приказывает он ей. Девушка практически подскакивает со своего места, взмахивая волосами, будто в рекламе шампуня.

Не могу поверить, что я находил девушек вроде неё сексуальными. Когда однажды оказываешься с такой женщиной, как Лорен, всё, что ты видишь, это как другие не дотягивают до её уровня. Как только у тебя в руках оказывается предмет искусства, рисование мелком на асфальте кажется насмешкой.

Купер сидит на самом краю стула напротив меня, держа в руках маленькую стопку бумаг. Его команда суетится вокруг нас, проверяя провода и настраивая камеры. Я никогда не понимал, как всё работает в интервью. Когда он присоединился к нам в пустыне, его подготовка была похожа на обглоданные кости по сравнению с этим.

— Ладно, я хотел пройтись с тобой по некоторым вопросам, чтобы у тебя было понимание, о чём пойдёт речь, — он опирается локтями на колени, и говорит едва ли громче шёпота. У меня складывается ощущение, что он не даёт предварительного ознакомления к своим интервью по самым накалённым вопросам.

Камеры следовали за мной весь день, записывая меня «настоящего». Они сняли, как я готовлю еду, бегаю на своём протезе и снимали посторонних людей, которые узнавали меня и благодарили за мою службу. Я начинаю чувствовать себя, будто в информационной рекламке, которая продаёт порции капитана Америки ака Мака Форрестера.

Но подождите, если так пойдёт и дальше, они снимут, как я ласкаю щенят и целую детей.

— Очевидно, что мы покажем видео с трассы, ладно? После я собираюсь спросить тебя, думаешь ли ты, что это было подобающее поведение для высоко-почётного ветерана. Я знаю,

что это звучит грубо, но не переживай, я собираюсь продолжить репликой о том, как тяжело тебе пришлось и что всё это раздутые инсинуации. Ладно? — он смотрит вверх на меня своими голубыми глазами почти стального цвета, и я вижу, что он переживает за меня.

Ему не плевать.

— Тебе не нужно делать этого, — я пробегаю рукой по подбородку и пытаюсь игнорировать внутренний голос, который говорит мне, что всё это можно прекратить, если я всего лишь позволю. Кажется, мой старый друг Купер Сандерс предлагает мне бесплатный билет из тюрьмы. Я буду дураком, если откажусь от него?

— Чёрта с два не нужно! — он повышает голос, а после осматривается по сторонам. Мы оба вскидываем головы, словно сурки, ищущие тень в феврале, но если кто-то из персонала и услышал его крик, то оказался слишком занятым, чтобы обратить внимание.

— Иди сюда, — он наклоняется ко мне, — посмотри на это, — продолжает он, закатывая рукав рубашки, пока нижняя часть его руки не открывается моему взору. — Видишь это? — его голубые глаза сфокусированы на мне.

— «Я могу...», — я не вижу всей татуировки на руке Купера, но он знает её окончание.

Его закрученные шрамы становятся отметкой времени, проведённого в пустыне. Время, которое я хотел забыть. Время, которое призраком преследует меня сейчас, не оставляя даже во снах. По всей длине его руки, «изображена» карта той самой местности Афганистана, на дороге которой нас трусливо атаковали, но мы оба выжили

— Пластические хирурги хотели её восстановить. Сделать так, чтобы она исчезла, — он говорит со мной, будто открывая глубочайший секрет. — Я сказал им оставить её. Знаешь почему? — от его голубых глаз всегда было тяжело отвернуться. Сейчас было не легче.

— Почему? — слово кое-как сформировалось на моём языке.

— Потому что когда я пошёл туда, сделать репортаж о тебе и роте, я думал, что я — король, — он, вспоминая, грустно улыбается. — Я думал, что это был пик моей игры. Герой, по крайней мере, в сфере журналистики. Вот почему я всё время хотел оставаться с вами, ребята. Я убедил себя, что был таким же отпетым, как и вы, только без униформы, знаешь? — он хмурится, и закрывает глаза.

— Ладно, — я не знаю, что ещё сказать. Разве стоит говорить ему, что мне жаль, что Афганистан разрушил его карьеру? Что то, что мне оторвало ногу подосрало ему её? Меньше слов всегда лучше, как я уже понял.

— Ага, вот что я думал. Пока граната не разорвалась у моих ног. Я ведь замер там, так ведь? — он открывает глаза, и просто смотрит на меня, будто хочет подтверждения тому, что и так уже знает. Я киваю, но не говорю ничего. — Но ты — нет, — почтительно говорит он. — Ты, блядь, даже не колебался. Вообще. — Он смотрит через своё плечо снова, но всем плевать на нас, как и пять минут назад. — Ты спас мне жизнь, — его голубые глаза внезапно выглядят немного темнее, когда его глазное яблоко начинает затуманиваться. — Так что, если я могу вернуть услугу, тебе стоит знать, что я сделаю это.

Он садится ровно и откидывается спиной на стул, глядя на меня, будто мы пара детей, которые устроили состязание.

— Спасибо, — наконец-то отвечаю я, позволяя тому, что он сказал, проникнуть в меня. Второй шанс. Или это уже третий? Так или иначе, он снимает меня с крючка, и это предельно ясно.

— Мы начинаем через пять минут! — произносит бестелесный голос сбоку от нас. Никто из нас не отводит взгляда. Наверное, я не единственный, кто вырос со старшим

братом. Эта игра в «гляделки» только для самых опытных и сильных соперников.

— Понял, — Купер так и не отрывает взгляд, даже когда руководит шоу. Стоит уважать такого рода дерьмо.

Наконец-то, я отворачиваюсь. Ну, смотрю через его плечо. Я смотрю на своё прошлое, которое стоит всего лишь в паре футов от меня. Тиффани. Её полные сиськи и пустая голова напоминают мне о всём, что я ненавидел в капитане Америке, которого, они думали, они знали. Она напоминает мне о всём, за чем я скучаю в Лорен.

— Через пять, четыре, три, две... — человек за камерой не считает последнюю секунду, боясь, что его услышат в эфире. В конце концов, запись вживую.

Пока Купер представляет шоу, я пытаюсь вытолкнуть мысли о Лорен из головы, и сфокусироваться. Если я собираюсь исправить нанесённый ущерб, мне нужно прекратить пускать по ней слюни, и расположить к себе умы и души.

Умы и души. Потому что такие миссии всегда хорошо срабатывали для меня.

— Добро пожаловать на шоу, — Купер прерывает мои мысли, и ровнее садится в кресле. — В последний раз, когда я видел вас, вы были пациентом в медицинском учреждении «Уолтер Рид». Вы учились ходить на своём новом протезе. Единственный раз, когда мы до этого встречались, когда вы потеряли ногу, спасая мне жизнь.

— Спасибо за то, что отдали мне преимущество, — резко киваю я. Не хочу прямо сейчас позволять своему мозгу возвращаться назад, к тому дню. Не тогда, когда я каждый день тяжело борюсь, чтобы отпустить его.

— Кажется, будто вы прошли долгий путь от мужчины, который, как я видел, боролся за каждый шаг в «Уолтер Рид». Вы бы сказали, что уже приспособились к жизни с ампутированной ногой? — он так легко бросает мне этот вопрос, будто мячик для софтбола легонько кинули в перчатку младенцу.

— Думаю, приспособился. Теперь я живу, как обычный американец. Нет ничего, где бы я почувствовал, что моя нога сдерживает меня. Я научился бегать на своём новом протезом, и каждый день выбираюсь на пробежку и даже забеги. Чувствую, будто обрёл свою прежнюю жизнь до потери ноги, за исключением одной вещи, — я смотрю на него.

— Какой вещи?

— Я всё ещё не сел обратно на свой байк. Следующим шагом будет именно это. Не могу передать вам, как я соскучился по езде, — я чувствую себя немного расслабленным, пока наша беседа скачет от меня к нему и обратно, словно мячик для пинг-понга.

— Если память мне не изменяет, думаю, у вас были планы вернуться домой после войны и пересечь страну на мотоцикле. Это всё ещё в перспективе? — глаза седовласого ведущего блестят.

— Вам лучше поверить, что на следующей неделе я собираюсь забрать свой байк со склада и сделать несколько коротких заездов по берегу.

— Конечно же, — он улыбается. — Для тех, кто не знаком с вашей историей, я бы хотел запустить видео нашего разговора, и съёмку вашего героического поступка в Афганистане. Я должен предупредить зрителей: это видео — с очень яркой графикой и жестокостью, как и бывает на войне. Я настоятельно рекомендую отослать детей до четырнадцати лет из комнаты, если они сидят рядом с вами, — он даёт свой совет, и делает паузу, снова, не моргая. Я начинаю задумываться, нужны ли ему вообще веки.

— Всё в порядке? — он смотрит за моё плечо на продюсера. Лысый мужчина смотрит на монитор перед собой, и поднимает большой палец вверх.

— Хорошо, значит, люди увидят репортаж, который мы сняли в пустыне. После мы вернёмся к вам, и поговорим о том, что случилось недавно, хорошо? — его брови выглядят так, будто он собирается нахмуриться, но с его ботоксом и макияжем этому не бывать.

— Звучит хорошо. Спасибо, старик.

Несколько членов команды возле нас возятся с ноутбуком на маленьком столике.

— Как видишь, для обсуждения того, что произошло недавно, я собираюсь проиграть часть видео. Каждый видел его, так что нет надобности, смотреть видео полностью. Думаю, семнадцать миллионов просмотров более чем достаточно, — он давится смешком.

Семнадцать миллионов просмотров? Вот сколько людей увидело моё безумие? Цифра кажется такой огромной, такой абстрактной, что я даже не впадаю в смятение. Не могу представить, как выглядит даже тысяча людей, не говоря уже о семнадцати миллионах.

Хотя у меня даже нет времени обдумать это, потому что мужчина за камерой снова нам сигналил.

— Мы возвращаемся, через пять, четыре, три, два...

Андерсон смотрит прямо в объектив.

— Добро пожаловать обратно. Я нахожусь здесь, с капитаном Маком Форрестером, и для тех из вас, кто был способен просмотреть всю запись, которой мы только что поделились, очень легко понять, почему прозвище «Капитан Америка» прицепилось к вам. Героизм, который вы показали в тот день, был не чем иным, как отважным поступком супергероя, — его глаза отрываются от камеры, и он смотрит прямо на меня.

Я пытаюсь не скривиться от сравнения.

— Эм, спасибо.

— Например, я хочу поблагодарить вас за службу и отвагу, которую вы проявили, когда началась атака. Наверняка для вас, распространившееся на этой неделе видео с вами на автостраде, после которого, сразу сколько людей по отношению к вам оказалось агрессивно настроенными, стало сюрпризом. — Он потирает большим и указательным пальцем бугорок на ладони. — Мне было противно, когда я увидел заявления о том, что ваши награды нужно аннулировать. Как вы справились с этим нежелательным последствием для капитана Америки?

Я моргаю, пытаюсь оставаться в настоящем.

— Если быть честным, — я громко прочищаю горло, — это имя никогда со мной не уживалось. Оно всегда заставляло меня чувствовать, будто я не почитаю людей, которых потерял в тот день, когда меня сравнивают с Голливудским персонажем. Как я чувствую себя от того, что люди злятся? — я смотрю на свою отсутствующую ногу. — Мне жаль, что я подвёл людей, но больше меня тревожит мужчина, которого я выволок из его же машины, и что напугал его семью и детей, и то, что заставил чувствовать его семью. Они настоящие люди, на чьи жизни я повлиял, и мне очень жаль.

— Думаю, это уместно. Хотя, мне кажется, что вся эта ситуация была раздута. Как показало последнее видео, которым мы только что поделились, вы прошли через большее, чем большинство людей даже сталкивались. Вы настоящий герой. Вы пожертвовали своим здоровьем и безопасностью, чтобы спасти других. А теперь, когда у вас произошла вспышка ярости из-за дорожной пробки, люди требуют, чтоб вы вернули свои медали? У меня каждую неделю бывают такие вспышки! — его непредвзятый репортаж скрывается за его эмоциями. — Все иногда становятся раздражительными. Я собираюсь проиграть немного видео с событиями, которые произошли немного ранее на этой неделе, на случай, если есть

зрители, которые его ещё не видели, — он наклоняется вперёд и нажимает «проиграть» на уже загруженном видео.

Ни экране запускается уже знакомый кадр. Я видел кусочки и отрывки этого видео на всех новостных каналах на протяжении всей недели. Обычно, примерно десять секунд — это всё, чего хватало, чтоб я сорвался и выключил его. Всё моё тело покалывало, пока я наблюдал, как я же бил по окну машины мужчины. Странно видеть, как вы сами делаете что-то, чего не помните. Это будто смотреть видео с самим собой со студенческой вечеринки. Кто этот парень? Не помнить события, это кажется сюрреалистичным.

Мы прошли ту часть, после которой я обычно тянусь за пультом. Теперь я с силой открываю дверь, и в панике отстёгиваю ремень безопасности мужчины. Внезапно, мне становится неудобно сидеть на своём стуле, будто я не могу найти на нём места, которое не колото бы мою кожу. Купер наклоняется вперёд, чтобы выключить видео как раз на моменте, когда парень, который его снял, поворачивается через машину к Лорен и Крису.

— Подождите, не выключайте, — я тянусь вперед и хватаю его руку.

Я чувствую, как взгляд Купера прожигает во мне дыру, но я не могу оторвать глаза от экрана. Крис пытается вырваться из рук Лорен, чтобы побежать ко мне, но Челси крепко удерживает его за плечи рядом с собой. Это тоже хорошо — с тем, в каком состоянии я был — я не знаю, чтобы я сделал, попытайся он вмешаться.

Всё внутри меня переворачивается, когда я вижу, как слёзы скатываются по его щекам прежде, как он прячет лицо в объятиях своей матери. Лорен выкрикивает моё имя, её тело содрогается от рыданий, но я слишком занят тем, чтобы вломиться в машину мужчины, чем знать, что они рядом со мной. Я отпускаю руку Сандерса, и он выключает компьютер.

— Так что, это не те действия, которые все ожидали от высоко-награждённого ветерана, — продолжает Купер, — но это не выглядит как небольшая вспышка дорожного гнева в пробке. В конце концов, вы застряли из-за дорожных работ, разве не так? — Он поднимает глаза на меня, побуждая меня подтолкнуть беседу, и помочь ему обыграть её.

— Нет, — мой голос ровный и пустой.

— Нет? Разве вы не были в зоне дорожных работ? — он звучит, будто его предали.

— Нет, это не была дорожная вспышка ярости. Я даже не был за рулем. Я думаю... — мой голос хрипит, и я делаю глубокий вдох. Я не стану плакать на национальном телевидении.

Я даю себе секунду, но не могу вытолкнуть лицо Криса, когда он побежал за мной, пытаюсь мне помочь... Что я сделал с ним? С Лорен? Со своей семьей? Я борюсь со слезами, которые скапливаются в уголках глаз.

— То, что случилось в тот день, не было вспышкой дорожной ярости, Купер, — моё признание наконец-то срывается с губ. — У меня, с тех пор, как я вернулся домой, случаются выпадения из реальности с фантомными провалами в зону боевых действий. Каждую ночь во сне, я возвращаюсь туда и сражаюсь. А иногда, когда что-то выводит меня из себя, я возвращаюсь туда и днём. Я, ну, думаю, что люди смотрят на меня, и видят то, что я снова научился ходить, и они говорят: «О, ему уже лучше. Он исцелился». Но я не исцелился. Потому что у меня внутри есть шрамы, которые никто не видит, и они разрывают меня. Теперь, только потому, что я могу ходить, мне не лучше. Не тогда, когда мой мозг все ещё пребывает на войне. — Я делаю глубокий вдох, и смотрю прямо в камеру. — Мне нужна помощь. Я собираюсь получить профессиональную помощь.

За плечами целый день рыбалки, и теперь мы сидим перед вечерним костром. Когда я впервые обратил внимание на проект «Одиссея», для раненых военных, я не полностью поверил в их программу. Она просто казалась желаемым представлением того, что вы с другими ветеранами, на неделю выбираетесь на природу с палаткой, и как-то вам становится лучше.

К счастью, когда я сел с координатором программы, Джемом, он сразу посвятил меня в то, как всё это работает. Это только первый мой день, но я уже чувствую ту знакомую мне связь, которая есть между братьями в армии. Появляется мгновенное понимание и уважение к каждому, кто служил своей стране. И эта связь чувствуется глубже, когда ты знаешь, что находишься с такими же, кто как и ты боролся за это.

Я пялюсь на огонь — мы все это делаем — когда Тим Байнс заканчивает своё выступление.

— Поэтому я здесь, — звучат последние слова.

— Отлично. Добро пожаловать в группу, Тим. — Его глаза пробегаются по нашим лицам. — Мак Форрестер? Ты не против поделиться с нами, зачем ты подписался на эту программу и что ты надеешься здесь получить?

Думаю, я готов. Чувствую, будто учитель в классе вызвал меня, потому что подошла моя очередь читать. Я вскидываю голову вверх и пытаюсь сфокусировать взгляд после огня, чтобы посмотреть на Джея.

— Эм, да. Конечно, — я прочищаю горло и неловко осматриваюсь. Хотя никто из остальных на меня не смотрит. Они загипнотизированы, как и я был пару секунд назад. Слушают, но под гипнозом огня.

Я немного расслабляюсь, понимая, что сейчас нет камеры, направленной на меня. Это не так, как тогда, когда президент награждал меня медалью за отвагу. Чёрт, это даже не так, как сидеть с Купером Сандерсом, что было в прошлом месяце. Это мои ребята. Мы ещё не знаем друг друга, но нашего общего опыта достаточно, чтобы связать нас.

— Когда я после Афганистана попал домой, у меня не было времени, чтобы многое обдумать. Меня настолько накачали болеутоляющими и медикаментами, что у меня был самый лучший сон за все годы. Но как только они прекратили давать препараты, у меня появилось время на раздумья. Я думал о людях, которых я потерял. Как я подвёл их и их семьи. Меня пожирала вина и злость. Честно, были дни, когда я хотел сдаться. Были дни, когда я спрашивал Бога, почему он не дал мне погибнуть там вместе с ними, — горло хрипит, и мне приходится проглотить ком. Я никогда не говорил об этих тёмных днях. Когда жизнь казалась более худшим выбором, чем смерть.

Я делаю глубокий вдох и заставляю себя продолжить. Никто не говорил, что это будет легко. Но ничего не даётся просто так.

— Однажды я разговаривал с пастором, который потерял руку вовремя второй замены личного состава, и он сказал мне, что у Бога на меня были планы, и не мне в этом сомневаться. Я прекратил испытывать к себе жалость, и сделал всё, чтобы исцелиться. Чтобы начать ходить. Чтобы заставить всех поверить, что я стал тем парнем, которым всегда был.

Я запускаю руку в бороду, и обвожу взглядом мужчин, которые сидят вокруг костра. Кто-то из них кивает, кто-то потерялся в своих собственных мыслях, но их взгляды всё ещё сосредоточены на красных языках пламени.

— И что случилось? — Джей перебивает мои мысли и подталкивает к продолжению.

— Думаю, я проделал чертовски хорошую работу, — смеюсь я. — Знаете, тогда весьма долгое время я сам себя дурачил, — моя улыбка гаснет, и я понижаю голос, — но начались фантомные воспоминания. — Я смотрю вниз на свои руки. — Первое выбило из меня дерьмо. Оно было насыщенным, — я смаргиваю слёзы и смотрю на Джея. Мне нужно смотреть в знакомое лицо, чтобы ощущать эту реальность.

— Ты знаешь, что это было оно? — подталкивает он меня.

— Нет. Ну, я знал, что в этом не было ничего хорошего. Я видел достаточно фильмов, чтобы знать это. Знаете что здесь самое смешное? Если бы кто-то другой сказал мне, что проходил через такую хрень, я бы сразу вычислил это. Я бы указал на них, и сказал «Эй, это ПТСР. (Прим. перев. — Посттравматическое стрессовое расстройство). Тебе стоит поговорить с кем-то. Это абсолютно нормально после всего, через что ты прошёл». Но я не смог признаться в этом дерьме самому себе. Я просто не смог.

— Почему? — стиль Джея задавать вопросы делает Купера Сандерса просто аматором. Я обдумываю это. Почему я не смог увидеть это у себя?

— Не смог, потому что не знал. Провалы... они становились хуже. А потом они стали ночными кошмарами. Я знал, что происходит у меня в голове, но я не хотел признавать этого. Честно говоря, мне до сих пор неловко, — я потираю руки, и снова смотрю на огонь.

— Знаете, — продолжаю я, — если бы это был кто-то другой, я бы сказал, что нет ничего неправильного в том, чтобы признать, что ему нужна помощь и всё такое. Но для меня это было не так. Это будто я вернулся к основам обучения, и мне говорят о ПТСР на одном из уроков. Даже тогда они говорили «в этом нет ничего позорного», но в этом было что-то фальшивое. Тон, которым это было сказано, закатывание глаз. Это было так, будто они должны научить этому потому, что существует какой-то закон или что-то в этом роде, а не потому, что они в это верят.

— Так ты чувствовала стыд. Ты все ещё чувствуешь его? — подталкивает Джей.

— Да. Думаю, да. Я не могу не чувствовать его, когда вы признаете, что у вас ПТСР. Эти четыре буквы висят на вашей шее, словно неоновый знак, который кричит «сломленный» всем остальным. Понимаете? — я обвожу глазами ребят у костра, и, не говоря ни слова, они кивают.

— Я просто... — мой голос ломается, — просто я потратил столько времени, пытаюсь всё исправить. Я хотел как-нибудь исправить то, что там случилось. Я хотел исправить свою ногу, чтобы никто, глядя на меня, не мог сказать, что это было ошибкой. Я хотел исправить чужие жизни, в которых я так или иначе облажался. Но я не мог исправить себя, не смог заставить это уйти... — слёзы струятся по щекам, и в горле чувство, будто я проглотил уголь. — Я не смог это исправить... — рыдаю я.

Слёзы скатываются по моим щекам на бороду, и на протяжении нескольких секунд единственные звуки в лагере — это треск огня и мои рыдания.

— Спасибо за то, что поделился, — наконец-то мягко произносит Джей. — Думаю, что в этой группе среди нас ты найдёшь многих, кто чувствовал или до сих пор чувствует себя так же. Ты не один. Это всего лишь первый шаг на пути к исцелению, но как только ты пройдёшь всю программу, думаю, ты считаешь себя сильнее, чтобы признать, что тебе

нужна была помощь, — осторожно объясняет он.

— Спасибо, — я стираю слёзы тыльной стороны ладони. Я чувствую, как с груди словно сняли камень, который давил и прижимал меня к земле. Я до сих пор на спине, но моим лёгким нужно работать, и мне уже немного легче дышать. — Я уже это чувствую.

Глава 40

Лорен

2014

Я возбуждена... Я нервничаю... Меня сейчас вырвет! Если бы мак Форрестер знал, как он влияет на женщин.

Прошло два болезненно длинных месяца с тех пор, как Мак открыто признался, что ему нужна помощь. Два месяца, на протяжении которых у меня не было возможности посмотреть ему в глаза.

Два месяца, на протяжении которых я не могла почувствовать его твёрдый, трахающий меня член.

Я имею в виду, у девочки тоже есть потребности, чёрт возьми! Не то, что бы я считала дни или что-то в этом роде. Всего лишь шестьдесят три дня. Видите ли, я едва ли заметила.

Не говоря о том, что мы не прикасались друг к другу два месяца. Вместо этого, мы говорили по телефону и переписывались как парочка тинейджеров. Я не чувствовала себя, словно влюблённый по уши подросток, улыбающийся телефону, с тех пор, как... мы с Маком были в старшей школе. Думаю, кое-что никогда не меняется.

— Ты так хорошо выглядишь, Лорен, — уверяет меня Челси, когда я в миллиардный раз всматриваюсь в себя в зеркале.

— Тебе не кажется, что на мне очень много макияжа? — я смотрю на неё в отражении зеркала.

— Нет, всё в меру. Ты и так обладаешь естественной красотой, а теперь и подавно, — улыбается она.

Сегодня Мак ведёт меня на свидание, и по моему сухому рту и нервно возбуждённому желудку вы бы подумали, что в своей жизни, я прежде не была на них. И то, что он не говорит, куда мы идём или что он запланировал, совершенно не помогает.

Я смотрю на себя в зеркало в последний раз. О, да кого я обманываю? Я через пять минут вернусь и снова стану себя разглядывать. Хотя, Челси права: мой макияж выглядит хорошо. Как и маникюр, и укладка, и хоть она не знает, но депиляция тоже внесла свою лепту.

Только потому, что она — моя сестра, не означает, что ей нужно знать каждую деталь.

Я поворачиваюсь к ней, и искры в её больших карих глазах заставляют меня задуматься, кто больше возбуждён? Она или я?

— Я надеюсь, я не разоделась. Или неодета, — я смотрю вниз на чёрную блузку и джинсы, в которые мне наконец-то удалось влезть.

— Всё с тобой будет в порядке! Ты выглядишь хорошо! Просто расслабься, Лорен. Ты не повеселишься, если твои лёгкие постоянно будут перенасыщены кислородом. У тебя будет отличная ночь, ладно? И тебе не стоит переживать по поводу Криса. У него есть самая лучшая в мире тётя, которая за ним присмотрит, так что остынь, ладно?

Я открываю рот, чтобы перечислить ей список стирки и других дел, но мой голос не

СЛЫШНО.

Вруум-тах-тах-тах!

Какого хера это было?

Челси, Крис и я спешим к окну гостиной, чтоб увидеть, как Мак ставит мотоцикл на подножку, и наклоняет его на одну сторону, когда отходит. Мне было страшно, что он появился на байке, если бы большая часть меня не умирала от желания к нему, пока он паркуется.

— Вау! — Крис произносит своё одобрение, и мы с сестрой наблюдаем, как Мак снимает шлем и идёт к двери.

Это выглядит словно сцена из фильма. Наверное, с Джеймсом Бондом, потому что есть крохотная деталь, в которую Мак меня не посвятил. Куда бы он меня ни брал, сегодня ночью для этого он надел смокинг.

Мучительно понимаю, что я одета неподобающе, и это ясно, как пить дать, но сейчас я не смогу надеть на себя даже две тряпки одновременно. Не тогда, когда капитан Америка ака Мак Форрестер, показывается в сексуальном прикиде на «Харлее».

Я спешу к двери и дёргаю её на себя с таким же терпением, с каким ребёнок распаковывает подарки на Рождество.

— Мак! — я обвиваю его руками раньше, чем он переступает через порог. Он смыкает руки на моей талии, с лёгкостью подминает меня и кружит.

На мгновение мой мозг вспоминает время, когда мы были детьми, и он уговаривал меня сходить на карусель в нашем парке. Я чётко помню, как цеплялась тогда за цепи качелей, словно за жизнь, пока в данный момент Мак кружит меня снова и снова до тех пор, пока я не чувствую тошноту, и не выкрикиваю его имя в полном ужасе. В мгновение, он начинает вращаться, словно циклон из ада, и хватает мои руки.

— Не отпускай меня, — отчаянно кричу я.

— Никогда.

Это было предложение из одного слова. Утверждение и обещание, которые впитались в меня.

Мак ставит меня на нетвердые ноги и быстро целует в кончик носа.

— Эй, Мак! — Крис подпрыгивает ко мне.

— Мой чувак! — Мак с энтузиазмом даёт ему пять.

Наш сын мог бы посоперничать сейчас с солнцем по яркости излучаемого света.

— Мак, приятно снова тебя видеть, — Челси улыбается ему.

— Эй, леди! Спасибо за то, что помогаешь мне, — он кивает ей и я знаю, что у меня нет интуиции супер героя, но Спайди внутри меня начинает шевелиться. Помогает ему с чем?

— Что на тебе надето? — перебиваю я их многозначительные взгляды. — Если на тебе смокинг, значит, я не одета так, как надо для того места, куда мы идём! — я смотрю вниз на одежду, которую я так мучительно выбирала, отклоняла, надевала и снимала, и всё-таки выбрала.

— Не переживай об этом! — Челси перебивает меня раньше, чем у меня есть шанс полностью утонуть во взгляде Мака. — Идём со мной, у меня кое-что есть для тебя, — она проходит рядом со мной и хватается за руку.

Сестра быстренько толкает меня наверх по ступенькам прежде, чем у меня появляется шанс выразить свой протест против того, что он просидит здесь внизу. Я оглядываюсь через плечо, пока мои ноги автоматически следуют за моей сестрой, и я вижу, как Крис и Мак

разговаривают, словно два старых друга на вечеринке.

Тяжело сходить с ума от того, что происходит здесь прямо сейчас, когда моё материнское сердце переполняется радостью.

Челси ведёт меня назад в мою комнату и отпускает руку, оставляя меня стоять у двери, пока сама совершает набег на мой шкаф. Какого хрена?

Она быстро отодвигает вешалку за вешалкой, пока не находит то, что ищет. Она, из дальней части шкафа вытаскивает лавандовое платье длиной в пол, и бросает его на кровать.

— Надень вот это, — улыбается она.

— Откуда это взялось? — я поражаясь пялюсь в свой магический шкаф позади неё, откуда могло появиться потрясающее длинное платье. Дверь в Нарнию там тоже есть?

— Я его там спрятала, — она выглядит чересчур гордой собой с выпяченной грудью и блестящими глазами.

— О, неужели?

— Ага, и я знаю, что оно идеально подойдёт, потому что видела остальную твою одежду. Ну, ту, которую ты обычно носишь, — она смеётся своей шутке о моей коллекции одежды, в которую я никогда больше не влезу.

Я смотрю на лавандовое платье на кровати, а потом снова на сестру. Я знаю, что в сердце она хочет лучшего, так что я не буду её спрашивать... Не сейчас, по крайней мере.

Вместо этого, я освобождаюсь от одежды, к выбору которой я приложила столько усилий, и надеваю платье.

— Ты можешь застегнуть мне его, пожалуйста? — я смотрю на неё через плечо.

— Конечно, — она помогает мне застегнуть молнию на спине, и я восторгаюсь, как лавандовый оттенок платья поигрывает от оттенка моей кожи. Я хорошо выгляжу, даже я могу сказать себе это.

— Куда Мак меня ведёт? И почему мы так одеты? — я поворачиваюсь к Челси и мы сталкиваемся лицом к лицу, как только я чувствую, что молния застёгнута до конца.

— Не-а. Я ни за что тебе не скажу, — припевает она. Будто пятилетняя версия её же дразнит трёхлетнюю меня.

Она цепляется за мою руку и практически вытаскивает меня из комнаты в ванную, а потом вниз по лестнице в гостиную.

— О, мам! Ты выглядишь как принцесса! — вскрикивает Крис, и я мгновенно краснею, глядя в пол, будто мне стыдно от его утверждения. Наверное, невероятно не круто говорить такое своей маме. Это может и не круто, но я бы солгала, если бы не сказала, что это не сделало мою неделю.

— Знаешь, а он не неправ, — глаза Мака скользят по мне с головы до пола. — Ты выглядишь потрясающе, но я не думаю, что ты выглядишь как принцесса, — он смотрит на меня после того, как обвёл глазами по моему телу вплоть до кончиков пальцев.

— О, нет? — я надуваю губы.

— Нет. Ты не выглядишь как принцесса, потому что ты не принцесса. Ты — моя королева, — он хватает мою руку и крутит вокруг своей оси маленьким кружком. Я кручусь и закрываю глаза, наслаждаясь тем, как платье разлетается и, закручиваясь, сходится к ногам.

Я на самом деле чувствую себя королевой. Его королевой. Подождите-ка минутку. У этой королевы нет туфель к этому платью.

— Мои ноги! — я останавливаюсь в мгновение ока, и прискорбно смотрю на свои ноги.

— Уже позаботилась, — улыбается Челси.

— Иди сюда, — Мак отводит меня к дивану, и я сажусь, как только ноги касаются мягкого.

Челси роется в дальнем углу моего шкафа для верхней одежды, и вытаскивает обувную коробку.

— Нашла!

Серьёзно? Мой дом полон спрятанных пасхальных яиц для этого свидания?

Она бросает коробку рядом с Маком, который опускается на колено возле моих ног. Он открывает крышку, и я, затаив дыхание смотрю, как он достаёт бархатную туфлю на высоком каблуке. Каблук, наверняка, пятнадцать сантиметров. Сегодня я официально сломаю себе шею, и это больше, чем просто очевидно. Я поднимаю взгляд на Челси, и её самодовольная улыбка почти обезображивает её лицо. Я на сто процентов уверена, что это была её идея.

Нет, на тысячу процентов.

Мак, ухмыляясь мне, держит его в руке.

— Давай посмотрим, подходит ли она, — дразнит он меня, надевая туфлю на мою ногу.

Она подходит. Идеально.

Мак надевает на меня вторую и я не могу не задуматься, не сгонять ли мне за тыквой для кареты. От воспоминания о том, что на подъездной дорожке нас ждёт мотоцикл, мой желудок превращается в лёд.

— Идеально подходит, — Мак встаёт и помогает мне подняться с дивана. На таких каблуках я использую любую помощь, которую найду.

Качаясь на грани катастрофы, я смотрю вниз на нашего сына, который отсвечивает всех нас своей улыбкой.

— Ладно, теперь мы пойдём, Крис. Пожалуйста, пообещай мне, что будешь хорошо вести себя с тётей.

— Я обещаю! — он чертит крестик на сердце, что напоминает мне, как это сделал его отец пару месяцев назад, давая мне обещание на заднем дворе.

— Я не могу обещать, что верну её сегодня домой, — Мак подмигивает Челси.

— Домой не спешите, мы в порядке, — радостно улыбается она. — Повеселитесь вдвоём!

Я следую за Маком к входной двери и дальше к байку, и задумываюсь о том, как это произойдёт.

— Вот, мы не поедem далеко, но я хочу, чтобы ты надела шлем, — он передаёт его мне.

— Эм, ладно, — хватаю шлем и смотрю на него.

— Мак! Лорен! Подождите! — Челси драматично кричит с крыльца. У неё что-то в руке, и она бежит к нам босиком.

— Вы чуть не забыли это, — она суёт белую картонную коробку Маку в руки, и после многозначительно смотрит на меня, прежде чем исчезнуть в доме.

— Что это? — я смотрю на руки Мака и жду, пока он откроет загадочную коробку.

— Это для тебя, — он открывает коробку, и внутри я вижу корсаж. (прим. пере. — маленький букетик к платью). Фиолетовые и белые розочки переплетённые с подмаренником (прим. перев. — другое название «перекати-поле»). Он надевает его на моё запястье.

— Лорен, окажешь ли ты мне честь пойти со мной на бал сегодня ночью? — он

пристально смотрит в моё лицо кристально голубыми глазами, и я даже не хочу сомневаться в своём благоразумии. Я просто хочу отдать свой билет, и прокатиться с Маком в сумасшествие, которое он явно для нас запланировал.

— Да, — я протягиваю руку для него. — Да, окажу.

Глава 41

Лорен

2014

Мак подъезжает к гольф-клубу Колорадо и останавливается. Я думала, что увидеть его на «Харлее» было сексуально, но я чуть не получила оргазм, оказавшись с ним на нём. Я никогда не знала, что я могу быть настолько возбуждённой и напуганной одновременно.

Он помогает мне слезть, и я быстро разглаживаю и подбиваю платье, которое превратилось в пару штанов, которые обволокли ноги. Я стягиваю шлем с головы, и надеюсь, что не сильно испортила причёску.

— Ты выглядишь невероятно, — мурлычет Мак, притягивая меня ближе. Моё самообладание испаряется, когда он обнимает меня сильными руками. Невозможно чувствовать себя не в безопасности, когда такой мужчина, как Мак Форрестер смотрит на тебя вот так. Его губы накрывают мои в нежном поцелуе. Покалывающее желания расплзается по коже, когда я таю в его сильных объятьях.

Я знаю, что Мак вложил много значения в сегодняшнюю ночь, это уже очевидно. Хотя, мне бы больше хотелось, чтобы он не доставлял себе стольких хлопот, и просто зарезервировал нам номер в отеле.

Было бы легче пережить пять минут без воздуха, чем два месяца без Мака. Каждая клеточка в моём теле жаждет его.

Нуждается в нём.

Кричит его имя.

Он отпускает мои губы после соблазнительного поцелуя, трепеща ресницами, я открываю глаза.

— Ты готова? — его глаза блестят.

— Поскольку ты до сих пор не сказал мне, что ты там приготовил, думаю, я, как и всегда, готова, — мои губы дергаются в улыбке и прогоняют моё недовольство. Он чертовски хорошо знает, что я это люблю.

— Всё скоро откроется, — он для большего драматизма дразнит меня, и протягивает руку. Я хватаюсь за неё, словно за жизнь перед смертью. Ладно, может, не в жизни дело, а моих неустойчивых лодыжках.

Чёрт бы побрал Челси и её любовь к высоким шпилькам. Клянусь, в прошлой жизни она танцевала у шеста. Если она делает это и в этой, я не хочу знать.

Придерживаясь за руку Мака, я позволяю ему вести меня к двери, в которую я не входила десять лет. Я моргаю, чтобы приспособиться к полутемной комнате, в которую мы вошли.

— О, Мак!

Это единственные слова, которые мне удаётся прохрипеть. Я чувствую, как мы только что вошли в мечту. Под потолком, словно магические облака, висят те же самые бирюзовые, серебряные и белые воздушные шарики. Ткани на стенах из той же самой шёлковой ткани,

которую я помню с вечера нашего выпускного. Транспарант с надписью «Поздравления выпуску 2004» висит на дальней стене, и всё выглядит точно так же.

Есть три способа, которыми это могло произойти. Этот загородный клуб не менял дизайн все десять лет. Я ступила в варп, в котором время вернулось вспять. Или Мак потратил бесконечные часы, восстанавливая каждую деталь нашей последней ночи вместе прежде, чем жизни нас обоих изменились.

Мне удалось закрыть рот и улыбнуться самому невероятному мужчине, которого я знала.

— Это невероятно, Мак! — я склоняю голову к его плечу и смотрю на всю тщательную работу и значение, которое он вложил в этот восстановленный выпускной.

— Это просто комната. Ты, рядом со мной, вот что я бы назвал невероятным, — он ведёт меня к единственному столу со стульями, которые стоят в комнате.

Будучи очаровательным принцем, о котором я мечтала десять лет, он отодвигает для меня стул и помогает сесть за стол. Должна признать, я наслаждаюсь обращением со мной как с принцессой. Я просто надеюсь, что Мак не останется таким же джентльменом позже. Когда я сорву с него его смокинг и вытрахаю его мозг.

Мак осторожно садится напротив меня и тянется за моей рукой через стол.

— Я соскучился по тебе, — его глаза сканируют моё лицо. Уверена, что он может прочитать каждую эмоцию на нём, словно строчки в книге.

— Я тоже по тебе скучала. Очень сильно. Я знаю, что это было во благо, и что тебе нужно было время, чтобы со всем разобраться, но я бы солгала, если бы сказала, что это было легко, — мои глаза застилает туманом.

— Эй, не плакать. Я здесь, — он проводит большим пальцем у меня под глазом и останавливает слёзы, которые грозятся вырваться и испортить мой макияж.

— Для меня это тоже было тяжело, — в его голубые глаза светятся честностью. — Но теперь я знаю, что отдаю тебе всего себя, а не просто куски, которые остались после войны. Я не говорю, что я идеален. То есть, я почти идеален, очевидно, — он дразнит меня.

— Ты идеален, — я знаю, что он валяет дурака, но я говорю как есть.

Мак улыбается.

— Спасибо. Жаль, что я не записал этого. Пригодилось бы через шесть месяцев, когда бы ты выносила мне мозг из-за того, что я не опустил крышку унитаза.

Упоминание об этом не ускользает от меня.

Моё сердце разрывается от боли, когда я перевариваю его слова. Он не оставил мысль о нашем сожителстве? Прежде, чем мне удаётся ответить, нас перерывает официант с бутылкой шампанского и двумя бокалами.

— Могу я начать ваш вечер с напитка? — предлагает он.

— Да, спасибо, — кивает Мак. Мужчина ставит бокалы между нами и тянется за бутылкой.

— Вы можете просто оставить нам бутылку. У нас есть много чего отпраздновать, — улыбается Мак.

Наш официант не спорит. Он просто ставит её между нами.

— Ваш ужин скоро будет готов, — информирует он Мака прежде, чем исчезнуть у меня за спиной.

Мне не стоило бы удивляться тому, что Мак заказал обслуживание для нашего выпускного, но я удивлена. Как и мужчина, который только что прошёл через комнату,

чтобы настроить проигрыватель в дальнем углу, не должен удивлять меня, но он удивляет.

Мягкая музыка льётся из стереосистемы, и Мак наливает нам по бокалу шампанского. Он поднимет свой бокал для тоста, и я подражаю ему, желая услышать то, что он собирается сказать.

— Лорен, сегодня ты выглядишь также прекрасно, как и десять лет назад. Я был самым счастливым мужчиной на балу, и сегодня ты сделала меня самым счастливым мужчиной, когда держала меня за руку.

— Спасибо, — я не знаю, что ещё сказать. Мак никогда не отличался умением красиво говорить, но кажется, сегодня он полон сюрпризов.

— Нет, тебе спасибо, — отвечает он. — Я понял, что нет лучшего места, чем гольф-клуб, чтобы попросить о второй попытке, так что...

— Второй попытке? — перебиваю я. Я понятия не имею, о чём он говорит.

— Ага, это термин в гольфе. Это типа о повторном ударе? Ты никогда о таком не слышала? — в уголках его глаз собираются морщинки. — Послушай, всё, что тебе нужно знать, это то, что помимо того, что я невероятно красив, я еще и очень умный,— смеётся он.

— И ещё скромный, — дразню я его.

— Ага, чертовски скромный, — улыбается он. Мой старый Мак. — Так или иначе, за новые начинания, — он поднимает свой бокал выше, и я поднимаю свой.

Первый глоток шампанского ощущается, словно я на небесах. Маленькие пузырьки показывают у меня на губах, но я чувствую мягкость на языке.

Мак опустошает бокал одним большим глотком, и делает глубокий вдох.

— Лорен?

— Да?

— Потанцуешь со мной?

В ушах звенит от шока. Ни разу за всю свою жизнь Мак не танцевал со мной. Никогда. Неважно, как я умоляла, или плакала, или угрожала ему тем, чего боятся все подростки. Он никогда не сдавался.

— Конечно, — я едва выдыхаю эти слова, будто они застряли у меня в горле.

Он встаёт и протягивает мне руку. Я придерживаюсь, и следую за ним к площадке. Музыка внезапно меняется на *Coldplay*.

Пришел, чтобы встретить тебя, сказать тебе, что мне жаль. Ты не знаешь, насколько ты прекрасна, мне нужно было найти тебя сказать тебе, что ты мне нужна. Сказать тебе, что распознал тебя. Расскажи мне свои секреты, и задай мне свои вопросы, О, давай вернёмся к началу.

Идеально. Абсолютно идеальная песня с абсолютно идеальным мужчиной. Даже теоретически всё не могло стать лучше. Мак держит меня за талию. И танцует с грацией ученика средней школы, но это так очаровательно. За его неумение танцевать я люблю его ещё больше.

Я наклоняю голову к его груди, и вдыхаю его запах.

— Спасибо за это, Мак, за всё это. Я, ну, не знаю даже, что сказать, кроме как то, что это — волшебство.

Скажи мне, что любишь меня. Вернись и преследуй меня. О, и я поспешу к началу. Буду бегать кругами. Преследовать наши следы. Возвращаться туда, где мы сейчас.

— Очень подходит, — он хмыкает, и я смотрю на него вверх.

— Почему это?

— Разве у нашего выпускного не было темы принцесс или чего-то в этом роде? — он смотрит на меня вниз.

— Ага, ну, тема была «Волшебная Сказка». Так что, да, «волшебно» как раз подходит, — улыбаюсь я ответ.

— Ну, какая сказка без счастливого конца? — Мак прекращает танцевать, и просто смотрит мне в глаза. Думаю, он собирается поцеловать меня, и я уже приоткрыла губы, но вместо этого, он, скользнув вниз здоровой ногой, опускается передо мной на колени.

Он отпускает мою руку и тянется к пиджаку, вытаскивая знакомую бархатную коробочку, в которой находится обручальное кольцо. То, которое он дарил мне на колесе обозрения. Она знакомая не только из-за предложения. Она знакомая потому, что с тех пор, как он вышел из моей машины к полицейскому участку, это кольцо лежало на ночном столике в этой самой коробочке.

— Как ты его достал? — я не собираюсь обвинять его. Я всего лишь удивлена, снова увидеть кольцо в его руках.

Он подминает крышку, и конечно, это то же кольцо.

— Челси незаметно сунула мне в карман перед тем, как мы вышли, — он улыбается мне, блестя глазами.

Конечно же, она это сделала. Хитрюга.

— Лорен, ты дашь мне шанс начать всё сначала? Исполнить судьбу, которая, я знал, была моей с тех пор, как мне исполнилось шесть лет? Ты станешь моей женой?

В моей голове я всё ещё вижу его круглое лицо, когда ему было шесть лет. Его милую улыбку, которая с годами превратилась в неотразимую ухмылку.

— Да, конечно стану. Да! — я поднимаю свою дрожащую руку, и Мак возвращает кольцо на мой палец. В душе я знаю, что больше никогда его не сниму. То, что имеем мы с Маком, нельзя разрушить. Судьба всего лишь толкнула нас назад туда, где всегда должно быть наше место. В объятьях друг друга.

Мак поднимается и обнимает меня, его губы слегка приоткрывают мои, пока наши языки не заканчивают танец вместо нас. В объятьях друг друга. Это здесь мы были всегда, и это здесь, где мы всегда будем. Пока смерть нас не разлучит.

Никто не говорил, что будет легко. О, стыдно, что мы разошлись. Никто не говорил, что будет легко. Никто никогда не говорил, что будет так тяжело, но я собираюсь начать сначала.

Эпилог

Лорен

Настоящее время

— Какой прекрасный день, — я смотрю вверх на тёмно-голубое небо и вдыхаю на полную грудь воздух, который почему-то кажется чище. Как я всегда делаю в сентябре.

— Хочешь поговорить о прекрасных? Посмотри на вас обеих, — Мак наклоняется и целует меня в щеку, а потом наклоняется ещё ниже, чтоб поцеловать нашу десятимесячную дочку, Хонор, в носик.

Хонор смеётся и хватает лицо своего папочки обеими руками, пуская слюни с открытым ртом, которые стекают по подбородку. Она ещё не отточила мастерство поцелуев.

Мак смеётся и вытирает слюни малышки тыльной стороной ладони.

— Можно мне её подержать? – перебивает Крис.

Должна признать, я нервничала, когда впервые узнала, что беременна Хонор. Разница в возрасте между ней и Крисом казалась непреодолимой для того, чтобы они стали близки. Я так рада, что мои страхи были необоснованны. Может, её старший брат и намного старше неё, но их связь не могла быть лучше, чем она есть. Он абсолютно восхищён своей сестрой-малышкой. Если уж на то пошло, кажется, что разница в возрасте стала ему только на пользу. Он одиннадцать лет был единственным ребёнком, впитывал всё внимание, и теперь, кажется, вздохнул с облегчением, когда этим теплом поделились ещё с кем-то. Посмотрим, как это пойдёт, когда он станет подростком, но сейчас я просто наслаждаюсь моментом.

— Конечно, дружок. Можешь подержать её, — я осторожно передаю Хонор в руки своему сыну. Она ещё не ходит, но так ёрзает, что её часто сложно удержать. К счастью, сегодня она чувствует себя весьма сонной, так что прислоняет головку к груди Криса и в скромной улыбке показывает свои новые зубы. С её кожей цвета мокка и большими карими глазами она уже разбивает сердца всех парней.

— Ребята! Эй! Смотрите, вы в камере для поцелуев! – возбуждённо выкрикивает Челси и указывает на огромный экран через стадион. Я оглядываюсь туда, куда она указывает пальцем, и, конечно же, Мак и я улыбаемся друг другу через поле.

— Ну, не станем же мы их подводить, не так ли? – Мак крепко притягивает меня к себе, и наши губы находят друг друга, сначала нежно, но, как и каждый поцелуй с Маком, искра страсти быстро возгорается и горит как бенгальский огонек в руках ребёнка на 4 июля.

Вокруг нас я слышу возгласы и завывание целого блока стадиона. Хотя, поверх всей суеты я слышен стон Криса.

— Мам! Ты меня смущаешь!

Я отодвигаюсь от Криса и спасаю своего сына от публичного унижения любви его родителей.

— Спасибо, что дала знать о камере, Челси, — я смотрю через плечо Мака, но она меня не слышит. Теперь, когда перерыв окончен, она полностью поглощена игрой. Моя сестра – супер фанат. Я задумываюсь, была бы она такой заинтересованной в игре, если бы прямо сейчас на поле квотербеком не был бы Камерон Армстронг.

Ставки на то, что не была бы.

— Ты не боишься, что будешь стариком в кампусе? – пинаю я Мака по рёбрам.

С тех пор, как Мак получил работу координатора программы помощи в проекте для раненных военных, он подумывал вернуться в колледж. Ему нравится находиться в военных госпиталях, разговаривать с ветеранами и их семьями. И он любит их. Из истории, которая была у нас с Маком, они знают, что получают нечто настоящее, когда он говорит с ними. Сейчас он зачислен в здешний университет Колорадо на частичную занятость с целью посещать курсы по психологии. Я не думаю, что он будет преследовать степень по психологии, но он настроен выучить так много, как сможет, чтобы помочь этим парням.

— Я знаю, что ты не можешь говорить обо мне, — дразнит Мак. – Потому что этот парень, — он тычет большим пальцем себе в грудь, — в самом расцвете своей жизни. Ты переживаешь о том, что твой муж будет стариком в кампусе? – он возвращает мне мой же вопрос.

Нет. Нет не потому, что Мак не сексуальный, или смешной, или потому, что у него всё ещё есть маленькие цыпочки, которые флиртуют с ним время от времени, потому что это правда. Это потому, что я знаю, что он меня любит. Только меня. Всегда меня.

— А мне стоит переживать? — улыбаюсь я ему, просто потому что знаю, что мне не о чем переживать не означает, что мне не нравится слышать это от него.

— Конечно, нет! Ты это знаешь, — он кладет руку на мои плечи и сжимает их.

— Ага, знаю, — я наклоняю голову к его плечу и вдыхаю его запах. Даже проспав рядом с этим мужчиной два года, я всё ещё думаю, что нет более сильного афродизиака, чем его запах.

— Вы видели это? — визжит Челси и указывает на поле. — Всё закончилось! Они безжалостно разделали их в игре! — возбуждённо кричит она.

На самом деле, я не видела, потому Мак и мои прекрасные дети меня отвлекали, а игра была слабым шумом на заднем плане идеального дня. И всё равно я ценю, что Камерон достал для нас эти места. Теперь, когда мы во второй раз сидим так близко к полю, меня это балует. Я бы не смогла теперь просидеть на дешёвых местах всю игру.

Руки Мака соскальзывают с моих плеч, и он вскакивает на ноги, когда игроки покидают поле. Я встаю рядом с ним забираю Хонор, целуя её в пухлую щечку.

Люди вокруг нас начинают шаркать ногами и собирать вещи, чтобы уйти, но Мак не двигается. Чувствую, что знаю почему.

Конечно же, я вижу Камерона, который снимает шлем и бежит к нам легкой трусцой. У меня, будто, дежавю двухлетней давности, но чувство такое, что в этот раз он бежит не для того, чтобы поговорить с Крисом. Я смотрю на Челси и вижу, как она нервно приглаживает волосы руками. Клянусь, эти двое, словно парочка подростков, которые во время ланча восторгаются друг другом в разных концах кафетерия, но так и не скажут «привет». Очень жаль, что король-квотербек Армстронг последние два года был занят фан-клубом своих поклонниц. Я, правда, думала, что они с Челси хотя бы сходят на свидание. Не уверена, кто больше разочарован за них — я или она.

Нет, кого я дурачу? Она. Явно, она.

— Эй, чувак, отличное начало сезона! — Мак пожимает руку Камерона.

— Спасибо. Нужно показать пример всем этим агентам, так ведь? Очевидно, что колледж не будет длиться вечно. В конце концов, они дадут тебе бумажку, и попросят покинуть кампус, — улыбается он Челси.

Я смотрю на свою сестру, и ее улыбкой можно было бы останавливать дорожное движение. Нежная. Очень нежная.

— Отличная игра, Армстронг, — Крис уверенно протягивает руку. Моё сердце пульсирует от радости. Он весьма подрос с тех пор, когда ему провели экскурсию по стадиону пару лет назад. Я так благодарна за то, что Мак и Камерон поговорили с ним и помогли ему отпустить то, в чём он так отчаянно нуждался.

— Эй, парень, давно не виделись, — Камерон пожимает его руку. — У тебя получилось попасть в команду? — он смотрит на моего сына, и я вижу, что Крис польщён тем, что квотербек помнит его цели.

— Удалось. Я играю в школьной команде, — он гордо выпячивает грудь. У него есть все причины гордиться. После того, как я устроила Крису в новую школу в районе, вы бы никогда не узнали в нём того ребёнка, которого исключили. Он тяжело учился и получил отличие, а его табель успеваемости — чего мы оба боялись — дали ему билет в светлое будущее.

— Отличная работа, парень. Продолжай работать, и может быть, ты попадёшься на глаза футбольному агенту, — Камерон хлопает Крису по предплечью.

— Ну, ты и правда делаешь себе имя, — перебивает Челси. — Держу пари, тебя выберут в первую лигу.

— Я бы подумал, что это правда. Но я думал, что в старшей школе тоже сделал себе имя, но ты не помнишь меня оттуда, да? — он ловит её с поличным.

Челси ёрзает немного и хмурит брови.

— А, ага, конечно помню.

Её ложь так мучительно очевидна, что мне хочется скривиться.

— Ага, звучит так, будто я произвел отличное впечатление, — дразнит её Камерон. — Вот что я тебе скажу. Как насчёт того, чтобы ты дала мне свой номер, и я сводил тебя куда-нибудь в следующую пятницу. В этот раз я сделаю всё, что бы ты меня не забыла, — он прищуривает глаза и понижает голос.

— Я не против, — отвечает Челси. Думаю, у нас есть победитель в номинации «Недооценка Года».

Пока моя сестра печатает цифры в телефоне Камерона, я поднимаю глаза на Мака. Я так счастлива, что уже нашла своего мужчину. Отца моих детей. Мою родственную душу. Мою вечность.

— Давай оставим этих двоих наедине, — шепчу я ему. Он смотрит на меня вниз кристально голубыми глазами, и в десятый раз за день, я вспоминаю, насколько я счастлива. Как мы счастливы.

— Челси, встретимся в машине, хорошо? Хочу начать собирать Хонор. Не спеши, ладно? — я оглядываюсь на свою сестру.

— Конечно, — отвечает она, не отводя взгляда от Камерона Армстронга. Думаю, не сложно увидеть, почему со своими песочного цвета волосами и тёмно-синими глазами у него остался мальчишеский шарм, которого он так и не утратил после старшей школы. Приятно видеть, что он смотрит на неё с таким же желанием, отражающимся на его лице.

Когда мы оставляем их за разговором, я смотрю на свою семью. На своего сына, который превращается в мужчину. Дочь, которая помогает мне писать главы моей жизни по страничке за раз. Я внимательно смотрю на них и знаю, что моя история подходит к концу.

Когда я оборачиваюсь назад через плечо к Челси и Камерону, я не могу не задуматься, не начало ли это их истории?

Больше книг на сайте - Knigolub.net